

В.А.КОЧЕРГИНА
ВВЕДЕНИЕ
В ЯЗЫКО—
ВЕДЕНИЕ

ОСНОВЫ
ФОНЕТИКИ—
ФОНОЛОГИИ
ГРАММАТИКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

В.А. КОЧЕРГИНА

ВВЕДЕНИЕ В ЯЗЫКО— ВЕДЕНИЕ

ОСНОВЫ
ФОНЕТИКИ—
-ФОНОЛОГИИ
ГРАММАТИКА

2-е издание,
переработанное

Допущено Государственным
комитетом СССР по народно-
му образованию в качестве
учебного пособия для студен-
тов вузов, обучающихся по
специальности «Восточные язы-
ки и литература»

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

1991

Рецензенты:
профессор *Т. А. Амирова*,
профессор *О. С. Широков*

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

Кочергина В. А.

Введение в языковедение. Основы фонетики-фонологии.

Грамматика: Учеб. пособие. — 2-е изд., перераб. — М.:
Изд-во МГУ, 1991. — 205 с.

ISBN 5—211—01530—4

В пособии (1-е изд. — 1979 г.) большое внимание уделено определению единых основополагающих понятий фонетики-фонологии, грамматики с применением понятийного аппарата западного и индоевропейского языкознания.

Для специалистов-филологов, студентов-востоковедов младших курсов, лекторов, учителей средних школ, а также всех, кто интересуется вопросами практического языкознания.

С $\frac{4602040000(4309000000)—135}{077(02)—91}$ 174—91

ББК 81—1—2(5, 6)

ISBN 5—211—01530—4

© Кочергина В. А., 1991

ПРЕДИСЛОВИЕ

Интенсивное изучение в последние десятилетия языков Азии и Африки выдвигает перед языковедами новые задачи.

Ряд вопросов теории требует пересмотра, если выйти за рамки того лингвистического материала, который предоставляет индоевропеистика. Русские и советские языковеды уже давно понимали это. Академик Л. В. Щерба писал: «...наша беда и беда фортунатовской школы в том, что у нас лингвистическое мышление было подавлено индоевропейским строем языков... Наша задача заключается в том, чтобы высвободиться из-под этого влияния и понять, что есть другие языки, которые выражают то же, что и мы — иначе» [202, 103]. Обогащение наших сведений о языках Азии и Африки и благодаря этому расширение лингвистического кругозора делают в настоящее время выполнение этой задачи не только реально достижимым, но и обязательным.

В практическом плане при подготовке филологов и прежде всего филологов-востоковедов это влечет необходимость создания теоретических курсов и учебников с использованием в них нового лингвистического материала, с уточнением на его основе ряда традиционных проблем при учете современного состояния науки о языке.

Современное теоретическое языкознание характеризуется богатством проблематики при разнообразии направлений и школ, при различии методов и приемов исследования языка. Обилие новой информации в науке о языке, как и в других современных отраслях научных знаний, и реально существующая узкая специализация создают необходимость овладеть основами современных научных знаний и развить умение ориентироваться в них. В настоящее время студентам особенно нужны учебники и книги, включающие систематизированные основы науки. Тем более они необходимы в области языковедения, так как оно является одной из немногих дисциплин, о которой школьная программа не дает почти никакого представления.

Все вышеизложенное объясняет цель предлагаемой книги и определяет ее задачи: обоснованный отбор начальных лингвистических знаний, усвоение которых необходимо для профессиональной подготовки филолога, обогащение этих знаний новым факти-

ческим материалом, уточнение и систематизация их на основе достижения лингвистической теории.

Осуществление этих задач облегчают традиции, заложенные в нашем отечественном языковедении.

В русской лингвистике сложился курс основ языковедения, предваряющий изучение вопросов общего языковедения и специальных лингвистических дисциплин. Этот курс создавался трудами И. А. Бодуэна де Куртенэ и Н. В. Крушевского, ученых казанской лингвистической школы, ленинградскими языковедами во главе с Л. В. Щербой; задачи, объем и проблематику такого курса разрабатывали в своих лекциях и книгах лингвисты московской («фортунатовской») школы — В. К. Поржезинский, Д. Н. Ушаков, М. Н. Петерсон, а также П. С. Кузнецов.

В 1928 г. была опубликована книга Е. Д. Поливанова «Введение в языкознание для востоковедных вузов» [125], в которой автор ставил перед собой задачу — дополнить и уточнить теоретический материал, который «предлагался в общих курсах «западникам» [125, I], данными восточных (в основном дальневосточных) языков. Известная из предисловия общая композиция труда дает представление о планах автора, оставшихся в большей своей части неосуществленными.

Работы по основам языкознания сыграли положительную роль в подготовке нескольких поколений русских, главным образом советских, языковедов, отразив в своих частях этапы развития современной науки о языке. Таковы, например, учебник Р. О. Шор и Н. С. Чемоданова [199], выдержавший четыре издания учебник «Введение в языковедение» А. А. Реформатского [140], «Введение в науку о языке» Р. А. Будагова [33], «О принципах изучения грамматики» П. С. Кузнецова [92], учебное пособие «Введение в языкознание» Б. Н. Головина [51] и др. Именно поэтому в нашей книге, посвященной подаче «крупным планом» основ языковедения в соответствии с традициями русской лингвистики и ориентированной на востоковедов, мы пытались проследить путь становления определенных воззрений по теоретическим вопросам прежде всего в трудах отечественных языковедов. Опубликованный I том труда Е. Д. Поливанова давно стал библиографической редкостью, и поэтому мы считаем своим долгом по возможности привлекать во II главе данные из работы Е. Д. Поливанова.

Предлагаемая книга написана на основе курса лекций по «Введению в языковедение» для студентов-востоковедов.

Книга дополнена материалами лекций по основам языковедения, читавшихся для преподавателей-стажеров Института стран Азии и Африки при Московском государственном университете.

Книга включает также результаты исследований ряда явлений грамматики на материале близких автору языков. Построение курса по «Введению в языковедение» обусловлено не только востоковедческой спецификой, но также задачами курса, закладывающего основы профессиональных лингвистических знаний и имеющего большое общеобразовательное значение.

Весь курс делится на 8 разделов.

Первый, вводный, раздел, «Язык и наука о языке», охватывает два круга вопросов: 1) язык: определение языка, его функции и сущности; единицы языка; структура и система языка; 2) наука о языке, ее содержание, разделы и специфика.

Для изучающих языки различных типов особое значение приобретает знакомство с лингвистической картой мира и с вопросами классификации языков. С типологической классификацией целесообразно знакомить после рассмотрения вопросов грамматики, однако проблема классификации языков в целом и генеалогическая классификация могут быть изложены ранее. В нашем курсе они составляют содержание второго раздела. Первое представление о генетических связях изучаемого языка черпается именно из курса «Введение в языковедение», а общеобразовательное значение знакомства с лингвистической картой мира не вызывает сомнений.

Третий раздел, «Язык и общество», знакомит с вопросами социолингвистики. Развитие национальных литературных языков, проблема государственного языка, то, что обозначается понятием «языковая ситуация» и определяет языковую политику в ряде стран, являются особенно актуальными при знакомстве с языками зарубежной Азии и Африки.

Общеобразовательное значение языкознания, которое филологи должны глубоко осознавать, делается наиболее очевидным при чтении четвертого раздела — «Происхождение и развитие письменности». В нем рассматриваются основные принципы передачи звукового языка графически. При этом обзор письменных систем стран Востока занимает ведущее место, так как к ним восходит большинство современных систем письма.

Далее следуют раздел пятый — «Фонетика-фонология» и раздел шестой — «Грамматика: морфология, синтаксис», о которых будет сказано ниже. К восприятию этих наиболее сложных разделов слушатели оказываются в большей степени подготовленными, получив определенные сведения и, что особенно существенно, ознакомившись с основами вновь изучаемого языка, — это дает возможность опираться на востоковедческий материал. В свою очередь «Фонетика-фонология» и «Грамматика» органически связаны с ходом изложения последующей темы — «Лексикология», составляющей седьмой раздел.

Как особая сфера языка лексика четко определяется именно в противопоставлении ее двум другим аспектам языка, рассматриваемым ранее. «Поаспектное разграничение языковых средств проведено по двум логически выдержанным основаниям: по характеру состава единиц и по типу смыслового содержания элементов языка. Первое отграничило лексические и грамматические средства (обладающие формой и содержанием) как самостоятельные языковые сущности от того, что служит при них в виде формы, т. е. от звуков, не имеющих самостоятельного значения,

второе — провело границу между лексическим и грамматическим значением языковых элементов» [155, 394]. Все традиционные вопросы Введения, касающиеся лексикологии, подчинены главному — рассмотрению системного характера лексики и в связи с этим новым приемам ее описания и изучения.

Заключительный, восьмой, раздел должен, по нашему мнению, содержать краткие сведения о методах лингвистического исследования (подробнее о построении курса см. [85]).

При таком построении и объеме курса «Введение в языковедение» учебник по нему должен состоять из нескольких книг.

Содержание предлагаемой книги ограничено разделами «Фонетика-фонология» и «Грамматика». Как известно, развитие современной лингвистической теории, связанное с системно-структурным подходом к языку, отличалось особой интенсивностью в сфере исследования вопросов фонологии. Что же касается грамматики, то «проблемы грамматического строя языка, структуры грамматических форм и их значений всегда представляли собой один из важнейших участков общей теории языка» [73, 3].

Теоретическую основу работы составляет концепция о системно-структурном характере языка, являющаяся, по удачному выражению профессора Р. А. Будагова, «открытием лингвистики XX века» и развиваемая в работах советских языковедов [см. 104; 115, 8—115; 159; 167; 175, 228—229; 216], на которые мы и будем в дальнейшем опираться (особенно [167]).

Системно-структурное устройство как онтологическое свойство языка обуславливает принимаемую в работе трактовку языковых единиц, их функций и свойств.

Рассматриваемые в книге основные единицы языка — фонемы, морфемы, слова (лексемы) и предложения (модели) — инвариантны и характеризуются неоднородностью, которая проявляется в парадигматических, синтагматических и иерархических отношениях (см. гл. II).

Совокупность отношений между единицами языка как дискретными и неоднородными элементами образуют структуру языка.

Единство элементов (единиц) языка и связывающих их отношений (т. е. структуры) образует систему языка.

В основе интерпретации языковых явлений лежит представление о языке и речи как об узуальных и окказиональных явлениях (см. [114, 85—91; 167; 142—171]).

Поскольку в книге находит осмысление ряд положений с учетом материала языков различных типов, большое внимание уделено определению единых основополагающих понятий теории фонологии и грамматики.

Для описания явлений как западноевропейских языков, так и языков зарубежной Азии и Африки был применен понятийный аппарат традиционного индоевропейского языкознания.

В задачу книги не входило формулировать отдельно теоретические принципы современного языковедения. Вопросы теории

даются в ходе изложения материала трех глав и дополняются по мере необходимости в примечаниях.

Построение и некоторые особенности изложения обусловлены назначением книги.

Прежде всего, — это — учебник, рассчитанный на студентов-филологов I курса, слушающих лекции по «Введению в языковедение».

В связи с этим на изложение вопросов фонологии и грамматики в основной части работы накладывается ограничение: круг проблем и уровень их рассмотрения находятся в соответствии с задачами курса, впервые знакомящего будущих филологов с основами науки о языке.

Местами изложение снабжается примечаниями (особенно во II и III главах), дополняющими текст изложения, указывающими, по какому пути шли или могли идти поиски наиболее удачного варианта раскрытия того или иного вопроса. Примечания рассчитаны на преподавателей, а построенная таким образом книга находит применение как работа, ориентирующая лектора или руководителя семинаров в современной проблематике двух центральных разделов науки о языке, а также в литературе по этим разделам.

Принятая форма изложения может привлечь к книге внимание преподавателей средней школы. Хочется напомнить, что первые русские работы по «Введению в языковедение» были адресованы также и им. Д. Н. Ушаков в своем «Кратком введении в науку о языке» писал: «Для преподавателя языка, в особенности родного, в школе низшей или средней, научное понимание языка вообще и научные сведения о преподаваемом языке в частности весьма необходимы. И не для того, чтобы сообщать их ученикам: они необходимы потому, что одни только они в состоянии помочь преподавателю поставить свой предмет — обучение языку — так, чтобы это был предмет живой, развивающий духовные способности и расширяющий умственный кругозор учащихся» [185, 3].

Таковы возможности практического использования предлагаемой книги.

Большое значение мы придаем знакомству с работами по вопросам фонетики-фонологии и грамматики, так как творческий метод обучения предполагает большую самостоятельную работу со специальной литературой. Именно поэтому прилагаемый список литературы необычно велик. Он содержит основополагающие работы по теории фонологии и грамматики (обычно они же — цитируемые работы), учебники и учебные пособия по «Введению в языковедение», рекомендуемые студентам по усмотрению лектора, и некоторые работы по отдельным языкам, которые могут быть использованы в качестве дополнительной литературы в соответствии с изучаемым языком. Теоретическая литература может быть использована в дальнейшем при написании курсовых работ. Список литературы в целом, а также работы, приводимые в примечаниях, рассчитаны на преподавателей.

Как говорилось выше, одной из задач книги является ознакомление с лингвистическими идеями прежде всего отечественного языковедения, что отразилось и в списке литературы, содержащем преимущественно новые исследования советских языковедов. Включенные в список литературы исследования зарубежных ученых в связи с ориентацией настоящей работы на широкий круг филологов-языковедов снабжены, где это возможно, указанием на их русские переводы, подготовленные в основном в течение последних двух десятилетий трудами советских языковедов.

В цитатах из иностранных работ номер страницы указывается по изданию на русском языке, если оно имеется.

Ссылки на литературу в тексте даются в квадратных скобках: первая цифра обозначает порядковый номер работы в списке литературы, а вторая — номер страницы.

Поскольку в процессе изложения мы шли к научным обобщениям от конкретного языкового материала, в книге большое значение придается иллюстрациям, приводимым из русского, основных западноевропейских языков и ряда языков зарубежной Азии и Африки.

Основным условием привлечения фактов языка зарубежной Азии или Африки является наличие в нем характерных особенностей, наиболее ярко иллюстрирующих то или иное из описываемых в книге языковых явлений. Например, турецкий язык иллюстрирует такие явления, как сингармонизм и агглютинация, арабский язык — наличие трансфиксации, корейский язык — своеобразие системы противопоставлений четырех рядов согласных фонем, индонезийский язык — наличие всех видов аффиксов и т. д. Однако большинство иллюстраций дается, естественно, на русском и основных западноевропейских языках, и здесь уместно вспомнить слова Е. Д. Поливанова по поводу использования иллюстративного материала: «Для изучающего какой-либо язык усваивать рекомендуется места общего значения и то из иллюстративного материала, что относится к изучаемому языку» [125, V].

В интересах стройности изложения иллюстративный материал оказалось необходимым значительно сократить. В некоторых случаях он выносится в примечания.

Используемые иллюстрации содержат лишь небольшую часть материала, собранного в процессе работы над книгой.

Вопросы транскрипции русского, английского, немецкого и французского языков достаточно унифицированы и в настоящее время споров не вызывают. В практике работы с так называемыми «восточными» и африканскими языками не пользуются единой системой транскрипции. Это обстоятельство отразилось и в книге. Примеры на языках, пользующихся слоговой, консонантной и другими системами письма с элементами диакритики (например, хинди, арабский, персидский, японский, корейский), приводятся в транскрипции или в транслитерации, с которыми принято знакомить в наших вузах на практических занятиях соответствующими языками. Примеры из китайского языка, пользующегося иерогли-

фической системой письма, даются в записи китайским фонетическим алфавитом, созданным на основе латинской графики. Примеры на языках Азии и Африки, пользующихся в настоящее время латинской системой письма, даются без транскрипции ввиду преобладающего фонетического характера подобных систем письма (например, турецкий язык, индонезийский, вьетнамский, хауса).

В приводимых цитатах примеры сопровождаются той транскрипцией, которой снабдил текст (или слово) автор цитируемой работы.

Наряду с общепринятыми сокращениями в названиях основных западноевропейских языков употребляются еще следующие сокращения в названиях языков стран зарубежной Азии — I и Африки — II:

I а. — арабский	с. — санскрит
в. — вьетнамский	там. — тамильский
и. — индонезийский	т. — турецкий
кит. — китайский	у. — урду
к. — корейский	х. — хинди
п. — персидский	я. — японский
II а.а. — амхарский	а.м. — мальгашский
а.б. — бамбара	а.с. — суахили
а.з. — зулу	а.х. — хауса

Второе издание незначительно отличается от первого. Некоторые уточнения внесены в текст и в список литературы после внимательного авторского прочтения того, что было написано свыше десяти лет тому назад. На основе обсуждения книги членами кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета МГУ сделаны небольшие дополнения к I и II главам. Коллективу кафедры, особенно В. В. Борисенко и В. П. Мурат, приношу свою сердечную благодарность.

Введение

Фонетика и фонология — раздел языкознания, изучающий звуковой строй языка. Звуковой строй служит материальной формой языка и находится в сложных двояких отношениях с биологической и с общественной природой человека. В связи с этим сложилось несколько аспектов¹ изучения звукового строя языка.

1. Акустический аспект, изучающий звуки как физическое явление.

2. Анатомо-физиологический, или биологический, аспект, изучающий звуки как результат работы ряда органов человека.

Способность органов слуха воспринимать звуки называется перцепцией, совокупность движений органов речи при образовании звуков называется артикуляцией.

Акустическая (включая также перцептивную) и артикуляционная характеристики звуков составляют предмет фонетики.

3. Лингвистический, или функциональный, аспект изучает функции звуковых единиц языка. Этот основной аспект изучения звукового строя языка составляет предмет фонологии. Фонология опирается на данные фонетики и представляет ее более высокую ступень.

§ 1. Акустический аспект изучения звуков

Звуки — результат колебательного движения упругой среды. При возникновении звуков человеческого языка источником колебательных движений являются произносительные органы человека (прежде всего голосовые связки). Колеблющееся тело толкает, смещает и сжимает частицы воздуха. «Тело сжимает ближайший слой, этот слой давит на следующий — так слой за слоем, частица за частицей приводится в движение весь окружающий воздух.

¹ См. в книге Г. П. Торсуева о двух аспектах — фонологическом и фонетическом. Фонологический аспект «характеризует функцию звуковых единиц образующих ими структур и отношений, а также звуковых закономерностей в языке и речи» [180, 3], фонетический аспект характеризует звуковые единицы в плане акустическом, перцептивном и артикулярном.

Мы говорим, что воздух пришел в колебательное состояние или что в воздухе происходят звуковые колебания»².

Звуковые колебания могут быть ритмичными, или периодическими, в результате их возникают тоны.

Колебания могут быть и аритмичными, или непериодическими, они приводят к возникновению шумов.

Существуют два плана признаков, характеризующих звуки: 1) воспринимаемые признаки звука: а) высота, б) сила или громкость, в) длительность, г) тембр; 2) их акустические корреляты³: а) частота, б) интенсивность, в) время звучания, г) спектр.

Гармоническое колебание, происходящее по закону синуса, характеризуется максимальным смещением от положения равновесия — амплитудой колебания и временем, которое затрачивается на совершение полного колебания, — периодом колебания. Величина, обратная периоду, — частота колебания. Единицей частоты является герц (гц). Человеческое ухо способно воспринять звуковые колебания в полосе частот от 20 до 20 000 герц.

Частота колебаний обуславливает высоту звука. Частота колебаний голосовых связок обуславливает высоту голоса. Высота голоса при пении колеблется в полосе частот от 75—80 герц в секунду (бас) до 1000—1200 герц в секунду (сопрано).

Звуки с большой частотой называются высокими, а с низкой частотой — низкими. Длина слышимых звуковых волн от 15 м (самые низкие звуки) до 3 м (самые высокие звуки).

Амплитуда колебания обуславливает силу звука.

Восприятие звуковых колебаний органами слуха («слышание») основано на явлении резонанса. Внутри уха имеется около 4,5 тысяч тончайших волокон различной длины, как бы «настроенных» на различные тоны. Барабанная перепонка передает им колебания, но воспринимают колебания только волокна, «настроенные» природой на частоту, которую имеет переданное барабанной перепонкой колебание.

Колеблющийся источник звука излучает энергию в окружающий воздух. «Через каждую площадку, расположенную перпендикулярно к линии распространения звука, за секунду протекает определенное количество энергии... Если взята площадка в 1 см², то протекающее количество энергии называют интенсивностью звуковой волны»⁴.

Интенсивность звуковой волны воспринимается слуховым аппаратом как громкость.

Человеческое ухо способно воспринимать в виде звуков волны с интенсивностью от 10^{-9} до 10^4 эрг/см²·сек, т. е. сильнейший звук отличается от слабейшего в десять триллионов раз. При таких значительных различиях для установления громкости звуков поль-

² Ландау Л. Д., Китайгородский А. И. Физика для всех. 3-е изд. М., 1974 (глава XV — «Звук»).

³ «Коррелятивный» — связанный с другими взаимной зависимостью, обусловленностью.

⁴ См. сноску 2.

зуются логарифмическим масштабом. За нулевой уровень громкости E_0 принимают 10^{-9} эрг/см²·сек и затем устанавливают, во сколько раз энергия звука E больше нулевого уровня громкости E_0 . Десятичный логарифм отношения E/E_0 принят за меру громкости. Единица громкости — бел, десятая доля ее — децибел (дб). Громкость в децибелах равна $10 \log E/E_0$. Увеличение силы звука на 1 дб соответствует возрастанию интенсивности звука в $10^{0,1} = 1,26$ раза. Величина громкости звука на расстоянии нескольких метров от источника звука при шелесте листьев равна, например, 10 дб, при громком разговоре — 70 дб, при движении самолета — 100 дб.

Источник звука может колебаться многими способами. Струна музыкального инструмента, если она настроена (т. е. подобрана длина струны и степень натяжения), издает определенный тон. Однако если трогать струну в разных местах, то возникают звуки одного тона, но разных оттенков. Звуки одной тональности имеют разную окраску потому, что колебание струны может происходить с различной частотой. Наименьшая (или основная) частота имеет место при колебании всей струны в целом, что дает основной тон. Большие частоты возникают при колебании частей струны. Эти частоты являются кратными основной частоте и относятся к собственным колебаниям струны. «Собственные колебания струны, кроме основного, дают звуки, которые называются обертонами. Звук струны складывается из основного тона и обертонов. Трогая струну в различных точках, мы создаем различные спектры колебания»⁵. Спектр колебания содержит обертоны разной силы, которые и создают окраску звука, его тембр. Ниже приведена запись звука одной тональности, извлеченного из кларнета (а) и рояля (б) (рис. 1). Основная частота колебаний одинакова, а рисунки кривых различны, так как различен тембр этого звука.

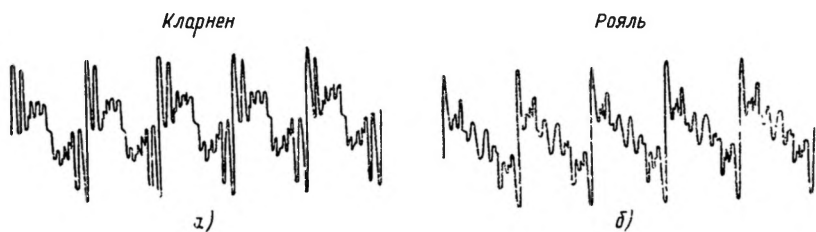

Рис. 1.

Поскольку обертоны являются гармониками⁶ основного тона, звуки представляют собой совокупность гармонически сочетающихся тонов.

⁵ См. сноску 2.

⁶ Гармоника — звук, имеющий частоту, кратную частоте данного звука.

При произнесении гласных звуков основной тон один и тот же, но гармонично наслаивающиеся на него обертоны (гармоники) обуславливают различие в качестве гласных звуков — а, и, у, ä, э.

На явлении резонанса основано не только восприятие звуковых колебаний, но и их образование. Колебание одного тела может быть воспринято и усилено резонаторами — другими телами или «воздушным столбом» (например, отражательные колебательные движения «воздушного столба» в полости рта, в полости носа). Чем больше резонатор, тем ниже его собственный звук, чем меньше резонатор, тем выше его собственный звук. Резонирующие тела, или «воздушный столб», имеют собственные колебания, равные или близкие по частоте колебаниям звучащего тела. Благодаря резонаторам усиливаются различные составные тоны звука, при этом главный тон, создаваемый резонированием и приобретающий определенные свойства в зависимости от области резонирования, называется формантой звука. Форманты представляют собой постоянные характеристики звуков речи.

В потоке речи звуки динамичны, изменчивы, длящийся звук меняет свое качество, свою формантную характеристику. В этом состоит большая сложность описания и распознавания звуков в потоке речи.

Акустические свойства звуков речи изучаются в современной науке точными методами при помощи специальной аппаратуры.

Так, колебания воздуха при произнесении звуков речи фиксирует на особых лентах кимограф; звуковые колебания воздуха переводятся в колебания электрического тока и записываются осциллографом (рис. 2). Электрические спектрографы анализируют внутреннее физическое строение звуков речи.

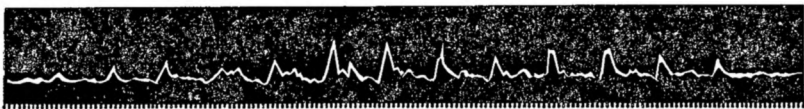

Рис. 2. Осциллограмма

Акустическая фонетика стала неотъемлемой частью изучения всего комплекса вопросов фонетики того или другого языка.

§ 2. Анатомо-физиологический аспект изучения фонетики

У человека нет специального органа речи. Для образования звуков служит целый ряд органов, исполняющих прежде всего другие жизненно важные функции в человеческом организме. Поэтому термин «органы речи» в дальнейшем употребляется условно.

Речевой, или произносительный, аппарат человека состоит из трех частей.

1. Дыхательный аппарат. Дыхательный аппарат включает в себя органы, расположенные в грудной клетке: диафрагму, легкие, бронхи, трахею и дыхательное горло. Дыхательный аппарат создает воздушную струю, необходимую для образования звуковых колебаний. Речевое, или фонационное (т. е. производящее звук), дыхание отличается от обычного. При спокойном дыхании вдох и выдох совершаются в равные промежутки времени. При фонационном дыхании происходит быстрое вдыхание и медленное, толчками, выдыхание, рассчитанное на произнесение определенного отрезка речи.

Диафрагма, эластичный мускул, на который опираются легкие, в спокойном положении вогнута вверх. При вдохе она выпрямляется, а при выдохе, стремясь занять прежнее положение, выгибается вверх и способствует выталкиванию воздуха из легких.

Как показывают недавние наблюдения над работой речевого аппарата путем рентгенографирования с одновременной регистрацией кимографом давления воздушной струи (метод рентгенокимографирования), диафрагма колеблется с определенной амплитудой. Движения диафрагмы на каждом звуке речи координируются с движением бронхов под влиянием нервных импульсов, поступающих из коры больших полушарий. Этим достигается регулирование силы воздушной струи, что в свою очередь обуславливает характер образования звуков и деление речевого потока на слоги.

Сила выдоха обуславливает характер силового, или экспираторного (экспирация — выдыхание), удара в языках.

2. Гортань с расположенными в ней органами. В гортани расположены неподвижные перстневидный и щитовидный хрящи и два подвижных черпаловидных хряща (рис. 3).

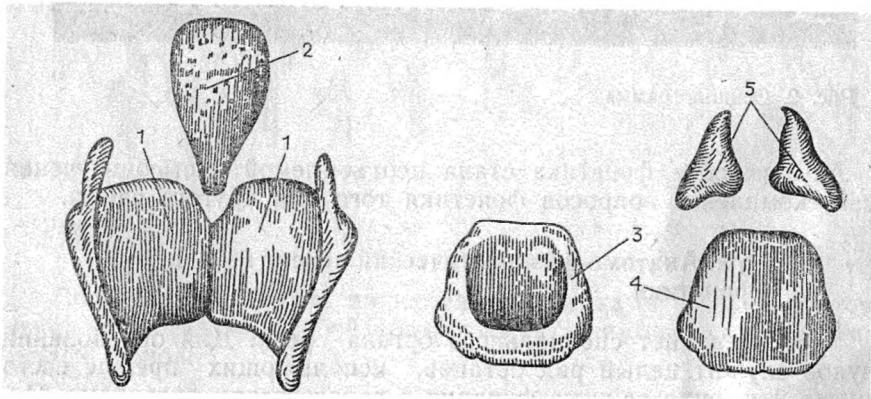
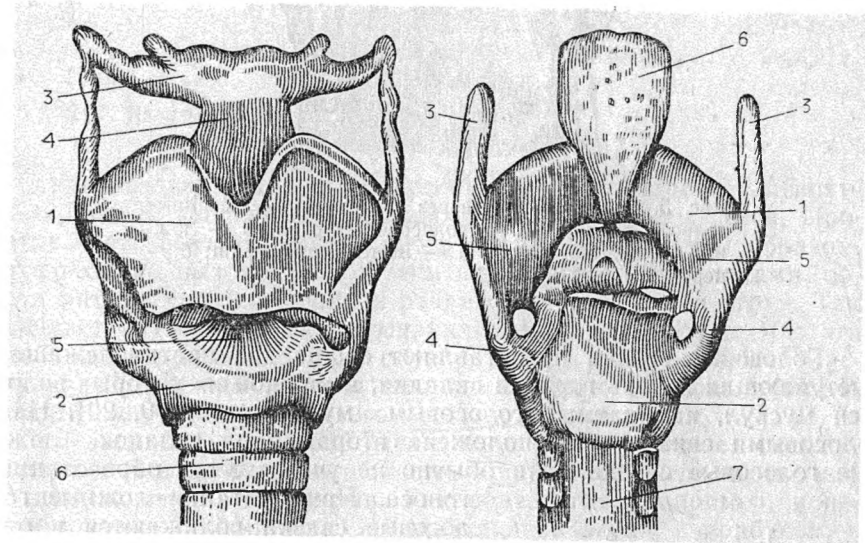

Рис. 3. Хрящи гортани: 1 — щитовидный хрящ; 2 — надгортанник; 3 — перстневидный хрящ (спереди); 4 — перстневидный хрящ (сзади); 5 — черпаловидные хрящи

Перстневидный хрящ присоединяется к первому хрящу дыхательного горла и образует основание гортани. У перстневидного хряща широкая задняя часть, так называемая печатка, и узкая передняя часть, обруч. Щитовидный хрящ (две сросшиеся спереди под углом хрящевые пластинки) подвижно сочленен с перстневидным хрящом. Переднюю часть щитовидного хряща — кадык — можно легко ощупать, делая глотательные движения.

Щитовидный хрящ имеет по углам четыре отростка, называемых рогами. Короткие нижние рога присоединяют щитовидный хрящ к перстневидному, длинные верхние рога соединяются при помощи связок с концами подъязычной кости. Два черпаловидных, или пирамидальных, хряща подвижно сочленяются с печаткой перстневидного хряща, располагаясь над нею по бокам, и могут в различной степени сближаться и поворачиваться внутрь и наружу (рис. 4).

А

Б

Рис. 4 Гортань. А. Гортань спереди: 1 — щитовидный хрящ; 2 — перстневидный хрящ; 3 — подъязычная кость; 4 — средняя щитоподъязычная связка (соединяющая щитовидный хрящ с подъязычной костью); 5 — средняя перстно-щитовидная связка; 6 — трахея. Б. Гортань сзади: 1 — щитовидный хрящ; 2 — перстневидный хрящ; 3 — верхние рога щитовидного хряща; 4 — нижние рога щитовидного хряща; 5 — черпаловидные хрящи; 6 — надгортанник; 7 — перепончатая (задняя) часть трахеи

Сочленение всех четырех хрящей образует вход в гортань. В верхней выемке щитовидного хряща укреплен плоский хрящ, надгортанник. При глотании он отклоняется назад и закрывает вход в гортань. К хрящам гортани прикрепляются голосовые связки, образуя внутренний покров гортани (рис. 5).

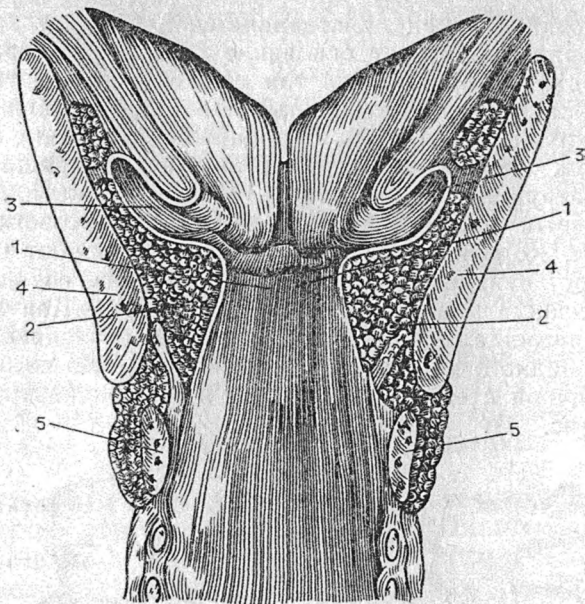

Рис. 5. Фронтальный разрез гортани: 1 — истинные голосовые связки; 2 — голосовой мускул; 3 — ложные голосовые связки; 4 — щитовидный хрящ; 5 — перстневидный хрящ

«Голосовые связки представляют собою две противолежащих выступающих внутрь гортани складки, в каждой из которых заложен мускул, называемый голосовым мускулом» [100, 20]. Над голосовыми связками расположена вторая пара складок — ложные голосовые связки. Они обычно не участвуют в образовании голоса. При глотании ложные голосовые связки сближаются и одновременно с отклонением надгортанника прикрывают вход в гортань.

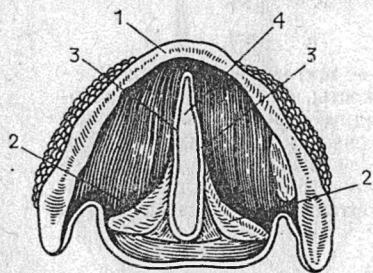

Рис. 6. Поперечный разрез гортани: 1 — щитовидный хрящ; 2 — черпаловидные хрящи; 3 — края голосовых связок; 4 — голосовая щель

Голосовые связки передним концом сходятся вместе у кадыка. Задним концом каждая из голосовых связок прикреплена к одному из черпаловидных хрящей (рис. 6).

Подвижные черпаловидные хрящи меняют положение голосовых связок, и щель, образуемая голосовыми связками и черпаловидными хрящами и называемая голосовой щелью, изменяет свою форму. Пе-

редняя часть голосовой щели, образуемая голосовыми связками, называется межсвязочной щелью, а задняя часть, образуемая черпаловидными хрящами, — межхрящевой щелью.

При дыхании черпаловидные хрящи поворачиваются в стороны. Голосовая щель принимает форму, напоминающую треугольник (рис. 7, d, e), и струя воздуха проходит беспрепятственно.

При шепоте, благодаря повороту черпаловидных хрящей, межсвязочная щель почти закрывается, а межхрящевая щель открыта (рис. 7, c).

При образовании голоса черпаловидные хрящи сближаются и соответственно сближаются голосовые связки (рис. 7, a, b).

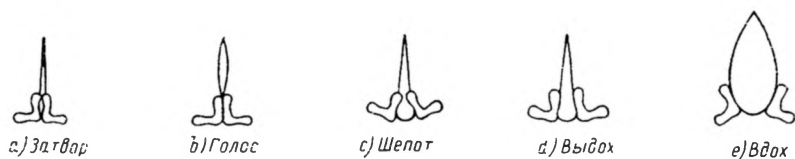

Рис. 7. Различные формы голосовой щели

Струя воздуха, идущая из легких (выдох), встречает препятствие. Под ее давлением межсвязочная щель раскрывается. Пропустив часть воздуха, связки снова сближаются. Таким образом, струя воздуха выходит из гортани периодическими толчками, образуя ритмические сгущения и разрежения воздушной струи. Так возникает звуковая волна, воспринимаемая как голос. Частота колебаний голосовых связок обуславливает высоту голоса. Частота колебаний зависит от длины и толщины голосовых связок, от силы и упругости голосового мускула и связок.

При закрытой голосовой щели струя воздуха может с силой прорваться в надгортанные полости, в результате чего звучит как бы щелчок, гортанный взрыв. Так образуются, например, в немецком языке *Knacklaut*, т. е. «щелкающий звук», в арабском — «гамза» — хамзатун, т. е. соединение.

3. Надгортанные полости (так называемая «надставная труба») — полость глотки, полость рта и полость носа (рис. 8). Здесь образуется все разнообразие звуков речи. Все надгортанные полости являются прежде всего резонаторами.

Полость глотки нижней своей частью примыкает к гортани. Позади гортани глотка переходит в пищевод, вход в который сомкнут и является дном глотки. Средняя часть глотки через отверстие (зев) соединяется с полостью рта. Верхняя часть глотки, или носоглотка, соединяется с полостью носа двумя отверстиями, называемыми хоанами.

Полость рта является подвижным резонатором, во рту расположены основные органы речи. Важнейшим из них является язык, представляющий собой «совокупность мышц, идущих в различных направлениях» [100, 22]. Язык очень гибок, принимает

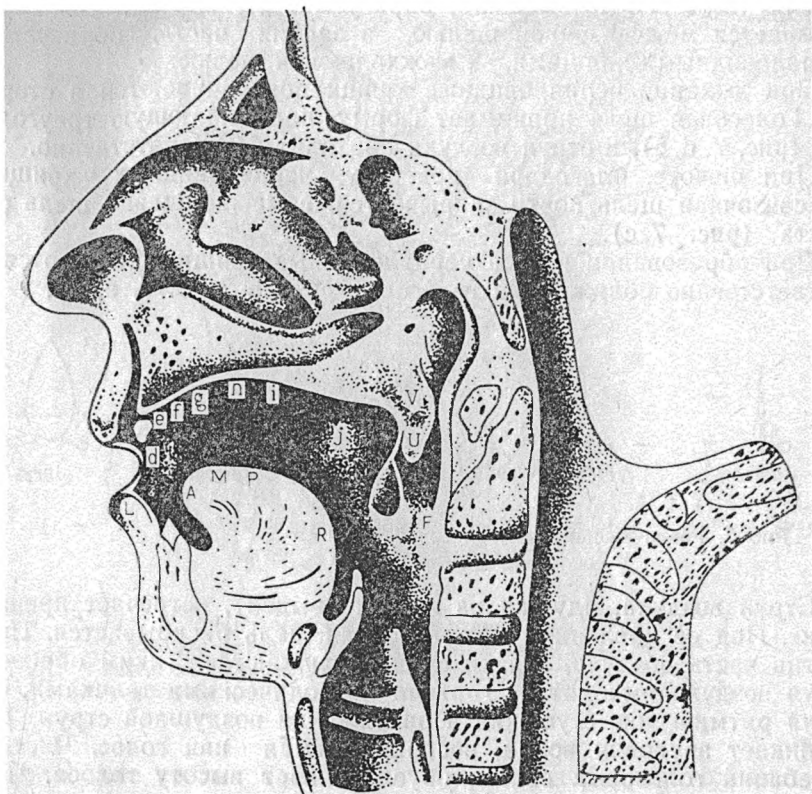

Рис. 8. Муляж продольного разреза головы с поднятым мягким нёбом. *Активные органы:* L — губы; A — передняя часть языка; M — средняя часть языка; P — задняя часть языка; R — корень языка; U — маленький язычок; V — мягкое нёбо; F — задняя стенка глотки. *Пассивные органы:* d — край передних зубов; i — альвеолы; g — передняя часть твердого нёба; h — середина нёба; j — передняя часть мягкого нёба; j — задняя часть мягкого нёба

различные формы, может двигаться целиком или отдельными своими частями почти во всех направлениях. Язык состоит из корня, тела и кончика. При артикуляции очень активна спинка языка, которая условно делится на переднюю, среднюю и заднюю области (части).

Губы, верхняя и нижняя, представляют собой мягкую, подвижную границу полости рта. Ее твердой, неподвижной границей являются верхние и нижние зубы. Над верхними зубами расположены альвеолы, выпуклый валик, образуемый углублениями с корнями верхних зубов.

Сверху полость рта отделена от полости носа нёбом. Передняя часть нёба, начинающаяся сразу за альвеолами, имеет костное

основание и называется «твердое нёбо» (лат. *palatum durum*). Задняя часть нёба — мягкая, она свободно заканчивается в зеве маленьким язычком (лат. *uvula*). Мягкое нёбо часто называют «нёбной занавеской» (лат. *velum palati*). Нёбная занавеска может прижиматься к задней стенке зева и закрывать вход в носоглотку, изолируя полость носа. Полость носа, образуемая сочетанием костей и хрящей, разделена костной пластинкой на две части, каждую из которых соединяет с носоглоткой отверстие. Если нёбная занавеска опущена, то полость носа соединяется с полостью рта. Полость носа является резонатором, не меняющим свою форму.

Полость рта представляет собой резонатор, постоянно меняющий как свой объем, так и форму. Это в значительной степени обусловлено движениями органов речи, расположенных во рту.

Все органы речи делятся на активные и пассивные.

Активные органы речи подвижны и исполняют основную работу при артикуляции звука. Активными органами являются голосовые связки, задняя стенка зева, нёбная занавеска с маленьким язычком, язык (его корень, спинка и кончик) и губы.

Пассивные органы речи неподвижны и при артикуляции выполняют вспомогательную работу, которая заключается в сопровождении движения активных органов. Пассивными органами речи всегда являются твердое нёбо, альвеолы и зубы, иногда пассивную роль выполняют задняя стенка зева и нёбная занавеска с язычком.

§ 3. Фонетическое описание звуков речи, их классификация

На акустической и анатомо-физиологической характеристике звуков основаны их описание и классификация.

Первые классификации звуков языка мы находим в работах древнеиндийских языковедов и арабских языковедов VII—XI вв. Больших успехов достиг антропофонический принцип изучения звуков речи в XIX—начале XX в.

В настоящее время акустическое и анатомо-физиологическое изучение звуков речи (фонетика) известно еще под названием «предлингвистика» в связи с развитием собственно-лингвистического или функционального подхода к изучению звуковой стороны языка (фонология). Фонология использует понятия фонетики и ее результаты. При лингвистическом подходе к звуковой стороне языка «фонетическое описание данного языка должно быть принято в качестве исходного пункта и материальной базы» [292].

Исходным при классификации звуков речи является деление на гласные и согласные. Это деление впервые было установлено в работах древнеиндийских языковедов («согласные» — *vyañjana*, букв. «открывающий», и «гласные» — *svaḥa*, букв. «тон»), его знали древнегреческие ученые Платон и Аристотель, оно разрабатывалось далее арабскими языковедами VII—XI вв. Арабы писали, что нет четкой границы между гласными и согласными звуками,

но все же различие между ними можно провести как при акустической, так и при артикуляционной их характеристике.

«Гласный», «согласный» — это звуковые, т. е. акустические, понятия. Степень участия голоса в звуках речи убывает постепенно, начиная от чисто резонаторного тона без участия шумов у гласного *а*, затем при уменьшающемся растворе рта у *э, о, и, у*. Следующими по степени убывания звучности (сонорности) являются так называемые «полугласные», или сонорные, *й (j), у (w), м, н, л, р*.

Далее следуют согласные *в, з, ж, б, д, г* и наконец *ф, с, ш, х, п, т, к*.

«Полугласные» звуки *й (j), у (w)* и т. п., находящиеся между гласными и согласными, на поверку всегда оказываются либо теми, либо другими; граница гласных и согласных как раз и проходит между артикуляциями гласных *и, у* и соответствующих согласных *й (j), у (w)*» [140, 67].

Но наиболее очевидно различие между гласными и согласными с артикуляционной точки зрения.

При образовании гласных звуков речевой канал открыт, и воздух, выходящий из легких, почти не встречает преград на своем пути. Поэтому для гласных характерна слабая струя воздуха, при этом степень раствора может быть различной (большая — при произнесении *а*, меньшая — при *э, о* и т. д.). При образовании согласных струя воздуха, выходящая из легких, встречает в гортани или в надставной трубе препятствия (сужение речевого канала или затвор его). Согласные звуки возникают при преодолении различных преград. В связи с необходимостью преодолевать преграды при образовании согласных наблюдается более сильная воздушная струя. Сравним, например, силу выдоха при произнесении *а, е* и *т, б*.

При образовании гласных мускульное напряжение почти в равной степени распространяется по всему речевому аппарату, артикуляция не локализована. При образовании согласных преодоление преград вызывает сосредоточение мускульного напряжения в том месте, в котором образована преграда. Следовательно, для согласных характерна локализованная артикуляция, т. е. все напряжение органов произношения сосредоточивается в одном месте. Например, для произнесения звука *к* все напряжение будет сосредоточено в задней полости рта, где язык смыкается с задним нёбом.

Таким образом, согласные и гласные звуки различаются по степени участия голоса (тона), по наличию преграды и ее преодолению (согласные) и по отсутствию преграды при различной степени раствора (гласные).

Согласные

В языках мира согласные чрезвычайно разнообразны. При описании согласные делятся по нескольким классификационным признакам.

По акустическим признакам согласные, как мы только что отмечали, различаются степенью участия голоса и шума. Это называют составом согласных.

По составу согласные делятся на сонорные (от лат. *sonorus* «звучный») и шумные.

Сонорные — это многочисленные варианты четырех основных согласных *м, р, л и н*. Сонорные характеризуются тем, что в составе этих звуков основу составляет голос. Акустически сонорные определяются резонаторными тонами. Различие между сонорными обусловлено изменением формы надставной трубы как резонатора: при произнесении *м, н* резонатор — полость носа, *р, л* — резонатор — полость рта. Для сонорных характерна и некоторая примесь шума, но она — дополнительный элемент, образуемый в самом резонаторе от трения проходящего воздуха.

Сонорным с акустической точки зрения противостоят все другие согласные, называемые шумными.

Шумные согласные характеризуются тем, что их акустической основой является шум. Например, при произнесении *с* язык сближается с передней частью нёба, и через образовавшуюся щель с шумом проходит струя воздуха. Но есть шумные согласные, которые образуются не только с помощью шума, но и при некотором участии голоса. В связи с этим среди шумных различают шумные глухие (например, *п, т, к*) и шумные звонкие с примесью голоса (например, *б, д, г*). Четкое деление на глухие и звонкие шумные мы видим в русском языке, во вьетнамском, в персидском, в пушту, в арабском, в урду, в хинди, в языке хауса и др. В индонезийском языке пары глухих и звонких различаются между собой слабее, чем, например, в русском языке. Сам тип произношения звонких может быть в различных языках разным. Например, в славянских языках голос участвует всегда, а у согласных корейского языка голос участвует только в определенный момент. Поэтому там нет четкого противопоставления глухих и звонких согласных.

При классификации согласных по артикуляционным признакам исходными следует считать способ образования и место образования согласных. «При классификации согласных деление по месту и способу образования проливает свет почти на все главные отличия одного звука от другого» [125, 156].

При классификации согласных по способу образования речь идет о способах взаимодействия произносительных органов. Различают два способа взаимодействия произносительных органов при образовании согласных: сближение и смыкание.

При сближении произносительных органов образуется щель. Трение струи воздуха о края щели приводит к образованию таких согласных, как *ф, в, с, з, ш, ж*. Их называют щелевыми согласными, спирантами (от лат. *spiro* «дышу»), или фрикативными (от лат. *frico* «тру»).

При смыкании произносительных органов воздушная струя должна с силой преодолеть возникшую на ее пути преграду: в результате возникают смычные согласные. В зависимости от спо-

соба преодоления преграды различают несколько групп смычных согласных.

1. Когда за смыканием сразу же следует резкое размыкание органов речи, воздух образует как бы толчок, взрыв. Образованные так согласные называются взрывными. Например, *п, б, т, д, к, г*. Среди них различаются слабые и сильные смычные в зависимости от силы преодоления преграды. В русском языке взрывные смычные преимущественно слабые. Как слабые (*р, т, к, ё*), так и сильные (*р̣, т̣, к̣, ё̣*) смычные представлены в корейском языке.

Некоторые согласные характеризуются смычкой и выдержкой смычки при отсутствии толчка; размыкание органов речи происходит вяло. Такие смычные называются имплозивными. Имплозивные согласные звучат в русском языке в конце слов. Сравним, например, согласные в начале и конце слов *как* или *тот*. В начале слов произносятся взрывные *к* и *т*, а в конце — имплозивные. В корейском языке шумные смычные слабые *р, т, к, ё* звучат как имплозивные в конце слова перед паузой и в середине слова перед шумными.

2. Если при произнесении звука сомкнутые органы речи не раскрываются полностью, как у *п, б* и других взрывных, а открывается лишь щель для прохода струи воздуха, то образуются звуки, называемые аффрикаты. Это — согласные, возникающие при преодолении сложной преграды (сначала взрыв, затем трение): *ц, ч*.

3. Когда сомкнутые произносительные органы не размыкаются, а мягкое нёбо опущено и маленький язычок продвинут вперед, то струя воздуха проходит через нос и образуются носовые согласные. Это *м, н* и их разновидности. При их образовании резонирующей полостью являются полость носа и полость рта. Ее предельный объем достигается губно-губной смычкой. Смычным губно-губным носовым является звук *м*.

Смычка передней части языка с передней частью твердого нёба около верхних зубов при открытой полости носа наблюдается во время образования смычного переднеязычного носового *н*. По пассивному произносительному органу *н* является передненёбным, или зубным, так же как и смычные *т* и *д*.

Прижатием средней части языка к средней части нёба образуется среднеязычный носовой, имеющийся, например, во французском языке (в орфографии — *gn: agneau*), в китайском (например, ню — корова), в диалектах японского языка.

Прижатием задней части языка к задней части нёба образуется заднеязычный носовой, по месту смычки сходный с *к* и *г*. Заднеязычный носовой имеется в немецком и английском языках (нем. *lang, jung, Finger*; англ. *long, young, finger*). Он часто встречается в восточных языках: в санскрите (*gaṅgā* — «Ганг»), в ряде тюркских языков (не в турецком), в китайском, японском, корейском, в ряде малайско-полинезийских языков. Заднеязычный смычный носовой обычно не встречается в начале слов (см.

приведенные примеры), однако в языках тибето-китайской и малайско-полинезийской семьи этот согласный встречается и в начале слова, но с тенденцией к исчезновению.

В северо-восточных диалектах японского языка и в тибетском языке имеются так называемые «полуносовые звонкие»: *mb*, *pd*, *ŋ*. При их произнесении нёбная занавеска приподнимается в период смычки.

4. Когда органы речи смыкаются, оставляя проход для воздушной струи по бокам или с одного бока смычки, образуются согласные, которые называются боковыми, или латеральными (от лат. *latus* — *lateris* «бок»), например, русское *л* (боковое), нем. *l* (симметричное, проход воздуха с двух сторон).

5. Когда сомкнутые произносительные органы периодически размыкаются и снова смыкаются, происходит их вибрация или дрожание, в результате образуется смычный звук *p* в нескольких разновидностях. Например, язычное *p* — кончик языка соприкасается с твердым нёбом, или картовое (язычковое) *p* — вибрирует маленький язычок, соприкасаясь с задней частью языка. Такие звуки называются дрожащими.

Согласные классифицируются также по месту образования, т. е. по действию активного органа, образующего преграду. По месту образования различают:

1. Губные согласные, при которых преграда образуется губами или нижней губой и зубами: *п, б, м* (губно-губные), русское *ф, в* (губно-зубные). Губные согласные называют также лабиальными (от лат. *labia* «губа»). В русском языке губно-губные согласные всегда смычные, а губно-зубные — щелевые. В ряде восточных языков имеются губно-губные щелевые и губно-зубные смычные. Так, многими вариантами представлен в восточных языках губно-губной щелевой звонкий (*w*), который имеется в арабском (*wagt*), тибетском, японском языках (ср. также англ. (*w*) — *were, which* и т. п.).

2. Язычные согласные. Это многочисленные и разнообразные согласные, образованные при активном участии кончика или начала спинки языка, средней части спинки языка и задней части спинки языка. Соответственно устанавливают три класса язычных согласных:

1) переднеязычные согласные: русские *т, д, с, з, н*, а также *ш* и *ж*, называемые дорсальными (от лат. *dorsum* «спина»). От них отличаются апикальные, при произнесении которых кончик языка чуть опущен книзу и спинка языка поднимается без его участия (например, англ., франц. *ʃ*).

Корональное (от лат. *согопа* «край») и дорсальное *ш* представлено в санскрите (*ṣ*—*ṣ*) и в китайском языке (*š*—*ś* или *s*).

Если кончик языка соприкасается с альвеолами, образуются согласные, которые представлены в урду и хинди (*t, th, d, dh*). Очень близкие к ним какуминальные согласные (от лат. *саситеп* «вершина») образуются прижатием кончика языка к нёбу

и соприкосновением его с задней стенкой передних верхних зубов. Таковы *ж* и *ш* в языке пушту;

2) среднеязычный звонкий фрикативный *j*, например: *яма*, *юла*, *елка*;

3) заднеязычные согласные; фрикативные средненёбные ɣ (в южнорусских говорах), x (*хетты*) и задненёбные ɣ (*их бы*), x (*мех, мох*); смычно-взрывные средненёбные k^{h} (*кислый*), g^{h} (*гиря*) и задненёбные (твердые) k (*кот*), g (*год*).

В ряде восточных языков, например в арабском, турецком, среди заднеязычных согласных различаются так называемые неглубокие и глубокие. При произнесении неглубоких заднеязычных к нёбу приподнимается часть задней области языка, расположенная против границы твердого и мягкого нёба или ближе к твердому, например а. $[\text{k}]$, т. $[\text{k}]$, $[\text{g}]$. Их называют также твердонёбными. При произнесении глубоких заднеязычных к нёбу приподнимается более дальняя часть задней области языка, расположенная против мягкого нёба. Это, например, а. $[\text{q}]$, т. $[\text{'k}]$, $[\text{'g}]$. Заднеязычные русского языка являются неглубокими, или твердонёбными.

Обилие заднеязычных характерно для языка хауса, где при дифференциации заднеязычных выступают дополнительные артикуляции: смягчение, огубление (о дополнительных артикуляциях речь будет ниже);

4) язычковые, или увулярные, согласные. Они близки к группе заднеязычных мягконёбных потому, что при их произнесении преграда образуется в месте прикосновения языка к мягкому нёбу и к язычку как его части. Язычок создает неполную преграду на пути воздушной струи, при этом иногда наблюдается дрожание язычка. Так возникают язычковые, или увулярные, согласные. В русском языке их можно встретить только в индивидуальном произнесении так называемого «картавого» *р*. Увулярные *k* и *kh* встречаются в языке урду. Увулярным является *г* тагальского языка.

В арабском и турецком языках некоторое участие язычка как дополнительная артикуляция к основной может наблюдаться при произнесении глубоких заднеязычных $[\text{x}]$ и $[\text{ɣ}]$;

5) гортанные, или связочные, согласные образуются при определенной работе голосовых связок. Если межхрящевая и межсвязочная щели закрыты и голосовые связки полностью сомкнуты, то возникающий звук начинается со взрыва смычки. Это так называемый *Knacklaut* в немецком языке, звучащий перед начальными гласными (*eine alte Geschichte*). Как самостоятельный смычный взрывной этот гортанный согласный звучит в арабском языке, тагальском и в некоторых диалектах китайского языка.

«В китайском языке гортанный смычный импловзивный (т. е. лишь со смыканием, но без взрыва голосовых связок) на конце слога (после гласного, например в *mi?*?) имеется в тех диалектах (среднего и южного Китая), где конечные неносовые смычные

р, т, к уже исчезли как таковые, заменившись именно гортанными смычными [ʔ]. Это и есть так называемый 5-й тон (в пекинском, шаньдунском и других северо-мандаринских диалектах уже исчезнувший).

В тибетском языке гортанный смычный в начале слога (перед гласным) выражается особой буквой и является с точки зрения фонетической системы VII в (эпохи изобретения алфавита Туми Самбода) особым, именно глухим гортанным смычным согласным; в новом же языке (с развитием высокого, среднего и низкого тонов гласных — в зависимости от категории, к которой принадлежал предшествующий согласный) к этой характеристике присоединяется еще представление высокого голосового тона в следующем... гласном — как и после всех древних глухих непридыхательных смычных» [125, 88—89].

Если межсвязочная и межхрящевая щели открыты, голосовые связки не вибрируют и воздух проходит через щелевидное отверстие между ними, но в результате трения его о края щели образуется шумный фарингальный спирант [h]. Он имеется в английском и в немецком языках. Например: horse [ho:s], how [hau], wh [hu]; Hand, heute, Hund и т. п. (следует иметь в виду, что русский звук х не фарингальный, а заднеязычный спирант).

Согласный [h] имеется в арабском, персидском, японском, южнокитайском, корейском и малайских языках. В интервокальном положении (т. е. между гласными) происходит озвончение [h]. Звонкий гортанный спирант имеется в японском языке, он отмечен в санскрите.

При произнесении ряда гортанных участвует надгортанник (лат. epiglottis), приближающийся не вплотную к голосовой щели. Трение воздушной струи о надгортанник приводит к образованию звуков, известных лишь в семитских языках. Это эпиглоттальные спиранты [x] и [ʕ] и «эмфатические» согласные [t̤], [ʒ̤], [ɕ̤], [g̤], [k̤] и [ʌ̤].

При взаимодействии органов речи в целях образования преграды в каждой паре один орган — активный, другой — пассивный. Например, при образовании звука в взаимодействуют, образуя щель, подвижная нижняя губа (активный орган) и верхние зубы (пассивный орган). Давая выше описание звуков по месту их образования, мы брали за исходное работу активных органов, выделяя губные, язычные и т. д. согласные. Характеристика звуков по активным органам «ближе определяет ход развития артикуляции и позволяет дать более точные указания правильного произношения, что особенно важно при овладении иностранными языками» [140, 172].

Однако возможна классификация согласных и по пассивным органам: губные, зубные, нёбные; эта классификация «более статична, но зато позволяет легче связать артикуляционную характеристику согласных с их акустической характеристикой, так как указывает на те или иные зоны резонаторов» [140, 172].

Итак, при описании и классификации согласных любого языка лингвисты придерживаются трех основных координат: степень звучности (сонорности), способ образования и место образования.

Характеризуя согласные по месту их образования, мы не раз отмечали наряду с основной работой речевого аппарата наличие еще и работы второстепенной, дополнительной, сопровождающей основную. Это так называемая дополнительная артикуляция, придающая главным типам согласных многообразные частные звучания.

Дополнительные артикуляции должны учитываться при описании консонантизма языка.

Рассмотрим наиболее характерные для языков мира типы дополнительной артикуляции.

В некоторых языках у согласных, как шумных, так и сонорных, наблюдается дополнительная артикуляция, при которой средняя часть языка приближается к твердому нёбу (лат. *palatum*) и благодаря этому звуки становятся мягкими, палатализованными. Например, русск. *п'* (*пить*), *б'* (*бить*), *т'* (*тук*), *д'* (*дюна*) и т. п. Большинство мягких согласных русского языка образует пару с соответствующими твердыми согласными, т. е. с согласными, образуемыми подъемом задней части языка к мягкому нёбу, веляризованными согласными (лат. *velum palati* нёбная занавеска). Таким образом, согласные противопоставляются по наличию палатализации или ее отсутствию. Например, в русском языке шумные и сонорные губные образуют пары:

<i>п'</i> (<i>пить</i>)	— <i>п</i> (<i>пыль</i>);
<i>б'</i> (<i>бить</i>)	— <i>б</i> (<i>бык</i>);
<i>ф'</i> (<i>филин</i>)	— <i>ф</i> (<i>факт</i>);
<i>в'</i> (<i>вить</i>)	— <i>в</i> (<i>выть</i>);
<i>м'</i> (<i>милый</i>)	— <i>м</i> (<i>мыло</i>) и т. д.

Подобные пары мягких и твердых согласных встречаются во многих славянских языках. Из восточных языков палатализация или ее отсутствие характеризует согласные японского языка⁷.

От дополнительной работы гортани, сопровождающей основную артикуляцию, зависит производство придыхательных и непридыхательных согласных. Придыхательными являются глухие смычные согласные [p], [t], [k] в современном немецком языке (например, в словах *Pilz* «гриб», *Tat* «дело», *Kuh* «корова»), тогда как в русском языке эти согласные являются непридыхательными (*пила*, *топор*, *кулак*). Глухие смычные придыхательные наблюдаются в китайском языке (путунхуа), причем специфика китайского слога такова, что инициалем (начальным звуком) может быть только придыхательный глухой или непридыхательный полувзвонкий. Противопоставление глухих согласных по придыхательности или ее отсутствию есть в корейском, вьетнамском,

⁷ «Во всех говорах, кроме рюкюского и части северо-восточных», — отмечает Е. Д. Поливанов [125, 169].

японском языках (в северо-восточных диалектах), а также в древних и современных индийских языках (хинди, урду). В ряде языков имеет место незначительное придыхание глухих, например *p*, *t*, *k* в персидском языке, в пушту.

Реже встречаются в языках звонкие придыхательные. Они наблюдаются в санскрите и в новоиндийских языках, причем звонким является в них как смычный элемент, так и гортанный спирант, т. е. само придыхание. Сравним санскритские слова *phala* («плод») — *bhara* («неси»), *khalu* («именно») — *ghosa* («шум»).

Благодаря дополнительной артикуляции губ некоторые согласные делаются огубленными, или лабиализованными. Их не следует смешивать со смычными губными, или лабиальными, *p*, *b*, *f*, *v*, *m*, при образовании которых движение губ является основной артикуляцией.

Лабиализация свойственна как некоторым согласным, так и гласным (о них см. ниже). Среди согласных лабиализация встречается нечасто. Заднеязычные лабиализованные существовали некогда в общеиндоевропейском языке: **k^w*, **g^w*, **h^w*. В древних индоевропейских языках западной группы и в хеттском эти согласные сохранились: лат. *quis*, гот. *hwas*, хет. *kuis* — «кто». В современных языках лабиализованные согласные встречаются, например, в японском языке (в южных и северо-восточных диалектах) обычно в словах китайского происхождения.

Нагасакск. *k^w asi* (菓³, ^{g^w} асп. 月), но частично проникают (как фонетическое новшество) и в чисто японские, напр. Нагасакск. (говор дер. Мие) **k^wa* "тутовое дерево" 栗 (из *kuwa* — **kupa*), *ᵏk^wa* "мотыга" 鋤 (← *kuwa* ← **kupa*). Тут они развивают соответствующие "мягкие" (палатализованные) варианты: *K^w = k^h*, *g^w = g^h* (повинуясь общей схеме чередований "твердого" и мягкого" согласных), напр. *Dativ. - Loc. k^wa^r*: (= *k^ha^r*), *Instrumentalis k^wa^r*: *ᵑre* (= *k^ha^r*: *ᵑre*; из **kuwa-c-de*) — от **k^waᵏk^wa* 𐰽𐰺𐰽; *Dativ. - Loc. k^wa^r*: (= *k^ha^r*:), *Instr. k^wa^r*: *ᵑre* (= *k^ha^r*: *ᵑre*) — от *ᵏk^wa* 𐰽𐰺𐰽 [ср. тот же принцип чередования в *Dat. - Loc. jam'a^r*, *Instr. Jam'a^r*: *ᵑre* от *ja^r ma*]. Рюкюск. пример: *mi: k^wa* "слепой" (← *mekura*).

В центральных же японских говорах эта категория звуков уже исчезла (но на прежнее их существование указывает орфография)» [125, 163].

Условно к дополнительной артикуляции можно отнести механизм удлинения согласных в тех языках, в которых имеется различие согласных по длительности.

В русском языке нет противопоставления долгих и кратких согласных. Как правило, согласные краткие. Однако имеются

слова, в которых звучит долгий согласный (в орфографии — двойное написание), например: *вводить, ссора, оттолкнуть* и т. п. Всегда долгими являются мягкие *ж* и *ш* (орфографически *щ*): *жжет, щи, щука*. Долготу согласных можно наблюдать в персидском языке. В арабском языке с долготой согласного связано различие слов, например [самā] «быть высоким», [саммā] «называть» (долгота согласного в арабском названа удвоением).

Как объяснить различие в произнесении кратких и долгих согласных?

Следует различать три фазы произнесения звука:

1) экскурсия, или установка органов речи в положение, необходимое для произнесения данного согласного;

2) фаза, или выдержка, т. е. пребывание органов речи в определенном положении;

3) рекурсия, или возвращение произносительных органов в исходное нейтральное положение.

У кратких согласных момент выдержки краток, а долгих согласных выдержка задерживается.

Г л а с н ы е

Описание гласных должно проводиться по иным признакам, чем те, на которых строится описание согласных. Это связано с различием согласных и гласных звуков, о чем говорилось выше.

Согласные различаются акустически по степени участия голоса, гласные же характеризуются наличием голоса.

Физиологически согласные различаются по способу образования преград, при образовании же гласных способ один — свободный проход струи воздуха, преград не возникает. Согласные различаются по месту образования, а для гласных, как мы знаем, характерно отсутствие локализованной артикуляции.

Тем не менее различия гласных в любом языке не вызывают сомнений. Однако различия гласных основаны на особых признаках, которые можно установить как с акустической, так и с физиологической стороны. На этих различительных признаках строятся описание и классификация гласных.

«Гласные легче всего поддаются акустическому анализу» [292, 106]. Акустически гласные, как и сонорные согласные, различаются высотой резонаторного тона. Во всех языках самым высоким является гласный *и*, а самым низким — *у*. Резонаторные тоны возникают от колебательных движений воздуха, находящегося в резонаторе, и зависят прежде всего от объема и формы резонатора. Поэтому характеристика гласных по высоте должна дополняться сведениями об артикуляции органов речи, определяющих объем и форму резонатора.

Объем резонатора зависит от движения нёбной занавески и от движения губ. При поднятой нёбной занавеске полость носа закрыта, объем резонатора ограничивается полостью рта. Образованные при этом гласные лишены назализации. Их называют иногда

«чистыми» гласными. Такие гласные имеются во всех языках. При опущенной нёбной занавеске резонирующими полостями являются полость рта и полость носа. Объем резонатора увеличивается, высота резонаторного тона значительно понижается. Образующие при этом гласные являются носовыми, или назализованными. Они характерны для французского языка, например [ẽ] — fin, [ã] — tãta, [õ] — top.

Из восточных языков носовые гласные встречаются, например, в индийских языках (в хинди каждому чистому гласному соответствует носовой: $a-\tilde{a}$, $\bar{a}-\tilde{\bar{a}}$, $i-\tilde{i}$, $\bar{i}-\tilde{\bar{i}}$ и т. д.), в бирманском языке, в некоторых диалектах китайского языка.

Объем резонирующей полости рта зависит от движения губ. При растягивании губ передняя часть резонирующей полости сокращается. При нейтральном положении губ объем резонирующей полости остается неизменным. При сближении и округлении губ и при их вытягивании вперед передняя часть резонатора увеличивается. Гласные, образуемые такой артикуляцией, называются лабиализованными.

Лабиализованными являются, например, гласные *о* и *у*.

Лабиализованные гласные могут различаться по степени вытягивания губ вперед. Например, французские [u] и [o] произносятся с более сильным выдвиганием губ вперед, чем английские и русские лабиализованные гласные.

При изменении объема и формы резонатора и создании всего многообразия гласных очень важно рассмотреть и понять артикуляцию самого активного органа речи — языка.

При произнесении гласных язык артикулирует своими различными частями. Кончик языка не приподнимается, а спинка приподнимается передней, средней или задней частью. Место поднятия языка называется рядом. Гласным переднего ряда является *и*, гласным среднего ряда — *ы*, заднего ряда — лабиализованные *у* или *о*.

Деление гласных по рядам условно, так как внутри каждого ряда могут быть в разных языках более передние и более задние гласные. Например, русское *ы* более переднее, чем тюркское *ы*. Сравним *дым*, *тын* и т. kir [кыр] «степь», isik [ышык] «свет».

При произнесении гласных язык поднимается своими частями на различную высоту, но не соприкасается с нёбом, т. е. не образует преграды струе воздуха. Степень поднятия языка называется подъемом. Условно различают гласные верхнего, среднего и нижнего подъема. Гласные верхнего подъема называют еще узкими, так как язык приближен к нёбу и воздушная струя проходит через узкую щель, а гласные нижнего подъема — соответственно широкими.

Гласными верхнего подъема (или узкими) являются *и*, *ы*, *у*, гласными среднего подъема — *э* и *о*. Гласный *а* — гласный нижнего подъема, или широкий. В языках, где качественно сходные гласные могут быть открытыми и закрытыми, открытые гласные по подъему ниже, чем закрытые. Например:

и: англ. закрытое piece [pi:s]	«кусочек, часть»
— открытое to sit [sit]	«сидеть»
нем. закрытое liegen [li:gen]	«лежать»
— открытое in, im [in], [im]	«в»
у: англ. закрытое few [fju:]	«немного, несколько»
— открытое to put [put]	«класть»
нем. закрытое Stuhl [ʃtu:l]	«стул»
— открытое Luft [l'uft]	«воздух»

Артикуляционное деление гласных на открытые и закрытые сопровождается и акустическим различием на долготу. Как видно из приведенных выше примеров, закрытые гласные обычно являются долгими, а открытые — краткими.

Долгота или краткость может выступать как дополнительная характеристика качественно одинаковых гласных при их различном положении по отношению к ударению в слове. Например, в русском языке гласные под ударением длительнее безударных гласных. Сравним, например, произнесение двух *a* в словах *табак*, *скала* и т. п. Здесь мы наблюдаем так называемую позиционную долготу. Ее можно встретить и в других языках. Е. Д. Поливанов отмечает: «Такую же... долготу (буду обозначать ее одной точкой вверху строки, например [a]) мы находим и в Аоморийском говоре японского языка, где все нормально-японские долготы (как гласных, так и согласных) уже сократились: тем не менее конечный слог слов, соответствующих токиоским «дзэнхэй'ям»... произносится в этом говоре с сравнительно большей длительностью, чем в других типах слов, например *saga'* «тарелка», *hana'* «нос» (Токио: *saga hana*), но этого удлинения не происходит при сильном подъеме голосового тона в «цветок» (Токио: *ha'na*)» [125, 202].

Есть языки, в которых количественные различия гласных не обусловлены комбинаторно, а являются постоянным их признаком и играют смысловозначительную роль. Например, в санскрите при дифференциации гласных по долготу и краткости мы находим *sa* «он» — *sā* «она», *çastra* «оружие» — *çāstra* «учение» и т. п.

Четкое противопоставление долгих и кратких гласных можно наблюдать также у гласных арабского, монгольского, у части гласных вьетнамского языка.

По артикуляции языка гласные могут быть напряженными и ненапряженными. При произнесении напряженных гласных мускулы языка интенсивнее сокращаются, и поэтому спинка языка становится более твердой. При произнесении ненапряженных гласных мускулы языка расслаблены. Качественные различия напряженных и ненапряженных гласных в пределах одного акустического типа можно наблюдать при сравнении напряженных гласных французского и ненапряженных гласных русского языка.

В ряде языков отмечается особая группа гласных со сложной артикуляцией. Они неоднородны по структуре и являются поли-

фтонгами. Каждый такой гласный представляет собой сочетание в пределах одного слога двух (дифтонг) или трех (трифтонг) гласных. Например, англ. *by* [bai], *go* [gou] — дифтонги; *our* [auə], *alland* [ə'laɪəns] — трифтонги.

Чаще наблюдаются дифтонги. В языках могут встречаться обычные сочетания двух гласных, их называют иногда «фонетическими» дифтонгами. Такие сочетания, особенно при медленном произнесении слов, распадаются на два слога, например, *мо-и попуга-и*. Дифтонги же при любом темпе речи остаются одним сложным гласным.

Дифтонги имеются в немецком, английском, французском языках. Очень характерны дифтонги для китайского языка: ai, ei, ao, ou; an, ang en, eng; uo, ua, ia, ie, üe; в бирманском языке есть дифтонги āu, āi, ōu, ēī (долгие назализованные гласные второй и третьей ступеней полнозвучности); в диалектах японского языка, например в нагасакском диалекте, есть дифтонг ɛa.

Все многообразие дифтонгов распадается на три типа.

1. Нисходящие, или падающие, дифтонги. Это самый распространенный тип дифтонгов. В них слогообразующим является первый элемент, напряженность произнесения сначала сильная, потом ослабевает: [ai]: нем. *Leid, dein*; англ. *my, by*; [oi]: нем. *Leute, heute*; [au]: нем. *laut, auf*; англ. *loud, house*; [ou]: англ. *lone, home*.

2. Восходящие дифтонги имеют слогообразующим второй элемент. Напряженность произнесения сначала слабая, потом увеличивается: фр. [ie] *ried*, [ua] *moi*, [ui] *nuit*.

3. Истинные, или равновесные, дифтонги. В них оба составных элемента являются равноправными, оба четко произносятся, хотя и не могут распадаться на два слога. Истинные дифтонги встречаются редко. Они зафиксированы, например, в языках народов Севера. «В современном английском языке так, как он описан Джоунзом, нельзя обнаружить принципиальной разницы между «истинными» дифтонгами и «долгими монофтонгами» (кроме α: и э:.)» [292, 135].

В ряде языков, в частности восточных, встречаются гласные, по произнесению приближающиеся к дифтонгам. Их называют дифтонгоидами. Появление дифтонгоидов определенным образом связано с характером предшествующих и последующих согласных. Например, в русском языке после мягких согласных перед *е* слышится оттенок *и*, т. е. может возникнуть дифтонгоид [iɛ]: *ле-то, де-ло, Пе-тя, ре-па*. В немецком языке в той же позиции (с долгим гласным) слышится дифтонгоид eⁱ: *geht, steht*. Дифтонгоид [yо] слышится в русском языке на стыке «согласный+огубленный гласный», например: *тот* [туот].

Суть дифтонгоидов заключается в том, что «гласный имеет в начале (или в конце) незначительный элемент другого, близкого ему обычно по артикуляции гласного, наличие которого прида-

ет звучанию гласного несколько неоднородный характер, не производящий еще, однако, впечатления дифтонга» [100, 81—82].

Дифтонгоиды наблюдаются, например, в языке хинди.

Можно говорить о наличии двенадцати дифтонгоидов в системе вокализма корейского языка. Они делятся на так называемые *i*-образные и *u*-образные дифтонгоиды по характеру первого (краткого) элемента. Например, [ɯ^hɯ] — «молоко»; [ɔ^hɔ] — «требование»; [k^hɯ] — «ухо»; [ɯ^hɛ] — «почему» и др. Дифтонгоиды отчетливо воспринимаются в положении после согласных, а в положении после гласных и в начале слова в них вместо краткого элемента *i* или *u* слышится соответственно *j* или *w*. Поэтому вопрос о выделении в корейском языке дифтонгоидов оказывается спорным. Если не признавать целесообразным выделение комбинаторно обусловленных дифтонгоидов, то следует говорить о палатализации и о лабиализации предшествующих согласных. Советские корейцы (А. А. Холодович, Ю. Н. Мазур) признают обособленным выделение в корейском языке гласных типа дифтонгоидов.

Вопрос о классификации гласных очень сложен и имеет свою историю. Им занимались ученые Древней Индии, Греции, Рима. С давних пор за основу брали артикуляцию языка, т. е. давали физиологическую классификацию гласных. Одной из первых классификаций европейских ученых была классификация, предложенная Гельвегом (Hellweg) в конце XVIII в.

Схематично она представляет собой треугольник, по углам которого расположены гласные с наиболее крайними артикуляциями языка (рис. 9).

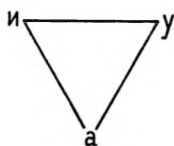

Рис. 9

Все остальные гласные рассматривались как переходные между указанными тремя и располагались вдоль сторон намеченного треугольника. Существуют многочисленные варианты этого треугольника, учитывающие специфику системы гласных конкретного языка.

Более поздней (XIX в.) является классификация Белла (Bell), более детально разработанная Суитом (Sweet) в конце XIX—начале XX в.

При описании гласных учитываются два направления движения языка: по горизонтали (ряд) и по вертикали (подъем). Схематично этот принцип классификации представлен в виде четырехугольника:

Подъем	Ряд		
	передний	средний	задний
Верхний	и	а	у
Средний			
Нижний			

Суит различал в каждом ряду нелабиализованный и лабиализованный гласный, например в переднем ряду гласные верхнего подъема — нелабиализованный *и* (*ил, тип*) и лабиализованный *й* (нем. *über, fūr*).

Достоинство классификации Белла и Суита — четкое разграничение звуков по их артикуляции. Но это же является и определенным недостатком, условностью, так как в действительности такого резкого разграничения в артикуляции гласных не бывает.

Последующие фонетисты хорошо понимали недостатки созданных классификаций. Академик Л. В. Щерба в начале XX в. писал: «Для акустической классификации наши данные еще чересчур шатки и даже противоречивы. Лучшая физиологическая — Суита — расплывается по всем швам, как только попробовать применить ее к действительности» [202, 138]. Создавая свою классификацию гласных, Л. В. Щерба не учитывает ряды, но детально дифференцирует подъемы гласных, не учитывает движение нёбной занавески, но учитывает артикуляцию губ. Различными условными значками Л. В. Щерба обозначает открытые и закрытые гласные. В своей классификации Л. В. Щерба пытался учесть звуки как можно большего количества языков, но в основном индоевропейских. Ниже приводится классификация гласных, предложенная Л. В. Щербой (рис. 10).

Рис. 10

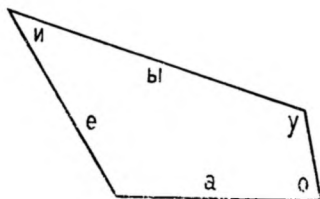

Рис. 11

Современные фонетисты предлагают схему гласных в виде трапеции (рис. 11). Ее стороны показывают границы крайних точек артикуляции языка. Гласные располагаются по сторонам и внутри трапеции. При этом наглядно передается, что передняя часть языка поднимается, как это и имеет место в действительности, выше задней. При движении языка вниз он, кроме того, оттягивается назад, а движение его вверх сопровождается также

движением вперед под различным наклоном у передней и задней линий. Деление по подъемам не передается как чисто условное, тем более что в ряде языков различаются еще открытые (более низкие) и закрытые (более высокие) гласные. Средний ряд не выделяется ввиду редкости гласных среднего ряда в большинстве языков мира. На рисунке подчеркивается, что артикуляция одного гласного «постепенно и незаметно» [140, 183] переходит в артикуляцию другого гласного⁸.

Несмотря на явные преимущества и почти универсальный характер рассмотренной классификационной схемы, при описании системы гласных одного языка (а в большинстве случаев только оно и оказывается практически необходимым) нередко продолжают придерживаться квадрата гласных ввиду его простоты и наглядности. Чтобы отразить специфику системы звуков, предлагаются геометрические модели [101], например кубическая и пирамидальная для описания системы тюркских гласных.

Для вокализма турецкого языка характерно: 1) противопоставление гласных заднего (а, і, о, у) и переднего (е, і, ö, ü) рядов; 2) четкое противопоставление лабиализованных (о, ö, у, ü) и нелабиализованных (а, е, і, і) гласных; 3) противопоставление так называемых «широких» (а, е, о, ö) и «узких» (і, і, у, ü) гласных.

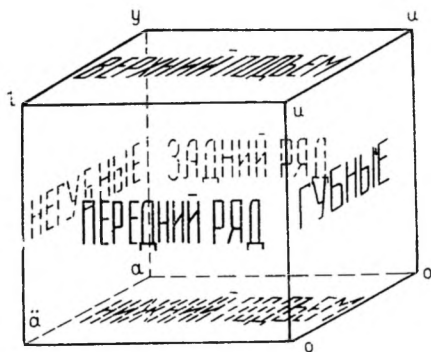

Рис 12

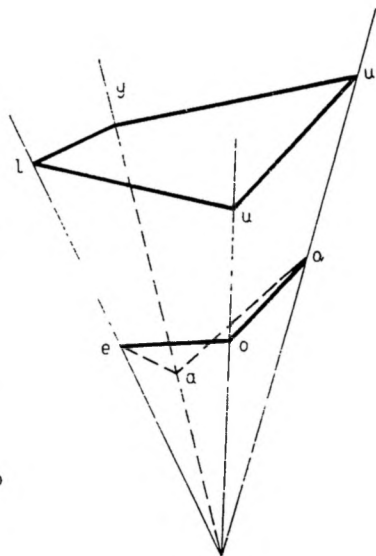

Рис. 13

⁸ Полная схема гласных в форме трапеции и ключ к ней с примерами из русского и главным образом из западноевропейских языков приводятся в учебнике А. А. Реформатского [140, 184—186].

Указанные противопоставления наглядно отображаются в кубической модели для описания системы тюркских гласных, предложенной венгерским лингвистом Я. Лотцем [263, 123] (рис. 12). Передняя и задняя стороны куба передают противопоставление по рядам, правая и левая стороны — противопоставление по лабиализации и ее отсутствию, верхняя и нижняя стороны куба передают противопоставление «широких» и «узких» гласных. На кубической упрощенной модели не отражаются истинные артикуляционно-акустические расстояния.

В отличие от нее предлагается также пирамидальная модель тюркских гласных, которая отражает как наличие противопоставлений, так и степень артикуляционно-акустической противоположенности гласных (рис. 13).

Такие модели даются наряду с традиционным, приводимым для всех языков квадратом гласных, так как он не только удобен практически при описании вокализма одного языка, но и потому что «значительное большинство языков имеет трехступенчатые системы гласных» [292, 123]. Разумеется, что при характеристике вокализма конкретного языка оговариваются особенности того или иного гласного, размещаемых по единой условной сетке квадратов.

§ 4. Вопросы транскрипции

Звуковой язык лишь более или менее условно передается через зрительно воспринимаемые знаки письменности. Они могут быть, как мы знаем, различными: иероглифы китайского языка, консонантное арабское письмо, слоговое письмо японского языка, буквенное письмо в русском и современных западноевропейских языках, а также в тех восточных языках, где употребляется латинская графика.

Наряду с этими исторически сложившимися системами письма существует специально разработанная научная система графических знаков для передачи звукового языка — транскрипция.

Цель фонетической транскрипции — дать с помощью ограниченного набора условных знаков «возможно более точную передачу произношения» [9, 476].

Транскрипция широко используется при изучении иностранных языков, например: англ. fire ['fəɪə] «огонь», purge ['pɜːdʒ] «очищать», value ['vælju] «цена, стоимость».

При изучении языков с труднодоступной графикой обычно используется транслитерация. Транслитерацией называют переложение текста, написанного одной системой письма, средствами другой, буквенной системы. Например:

я. 木 [ки] "дерево"; а. دَرْشَن [дарсун] "урок"; х.

जीत

[джит]

"победа".

Транскрипция и транслитерация нужны также для записи звуков речи в научных целях, например при исследовании диалектов языка⁹.

При транскрипции могут использоваться знаки как латинского, так и русского алфавитов. К ним добавляется несколько условных знаков для обозначения дополнительных качеств звуков: \cup краткость (\check{a} , \check{i} , \check{y}), — или: — долгота (\bar{a} или $a:$), \sim назализация (\tilde{b} , \tilde{a}), \wedge неслоговое качество гласных ($a\circ$, $a\underset{\cdot}{\circ}$, $o\underset{\cdot}{\circ}$), мягкость (l' , t' , p'). Степень точности фонетической записи в транскрипции может быть разной.

Известно несколько систем транскрипции. Наиболее универсальными являются русская лингвистическая азбука (РЛА) и система транскрипции, разработанная Международной фонетической ассоциацией (МФА). Система транскрипции МФА содержит знаки для различной передачи примерно восьми десятков согласных и двадцати пяти гласных, зафиксированных в языках мира.

При фонетической транскрипции одного конкретного языка оказывается достаточным использование сравнительно небольшого набора транскрипционных знаков для передачи звуковой системы языка и дополнительных (диакритических) значков, нужных лишь для передачи характерных для данного языка дополнительных качеств звуков.

Пользуясь универсальной системой транскрипции МФА, следует учитывать, что «полного тождества звуковых значений у символов транскрипции ожидать немыслимо, поскольку эта транскрипция применяется к ряду языков: звуки одного и того же типа имеют в каждом языке свои особенности (более или менее ощутимые); хорошо, если эти особенности будут оговорены в фонетическом описании данного языка или говора, и тогда ими незачем уже обременять транскрипцию: достаточно, если она будет указывать родовую категорию (— тип), к которой принадлежит данный звук» [125, 175]. Эти слова Е. Д. Поливанова следует помнить еще и потому, что при знакомстве в последние десятилетия с многими языками Азии и Африки, которые еще недостаточно полно обследованы лингвистами, приходится иметь дело с лишенными единства практическими способами фонетической записи.

Таким образом, в учебной литературе обобщающего характера унификация в вопросах транскрипции по этим языкам является в настоящее время еще недостижимой.

При последующем изложении мы будем пользоваться для записи произношения русского языка практической транскрипцией русскими буквами, принятой (с некоторыми модификациями) в работах большинства лингвистов московской школы и в работах профессора М. Н. Петерсона.

⁹ Подробнее о своеобразии транслитерации и о практической транскрипции см. [140, 378—381].

Напомним, что фонетическая транскрипция дается в квадратных скобках.

Согласные обозначаются соответствующими русскими буквами с добавлением, где это требуется, диакритических значков ' (мягкость) и - (долгота). Средняяязычный фрикативный передается через [j]: я стоял — [já ста́л]. Задняяязычный задненёбный фрикативный передается знаком [ɣ]: их бы — [иḡбы]. Для транскрипции гласных русского языка дополним приведенную на с. 33 таблицу гласных: переднего ряда среднего подъема [э]: лес — [л'э́с], верхне-среднего подъема [э^и]: дела́ — [д'э^ила]; среднего ряда верхнего подъема [ы]: мы — [мы], среднего ряда среднего подъема [ъ]: паровоз — [пъраво́с]; передне-среднего ряда среднего подъема [ь]: деловой [д'ьлаво́и]; заднего ряда среднего подъема [о]: он — [о́н], лоб — [ло́п].

В принимаемой системе транскрипции не дифференцируются более переднее (а) и более заднее [Λ].

При транскрибировании русскими буквами следует помнить: 1) буквы «я», «ю», «е», «ё» обозначают на письме а) сочетания средняяязычного фрикативного [j] и гласных «а», «у», «э», «о» под ударением: я — [já], юг — [júк], ель — [jэ́л'], ёж — [jóш], б) в случаях после согласных эти буквы передают гласный и мягкость предшествующего согласного не после согласной буквы, а в начале слога или слова: мяч — [м'áч], люди — [л'у́д'и], лес — [л'э́с], лён — [л'о́н]; 2) буквой «ш» передается на письме долгий мягкий «ш» — в транскрипции [ш']: щи — [ш'и́], щель [ш'э́л']; 3) неслогообразующий «й» («и» краткий) обозначаем в транскрипции как [ɥ]: мой — [мо́ɥ], твой — [тво́ɥ].

Безударные служебные слова и частицы при транскрипции не отделяются пробелом от слова, с которым они сочетаются: «гдѣто», «на горѣ...» — [гд'э́тъ], [нѣгар'э́] (см. с. 66).

Умение пользоваться фонетической транскрипцией на материале родного языка приучает «слышать» себя, фиксировать различия правил произношения и орфографии, помогает выявлению характерных особенностей звуков русского языка, что непосредственно подводит к рассмотрению звуковой стороны языка в лингвистическом аспекте.

§ 5. Лингвистический, или функциональный, аспект

Если в отношении какого-либо языка учесть конкретность звуков этого языка, то мы сталкиваемся с известным противоречием. Практически говорящий произносит неподдающееся учету бесконечное многообразие звуков, но если звуки языка описать лингвистически, то выделяется сравнительно небольшое количество звуков (разное для разных языков).

Это оказывается возможным потому, что различия звуков речи, важные с артикуляционной и акустической точек зрения, по-разному оцениваются в лингвистическом плане. Одни различия

звуков существенны, так как эти звуки различны функционально, а другие звуковые различия функционально нейтральны.

Например, долгота и краткость гласных в русском языке функционально нейтральны, не влияют на смысл: *нам, нос, шина* и т. п. В индийских же языках долгота и краткость гласных играют смыслообразительную роль (см. примеры на с. 30). Смыслообразительную роль играют, например, в китайском языке придыхательность согласных или ее отсутствие, переднеязычная или заднеязычная артикуляция конечных носовых согласных. Для русского языка эти признаки несущественны, а важна звонкость или глухость согласного (*том — дом*), твердость или мягкость (*нос — нёс*).

Следовательно, в языке лишь ограниченное число звуков имеет связь с передаваемым смыслом. Это — основная идея учения о фонеме.

Из истории учения о фонеме

Понятие «фонема» — одно из основополагающих понятий современного теоретического языкознания. Учение о фонеме, или фонология, изучает фонетические явления со стороны их функций в системе языка. Созданию учения о фонеме предшествовало несколько этапов развития науки о языке.

До начала XIX в. в европейском языкознании не различали звук и букву, что мешало изучению звуковой стороны языка. С середины XIX в. начали строго разграничивать звук и букву, а звуки языка успешно изучали с антропофонической точки зрения (как явления физиологические и акустические). С конца XIX в. начинается этап, связанный с понятием «фонема».

Приоритет в создании фонологии принадлежит русским ученым. В 70-х годах XIX в. кавказовед П. К. Услар обратил внимание на то, что одни звуки различают смысл, а другие хоть и произносятся по-разному, но смысла не различают. Профессор Казанского университета И. А. Бодуэн де Куртенэ в работах того же времени отмечает несовпадение «физической природы звуков с их значением в чутье народа» [30, I, 46].

В начале 80-х годов в Казани складывается лингвистическая школа во главе с И. А. Бодуэном де Куртенэ, начинает разрабатываться учение о фонеме. Н. Крушевский вводит понятие «фонема»; Бодуэн де Куртенэ создает психологическую теорию фонемы.

Фонема, пишет Бодуэн, — это «психический эквивалент звуков языка» [30, I, 271], «фонетическое представление», которое «существует и непрерывно продолжается в индивидуальной психике» [30, II, 246]. Почему звуки, разные акустически и артикуляционно, объединяются в психике говорящих в одно фонетическое представление, в одну фонему? Причину этого Бодуэн видит в «связи фонетических представлений с представлениями морфологическими, синтаксическими и семасиологическими» [30, II, 163].

Сами по себе фонемы значения не имеют, они «становятся языковыми ценностями и могут быть рассматриваемы лингвистически

только тогда, когда входят в состав всесторонне живых языковых элементов, каковыми являются морфемы» [30, II, 276]. В фонемы Бодуэн объединял позиционно чередующиеся в составе морфемы звуки (дивергенты) и, таким образом, разработал теорию позиционных чередований.

Далее теория фонем разрабатывается петербургским учеником Бодуэна Л. В. Щербой. В работе «Русские гласные в качественном и количественном отношении» (1912 г.) Щерба тоже определяет фонему как «фонетическое представление», которое может «ассоциироваться со смысловыми представлениями и дифференцировать слова» [202, 14]. Позже Щерба отказывается от психологической терминологии и пишет о фонемах как о звуковых типах, «способных дифференцировать слова и их формы, т. е. служить целям человеческого общения» [203, 16—17].

После 1917 г. в связи с задачей создания алфавитов для народов, не имевших ранее письменности, разработка теории фонем получает большое практическое значение (работы Н. Ф. Яковлева). Фонология складывается в учение о звуках человеческой речи в их функциональном, в их социальном аспекте. Фонема начинает рассматриваться как подлинный элемент языковой системы.

За пределами нашей страны теория фонем разрабатывалась в школе функциональной лингвистики, в «Пражском лингвистическом кружке», причем вначале под значительным влиянием воззрений Бодуэна де Куртенэ. Пражские ученые, прежде всего Н. С. Трубецкой, создают реляционно-физическую теорию фонемы. Согласно этой теории, фонетическое описание языка составляет материальную основу его фонологического исследования. Фонема определяется реляционно, т. е. по отношению к другим фонемам как член фонологической оппозиции (противопоставления). Трубецкой очертил проблематику и определил методику фонологических исследований, опираясь на богатый фактический материал не только европейских, но и ряда языков зарубежной Азии и Африки. Книга Трубецкого «Основы фонологии» является основополагающим трудом современной фонологии. Р. О. Jakobson создал дихотомическую теорию фонологии, о принципах которой речь будет ниже.

Теория фонемы разрабатывалась далее американскими учеными, принадлежащими к школе дескриптивной лингвистики.

В процессе развития теории фонем в советском языкознании сложились две фонологические школы: ленинградская («щербовская») и московская. Ученые ленинградской школы (Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич, А. Н. Гвоздев и др.) считают, что фонему нужно рассматривать как автономную от морфемы собственнофонетическую единицу [69; 70]¹⁰. Фонемы определяются как звуковые типы реальных звучаний. «Так, в слове *мороз* конечная фоне-

¹⁰ Дальнейшую разработку теории ленинградской фонологической школы представляют, например, работа Г. П. Торсуева [180], учебник Ю. С. Маслова [99], глава II.

ма, с точки зрения Щербы, — с, чередующаяся с фонемой з в других формах этого слова» [145, 28].

Ученых московской фонологической школы отличает морфологический подход к фонеме. Фонема определяется ими исходя из ее разных реализаций, из сопоставления ее разных позиций в морфеме (подробнее об этом см. ниже).

Любая языковая единица воспринимается как таковая, только если ее можно идентифицировать¹¹ в составе единицы более высокого уровня [223]. Фонема является основной единицей фонологического («или: фонетического» [145, 114]) уровня, морфема — морфологического уровня. Чтобы определить реальность фонемы, мы постоянно обращаемся к конкретной единице более высокого уровня, в состав которой данная фонема входит, т.е. мы можем определять фонему только на основе морфологического критерия, как составную часть морфемы. На этом положении строится теория московской фонологической школы¹². «Идентификация фонемы на основе тождества морфемы роднит эту теорию с взглядами И. А. Бодуэна де Куртенэ и Н. Ф. Яковлева» [70, 197]. В приведенном выше слове *мороз* [*марóс*] и в других формах этого слова *морозы* [*марóзы*] и т.п. на основе тождества морфем устанавливается одна фонема з в своих позиционно обусловленных разновидностях (вариантах). Фонемы рассматриваются как ряд чередующихся звуков, но ряд стабильный.

Ряд положений московской фонологической школы будет раскрыт при дальнейшем изложении вопросов фонологии.

Что такое фонема?

«Фонемы — это минимальные единицы звукового строя языка, служащие для складывания и различения значимых единиц языка: морфем, слов» [140, 211]. В этом емком определении вскрывается сущность фонемы и указывается на две ее функции. Как единицы, «служащие для складывания» морфем, слов и, таким образом, представляющие звуковую материальную оболочку значимых единиц языка, фонемы служат объектом слухового восприятия, т.е. выполняют перцептивную функцию. Как единицы, «служащие для... различения» морфем, слов, фонемы выполняют в отношении значимых единиц языка различительную, или сигнификативную, функцию.

При уяснении сущности понятия «фонема» важен вопрос о соотношении звука речи и фонемы. Рассмотрим несколько приме-

¹¹ «Идентификация» — отождествление, установление (подлинности), распознавание.

¹² Теория московской фонологической школы разрабатывалась в трудах Р. И. Аванесова, В. Н. Сидорова, А. М. Сухотина, А. А. Реформатского, П. С. Кузнецова. Интересную интерпретацию она получила в работе М. В. Панова [116]. Аксиоматика фонологии с позиций московских фонологов, взгляды которых разделяет и автор настоящей книги, доступно изложена и уточнена в статье П. С. Кузнецова «Об основных положениях фонологии» [92]. Московской фонологической школе посвящен труд А. А. Реформатского «Из истории отечественной фонологии» [145]; см. также рецензию Л. Р. Зиндера [68].

ров. В выделенных курсивом сочетаниях *кот* [кóт] — три звука речи и три фонемы, *сшить* [шыт'] — две фонемы *с* и *ш* дают один звук *ш*, *сутолока* [сúтьлка] — фонема *о* (после *л*) реализуется нулем звука, *мел* — *мель* [м'е л — м'эл] — модификации гласных [ε] и более закрытого [ə] выступают как одна фонема э, т. е. звуков речи два, а фонема одна.

Таким образом, звук речи и фонема не являются тождественными понятиями. Понятие «фонема» существует наряду с понятием «звук речи».

Процесс выделения фонем в языке

Выделение фонем происходит в результате противопоставления их в языке как различительных элементов звуковой оболочки морфем и слов.

Эти противопоставления называются оппозициями (о типах оппозиций см. ниже). Сопоставляя слова *мол* — *дол*, *том* — *сом*, мы устанавливаем различия в качестве согласных звуков. С другой стороны, противопоставляя *вол* — *вал*, мы выделяем две гласные фонемы *о* — *а*. В подобных минимальных парах ясно видно, что два звука речи, встречающиеся в одинаковом окружении и служащие для различия смысла, являются двумя различными фонемами.

Фонема — различительный элемент языка. Фонемы различают языковые единицы разного значения, но сами не связаны непосредственно ни с каким значением. Если можно найти примеры того, что фонема несет определенное значение, то перед нами однофонемное слово («А это дочь моя, Татьяна») или однофонемная морфема (*вод-а*, *рук-а* — грамматическая морфема, выражающая род, число и падеж).

Различительные и нейтральные признаки фонемы

Фонемы — простейшие наименьшие единицы языка, но фонемы и сложные единицы, так как они состоят из ряда признаков, характеризующих одну фонему в отличие от других. Звуковые признаки, служащие для различия фонем, называют различительными признаками. Сущность фонемы составляют те ее отдельные признаки, по которым она противопоставляется другим фонемам. Например, в минимальной паре *дом* — *том* фонемы противопоставлены по звонкости. В других случаях *д* можно противопоставить по признаку твердости (*дома* — *Дёма*), по признаку отсутствия или наличия назальности (*дам* — *нам*), по переднеязычному или заднеязычному произношению (*дам* — *гам*) и т. д. Итак, выделение фонемы *д* в наших примерах происходит по ряду признаков: звонкость, твердость, взрывность, отсутствие назализации и т. д. В итоге выделяется фонема с многими функциями, с многими

признаками. С другой стороны, в словах, например *мел — мель*, мы произносим [ε] и [э], но не противопоставляем более открытое и более закрытое э. Следовательно, признаки того или иного звука по сравнению с другими не всегда выступают в одинаковой функциональной роли. Выделенные выше у *д* признаки являются различительными. Их называют также дифференциальными признаками. Признаки, различающие [ε] и [э], можно назвать нейтральными, или интегральными (но у *э* есть признаки, по которым *э* противопоставляется *а*, *о* и др.).

Количество дифференциальных признаков фонем дает представление о ее валентности. Например, фонема [г] в русском языке двухвалентна, так как характеризуется двумя дифференциальными признаками: звонкостью (противопоставление типа *гора — кора*) и заднеязычностью (противопоставление типа *гам — дам*).

Учение о позициях. Вариации и варианты фонем

У звуковых единиц языка в одних произносительных условиях могут проявляться противопоставления, а в других произносительных условиях эти противопоставления не проявляются, нейтрализуются. Например, *к—г* противопоставляются как фонемы перед гласными, сонорными и перед <в> и <в'>: *кора — гора, икра — игра*. Но они нейтрализуются в конце слов и перед шумными согласными: *лук — луг*.

Произносительные условия носят название позиций. Различаются сильные и слабые позиции. В рассмотренных примерах сильная позиция — *кора — гора*, слабая — *лук — луг*. Сильная позиция та, где фонемы находятся в наименьшей зависимости от окружающих условий. В сильной позиции сохраняется противопоставление фонем, фонемы различаются и различают значимые единицы языка. Слабая позиция — позиция, в которой звучание фонемы может измениться в зависимости от окружающих условий. Поскольку фонемы выполняют в языке две функции — перцептивную и сигнификативную, то понятие «слабая позиция» требует уточнения. Следует различать перцептивно слабые и сигнификативно слабые позиции.

Перцептивно слабая позиция та, в которой фонема, меняя свое звучание, выступает в виде вариаций, различающихся акустически и артикуляционно, но не выполняющих различительной функции. Например, в приведенной выше паре *мел — мель* [м'εл — м'эл'] присутствуют вариации фонемы *э* (вариации всегда принадлежат одной фонеме). Фонемы в перцептивно слабых позициях могут выполнять свою сигнификативную функцию (*мел — мол, мель — миль*).

Сигнификативно слабая позиция — позиция, в которой противопоставленные в языке фонемы совпадают в своем звучании и перестают различать значимые единицы языка, т. е. в сигнификативно слабых позициях фонема не может полностью выполнять свою

смыслоразличительную функцию. Например, в русском языке в конце слов звонкие и глухие согласные фонемы совпадают: *лук* [лúк] — *луг* [лúк], *вот* [вóт] — *вод* (р. п. мн. ч.) [вóт]; гласные фонемы *а* и *о* в сигнификативно слабых позициях (в безударных слогах) совпадают в редуцированных звуках [а] и [ъ]: *вода* [ва-да] — *мала* [малá]: *водовоз* [въдавóс] — *садовод* [съдавот].

Звучания в сигнификативно слабых позициях называются вариантами фонем. Варианты принадлежат двум фонемам.

Любой звук речи входит в состав какой-либо морфемы, занимая в ней определенное по счету место. Множество звуков речи, встречающихся в составе определенной морфемы и занимающих постоянно одно и то же порядковое место в составе этой морфемы, входит в одну фонему. Например, звук *к* в одноморфемном слове *стог* [стóк] и звук *г* в родительном падеже единственного числа того же слова [стагá] являются вариантами одной фонемы, так как появление звука *к* обусловлено в русском языке позиционно (подробнее о позиционных звуковых изменениях см. ниже).

Звук *к* в приведенном примере является вариантом фонемы *г*, выступающим в слабой произносительной позиции при нейтрализации его различительных (дифференциальных) признаков.

«Множество звуков речи, образующее некоторую фонему, может содержать также и нуль, т. е. полное отсутствие звука. Это имеет место в том случае, если звук речи, входящий в состав соответствующей фонемы, занимающей определенное порядковое место в составе некоторой морфемы, в некоторых фонетических условиях фактически невозможен и подвергается утрате. Так, например, в русском языке невозможно сочетание согласных «стн», и если морфема, оканчивающаяся сочетанием фонем «ст» [ст'], оказывается в слове непосредственно перед морфемой, начинающейся с фонемы «н», «т» исчезает. Ср. *кость* — *костный* (фонетически [кóснъи]), *лесть* — *лестный* (фонетически [л'эснъи]), *место* — *местный* (фонетически [мэснъи]) и т. д.

Этот вариант «нуль» фонемы «т'» и «т» [91, 34].

Некоторые звуки речи по различным причинам, индивидуальным в каждом отдельно взятом языке, могут принадлежать одновременно более чем одной фонеме. Это чаще всего звуки, которые встречаются в морфеме в фонетических условиях, не позволяющих установить различие между фонемами (эти фонемы не могут быть поставлены в сильную позицию), например в русском языке в первом предударном слоге в словах *костёр* [каст'óр], *корова* [карóва], *собака* [сабáка], *солома* [салóма], *топор* [тапóр] и т. п., звуки речи представляют одновременно варианты фонем *а* и *о*. По терминологии московской фонологической школы они называются гиперфонемами (в приведенных примерах — гиперфонема *а—о*).

В речи фонемы реализуются как определенный набор вариантов, причем набор вариантов фонемы для каждого отдельно взятого языка своеобразен.

Варианты и вариации фонем в работах американских лингвистов названы аллофонами.

Возникновение аллофонов может быть обусловлено тремя причинами: 1) индивидуальным произношением говорящего, 2) причинами стилистического характера и 3) различными фонетическими причинами. В первом случае это зависит от строения речевого аппарата говорящего. Некоторые индивидуальные особенности, дефекты в строении речевого аппарата приводят к возникновению индивидуальных звуков в языке, т.е. к варьированию фонем. Например, индивидуально может звучать звук *p* в русском языке (картавое *p* и обычное *p*, соответствующее произносительным нормам литературного русского языка). Индивидуальное варьирование возможно тогда, когда оно не приводит к смешению фонем. В противном случае, если происходит смешение фонем, такое варьирование воспринимается как определенный недостаток, дефект речи. Примеры этому можно найти в большом количестве в языке детей.

Стилистические варьирования произношения фонем могут наблюдаться у различных социальных слоев говорящих, на различных стилистических уровнях языка. Подобное стилистическое варьирование произнесения фонем может наблюдаться в ряде восточных языков (например, во вьетнамском, в японском), в английском языке. Для русского языка стилистические варианты не так характерны.

Основные причины возникновения аллофонов — это причины фонетического порядка: типы слогов; характер и место ударения; взаимодействие фонем в речевой цепи; явления начала и конца слов. Для каждого языка характерны свои закономерности варьирования фонем.

Как слог обуславливает возникновение вариантов фонем, можно наблюдать в турецком языке. В слоге турецкого языка встречаются гласные заднего ряда и соответственно твердые варианты согласных: *dal* [дал] «ветка», *bulut* [булут] «облако», *kar* [кар] «снег». Или же гласные переднего ряда и тогда соответственно мягкие варианты согласных: *düz* [дюзь] «ровный», «равнина», *bülbül* [бюльбюль] «соловей», *kök* [көкь] «корень».

В этом суть сингармонизма турецкого языка (о сингармонизме как типе звукового изменения речь будет ниже).

Характер и место ударения обуславливают, например, возникновение вариантов гласных в русском языке: *лес* [л'эс], *лесник* [л'э"сн'йк], *лесо́илка* [л'исап'йлка]. Или же их отсутствие в языке хинди: [лэкх] — 1) «надпись» 2) «алфавит», «письмо»; 3) «сочинение», «труд»; [лэкхак] — 1) «автор», «писатель»; 2) «переписчик»; [лэханкалā] — 1 «искусство письма»; 2) «литературное мастерство».

Взаимодействие фонем в речевой цепи приводит, например, к возникновению вариантов гласных фонем в корейском языке.

Под влиянием гласной фонемы переднего ряда «i» следующий гласный заднего ряда изменяется в соответствующий гласный переднего ряда, т. е. $u >^u i$, $ɔ > e$, $o > e$, $a > e$: «убивать» — [č^uigida] вм. [čugida]; «кормить» — [megida] вм. [mɔgida]; «ребенок» — [ɛgi] вм. [agi].

Фонетические явления начала и конца слов состоят в том, что, например, в конце слова возможен лишь один вариант произнесения ряда фонем. Так, в древнеиндийском языке существовал так называемый «закон конца слов», согласно которому одинаковые по месту образования шумные согласные (глухие и звонкие, придыхательные и непридыхательные) выступали в конце слов только в варианте «глухой непридыхательный», т. е. $k, kh, g, gh > k$ или $t, th, d, dh > t$.

Варианты фонем могут сигнализировать о конце морфемы.

Варьирование фонем на границе морфем характерно для немецкого языка. В древнеиндийском языке имело место возникновение вариантов фонем как на границе слов, так и (в меньшей степени) на границе морфем.

При изучении иностранного языка оказывается совершенно необходимым освоить существующие в нем правила варьирования фонем. Так, например, при изучении русского языка оказывается необходимым освоить правила варьирования гласных. В безударных слогах выступают различные варианты гласных, и набор этих вариантов в зависимости от позиции (по отношению к ударению) бывает очень трудно освоить иностранцам. Пределы варьирования обусловлены фонетически и очень индивидуальны для каждого языка. Например, варьирование гласных в русском языке (многообразие в степени редукции и произнесения гласных в безударном слоге) или в хинди, в индонезийском языке выглядит различно.

Возникает вопрос о критериях установления вариантов фонем. На основании каких объективных данных мы можем говорить о том, что какой-либо звук является вариантом одной или другой фонемы?

Несколько фонем совпадают в одном варианте, т. е. они должны совпадать фонетически (акустически и артикуляционно). Например, при произнесении предложения *На севере диком стоит одиноко на голой вершине сосна* наблюдаем варианты фонем *о* и *а* в таких словах, как [нас'эв'эрь — стаит]: *а* и *а* представляют варианты произнесения двух фонем *а* и *о*. С точки зрения фонетической эти варианты оказываются сходными, т. е. произносятся и звучат совершенно одинаково.

Варианты фонем должны находиться в отношении дополнительной дистрибуции (об этом термине см. ниже). Варианты фонем ведут себя различно по отношению к возможности сочетания их с другими звуками языка. Возьмем два звука русского языка [и] и [ы]. Рассмотрим их с точки зрения сочетаемости с твердой и мягкой фонемой. Звук [ы] сочетается с твердой [мы и ты) и невозможен в сочетании с мягкой фонемой. Сочетание [и] невозможно с твердой и всегда осуществляется только с мягкой

фонемой (*тина, милый* и т. п.). Таким образом, [и] и [ы] находятся в отношении дополнительной дистрибуции, следовательно, являются фонетически обусловленными реализациями одной фонемы. «Если верхние фонемы находятся в позиции после твердой, их артикуляция отодвигается назад» [272, 12].

Вопрос о дистрибуции фонем

Совокупность всех возможных окружений, в которых встречается фонема, возможности ее сочетаемости называются дистрибуцией¹³. «Правила сочетаемости накладывают на каждый язык особый отпечаток. Они характеризуют язык в не меньшей мере, чем фонемный состав» [292, 284].

Дистрибуция фонем определенным образом связана со структурными особенностями слога, со звуковым своеобразием начала и исхода слов и с некоторыми другими факторами, различно сочетающимися в каждом конкретном языке. Сочетаемость фонем исследуется в рамках слова или морфемы.

Исследуя дистрибуцию фонем, мы устанавливаем, может ли фонема встретиться в начале или конце слова, какие фонемы сочетаются между собой, в какой последовательности и в каком количестве. Устанавливается дистрибуция более типичная и менее типичная, а также случаи невозможных, нереальных сочетаний. Например, для русского языка нетипично сочетание фонем *р* и *л*, в хинди (и санскрите) фонема *th* недопустима в начале слова и т. п.

В каждом языке правила сочетаемости фонем своеобразны и различны по количеству.

Бирманский язык, например, как указывает Н. С. Трубецкой, допускает только одно сочетание «согласный+гласный». Это связано с тем, что слова в бирманском языке моносиллабичны и состоят из гласного или дифтонга, имеющего однофонемную значимость, которым может предшествовать согласный. Поэтому гласные допустимы в конце слова, а согласные — только в начале.

Вьетнамский язык допускает сочетания «согласный+гласный» и «гласный+согласный» в рамках морфемы, а также сочетания из двух и трех гласных. Недопустимым для вьетнамского языка является сочетание двух согласных.

Для японского языка можно установить восемь правил сочетания фонем:

«1) в начале слова невозможны сочетания согласных, 2) внутри слова из всех сочетаний согласных возможно лишь сочетание «N+ согласный», 3) в исходе слова возможны либо гласный, либо «гласный+N», 4) гласному *e* могут предшествовать палатализованные согласные, 5) гласному *i* не могут предшествовать непалатализованные согласные, 6) долгие гласные не могут быть ни

¹³ Термин «дистрибуция» был введен американскими лингвистами, которые разработали методику дистрибутивного анализа фонем.

перед двойным согласным, ни перед завершающим слог N, 7) полугласный w встречается лишь перед a и перед o, 8) полугласный y встречается лишь перед u, o, a (y перед начальным e факультативен и в таком положении не может рассматриваться как самостоятельная фонема)» [292, 279].

Можно установить универсальный тип сочетания фонем и некоторые общие правила сочетаемости. Так, тип сочетания «согласный + гласный» зафиксирован во всех известных языках.

Сочетания из двух шумных, различающихся лишь по месту образования, встречаются в тех языках, в которых допускаются и другие сочетания с шумными, т.е. если в языке возможны, например, сочетания sp, tr, kl, то встречаются и сочетания pt, kt и т. п.

Языки с многосложными словами, допускающие сочетания согласных в начале и конце слова, допускают их и внутри слова.

Исследование дистрибуции фонем многих языков Азии и Африки еще не осуществлено, между тем такое исследование имеет большое значение для теоретического языкознания. Установление типов сочетаемости фонем большого количества языков и их сопоставление позволят прийти к выводам, важным для типологии фонологических систем языков мира.

Установление сочетаемости фонем языка имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Например, при овладении графикой ряда восточных языков, использующих в своем письме лигатуры, существенным оказывается знание реально допустимых в языке сочетаний согласных.

Понятие «система фонем»

Итак, фонемы языка различаются связями и противопоставлениями, характером варьирования и дистрибуцией. Причем, как мы видели, в различных языках характер противопоставлений фонем, их варьирование и правила дистрибуции очень своеобразны.

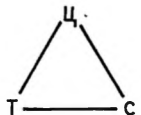
Фонемы любого языка выступают как определенная система, обладающая своими индивидуальными особенностями.

Оставаясь в рамках основ науки о языке, возможно остановиться лишь на некоторых вопросах, связанных с понятием «система фонем». Это целесообразно сделать потому, что описание фонологических систем многих языков еще является делом будущего¹⁴.

¹⁴ В настоящее время, по нашим данным, помимо описания фонологических систем основных западноевропейских и славянских языков (на русском языке см. работы по библиографии к статье Зиндера «Фонетика и фонология»// Теоретические проблемы советского языкознания Сборник статей. М., 1970), имеется еще фонологическое описание языков хинди (см.: Елизаренкова Т. Я. Дифференциальные элементы согласных фонем хинди// Вопросы языкознания. 1961. № 5; Захарьин Б. А. Гласные фонемы хинди// Народы Азии и Африки. 1964. № 4), сингальского (см.: Елизаренкова Т. Я. К описанию системы фонем сингальского языка// Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейлона. Сборник статей. М., 1968), кашмири (Morgenstierne G. The Pho-

Начнем с вопроса об определении фонологического содержания фонем. Фонемы существуют только в определенной системе. Акустически одинаковые звуки в системе фонем конкретных языков имеют различное фонологическое содержание. Вспомним пример с глухими и звонкими согласными в русском и китайском языках: в русском языке это фонемы ($t-d$, $n-b$), в китайском же языке вообще нет противопоставления согласных по глухости и звонкости. Там существенно противопоставление простых и придыхательных согласных ($t-th$, $p-ph$), что не является признаком различия фонем для русского языка.

Различия в позициях фонем также являются признаками, характеризующими систему фонем конкретного языка. Например, в русском языке конец слова — слабая позиция для звонких согласных фонем, их различительные признаки нейтрализуются, и фонемы выступают в виде своих вариантов: *мороз* [мар'ос], *снег* [с'н'эк], *лед* [л'от]. В английском языке конец слова — сильная позиция для звонких согласных фонем: *was* [wəz], *leg* [leg], *red* [re:d]. Для каждой системы фонем характерны свои определенные противопоставления, и потому «определение фонологического содержания фонемы предполагает включение ее в систему фонологических оппозиций, существующих в данном языке» [292, 74]. Противопоставляясь друг другу, фонемы языка могут быть организованы в оппозиции различного вида. Например, противопоставляясь только по одному признаку, фонемы образуют коррелятивную оппозицию ($t-d$, $t-t'$). Если несколько фонем различаются по одному признаку, то они образуют оппозицию, называемую «цепочка» ($n-t-k$). Оппозиция, в которой имеет место отличие фонем по одному признаку, не образующее последова-

тельного ряда, называется «пучком» ().

Классификация смыслоразличительных оппозиций разработана и исчерпывающим образом изложена Н. С. Трубецким [292,

nology of Kashmiri//Archiv Orientalni. Praha. 1941. V. XIX. P. 1; Захарьин Б. А. Кашмири: фонетика и фонология, текст и система//Народы Азии и Африки. 1968. № 3), тамильского (см.: Лекомцева М. И. Фонологическая система тамильского языка с точки зрения синтеза//Вопросы структуры языка. М., 1964), корейского (Seung-Bog Cho. A phonological study of Korean. With a historical analysis//Acta universitatis Upsaliensis Studia Uralica et Altaica Upsaliensia. Uppsala, 1967. N 2), японского (см.: Сыромятников Н. А. Система фонем японского языка//Учен. зап. Ин-та востоковедения. 1952. Т. IV), турецкого (см.: Черкасский М. А. Об особенностях фонологического строения тюркского вокализма//Народы Азии и Африки. 1962. № 5; Щербак А. М. О тюркском вокализме//Тюркологические исследования Сборник статей. М.: JL, 1963; Щербак А. М. Тюркский консонантизм//Вопросы языкознания. 1954. № 5; Щербак А. М. О фонологической оппозиции гласных по признаку раствора в тюркских языках//Народы Азии и Африки. 1966. № 1)

38 и сл.]. Фонологическое содержание фонемы зависит от определения ее места «в данной системе фонем, т.е. в конечном счете от того, какие другие фонемы ей противопоставлены» [292, 74].

В связи с этим один из путей, по которому пошло в дальнейшем развитие фонологии, — создание дихотомической фонологии, устанавливающей универсальные парные типы противопоставлений фонем. Создатель дихотомической фонологии Р. Якобсон установил двенадцать пар различительных признаков, позволяющих единообразно описывать звуковой состав различных языков [255]. Это следующие бинарные (парные) противопоставления: 1) гласный — негласный, 2) согласный — несогласный, 3) прерванный (т.е. взрывной, смычный) — непрерывный (фрикативный), 4) глоттализированный (т.е. смычно-гортанный) — неглоттализированный, 5) резкий — нерезкий, 6) звонкий — глухой, 7) компактный — диффузный, 8) низкий — высокий, 9) бемольный — простой, 10) дизонный — простой, 11) напряженный — ненапряженный, 12) носовой — неносовой.

Каждый язык обладает своим «набором» различительных признаков, характерным для фонологической системы данного языка. Однако, как справедливо указал П. С. Кузнецов, дихотомическая фонология представляет собой акустический подход к описанию звуковой стороны языка [90]. Вопрос этот достаточно спорный. Как замечают ныне фонологи, в дихотомической фонологии представлена не чистая акустика, а ее фонологическая интерпретация, связанная с конкретным языком.

Анализ содержания фонем ведет к точному установлению «набора», общего количества фонем в фонологической системе того или иного языка. Для определения количества фонем в языке принимаются во внимание только сильные позиции.

Количество фонем в языках может сильно колебаться. «Практически — это число, различное для различных языков, по крайней мере для тех, которые пока известны, больше 10 и меньше 100» [91]. Например, в австралийском языке аранта 13 фонем, в индийском языке кашмири 81 фонема, в английском языке 40 (или 45) фонем, а в русском — 39.

В языках с общим одинаковым количеством фонем различно соотношение гласных и согласных. Так, в русском языке 39 фонем, из них 5 гласных и 34 согласных; в корейском языке 40 фонем, из них 21 гласная (включая дифтонг и дифтонгоиды) и 19 согласных.

Для определения количества фонем в языке принимаются во внимание только сильные позиции. При характеристике фонологической системы конкретного языка американские фонологи предложили разграничивать два этапа, две части исследования.

Та часть описания фонологической системы языка, которая занимается выделением фонем данного языка по их различительным признакам, называется фонематикой.

Своеобразие системы фонем каждого языка связано с характером произносительных позиций и с условиями возникновения

вариантов фонем, т.е. с типами нейтрализации смысловых различительных признаков. Как мы уже видели, каждая система фонем характеризуется своими правилами сочетания фонем, их дистрибуцией.

Исследованием закономерностей сочетаемости фонем, установлением правил дистрибуции в языке занимается фонотактика.

§ 6. Изменение звуков

В связной речи звуки произносятся не изолированно, а в виде цепи звуков. При этом звуки могут подчиняться влиянию общих условий произношения или взаимодействовать, влияя друг на друга.

В первом случае имеют место позиционные звуковые изменения, во втором — комбинаторные.

Позиционные изменения

Позиционные звуковые изменения обусловлены положением по отношению к ударению, позицией в начале или конце слова, характером слога в данном языке. Позиционные звуковые изменения выступают в виде закономерных чередований одной фонемы, т.е. чередование ее вариантов обнаруживается только сопоставлением морфем.

1. К числу наиболее распространенных позиционных изменений относится редукция. Редукцией звука называется ослабление его в отношении силы голоса и долготы, т.е. менее отчетливое выражение качественных и количественных характеристик звука [19, 382]. Редукция гласных обусловлена ударением.

Количественная редукция гласных в полной мере представлена в языках с преобладающим количественным ударением, например в индонезийском языке. Количественная редукция наблюдается и в безударных слогах русского языка, при этом тембр (рсп. качество) гласного не меняется. Например, в словах *сук*, *сучок*, *сучковатый* ударяемый гласный *у* постепенно слабеет и делается короче в первом предударном слоге и затем во втором предударном слоге.

Качественная редукция гласных встречается в языках с сильным динамическим ударением. Ударяемый гласный в них оказывается в сильных произносительных условиях, а неударяемые гласные звучат ущербно, подвергаются различной степени редукции, дифференциальные признаки их нейтрализуются. Так, в русском языке, в языке со свободным ударением, ударяемый [о] редуцируется в первом и втором предударных слогах в [а] и [ъ]. Например, *воды* [вóды] — *водá* [вадá] — *водовóз* — [вѣдавóс].

Своеобразные позиционные изменения гласных наблюдаются в суахили — в языке с долготно-динамическим ударением: при стечении двух гласных на границе морфем происходит слияние, стяжение или выпадение гласных. Например: *wa* I кл. мн. ч.

«люди» + — ingine «другой» (прилагат.) > wengine «другие» (люди) (слияние); hivi IV кл. мн. ч. «эти» (вещи) + — о релятивная морфема «который» > hivuo «эти упомянутые» (вещи) (стяжение) или haуа III кл. мн. ч. «эти» (плоды) + — о «который» > haуо «эти упомянутые» (плоды) (выпадение).

Если ударяемым является первый гласный, то изменений не происходит.

Возвращаясь к качественной редукции гласных, следует отметить, что в полной мере она реализуется лишь в языках со свободным динамическим ударением, тогда как в языках с фиксированным (несвободным) динамическим ударением (например, в тюркских, монгольских, маньчжурских языках, т.е. в языках с «гармонией гласных») ударяемый гласный воздействует на безударные, и, таким образом, в этих языках имеют место комбинационные изменения гласных, о чем речь ниже.

Качественная редукция может наблюдаться и у согласных, но причины нейтрализации различительных признаков у согласных будут уже иными. Так, оглушение конечных звонких согласных в конце слов в русском языке является типом редукции, обусловленной положением звука в конце слова.

2. Изменения звуков в начале или конце слов тоже относятся к числу позиционных изменений и нередко встречаются в языках как пограничные сигналы слов в звуковой цепи.

Закономерное изменение согласных в конце слов было характерной особенностью древнеиндийских языков. Нейтрализация в конце слов снимала в санскрите противопоставление согласных фонем по глухости—звонкости, придыхательности—непридыхательности; -s и -t в конце слов реализовались как h, носовые — как m.

К явлениям начала и конца слов, а для ряда языков и морфем должны быть отнесены также случаи пограничных звуковых изменений гласных. Все они могут быть сведены к трем основным закономерностям, которые возможно обнаружить в некоторых языках, совершенно несходных типологически и принадлежащих к различным языковым семьям, например в санскрите и в зулу.

1) Однородные по качеству гласные (независимо от их количественной характеристики, даже если она в данном языке и имеется) дают соответствующий долгий гласный, т.е. $\bar{a} + \bar{a} > \bar{a}$; $\bar{i} + \bar{i} > \bar{i}$; $\bar{u} + \bar{u} > \bar{u}$. Например: с. [vidyā] «знание» + [artha] > [vidyārtha] «любопытный, жадный к знанию»; [pari] «кругом» + [ks] «смотреть» > [pariks]: 1) «оглядываться вокруг», 2) «испытывать»; [su] «хорошо» + [ukti] «речь», «выражение», «слово» > [sūkti] «остроумное выражение», «афоризм», «изречение»; а.з. па «и, с» + abantu «люди» > nābantu «и люди, с людьми»; е- + umuzi «крааль» + -ini (префикс -е и суффикс -ini — признаки местного падежа) > emuzīni «в краале».

2) Сочетание \bar{a} с последующим разнородным гласным дает следующие гласные $\bar{a} + \bar{i} > e$; $\bar{a} + \bar{u} > o$; $\bar{a} + r > \bar{a}r$. Например: с. [mahā] «великий» + [indra] «Индра» > [—mahendra] «вели-

кий Индра», [mahā] «великий» + [r̥si] «мудрец» > [mahārsi] «великий «мудрец»; а.з. njenga «как, подобно» + izinja «собаки» > njengezinja «как собаки», wa посессивная связка по классу I ед.ч. (людей) + umuntu «человек» > womuntu «(некто), принадлежащий человеку».

3) Гласные \bar{i} , \bar{u} и \bar{r} (в санскрите), \bar{o} (в зулу) перед разнородными гласными (только перед \bar{i} — в зулу) переходят в соответствующий сонант, т.е. \bar{i} > у, \bar{u} > w, \bar{r} > r; \bar{o} , \bar{u} (в зулу) > w. Например: с. [iti] «так» + [ādi] «начало», «первый» > [ityādi] «и так далее»; [su] «очень» + [alpa] «маленький» > [svalpa] «очень маленький»; а.з. e- + izulu «небо» + -ini (префикс e- и суффикс -ini — признаки местного падежа) > ezulwini «(в), на небе».

3. К позиционным изменениям должны быть отнесены чередования. О чередовании согласных дает представление чередование их, наблюдаемое у именных корней и у предикативов корейского языка. Фонетические чередования в корейском языке могут быть простыми, т.е. чередуются два согласных, например: t'/t (pat'-e — pat «поле»), s/t (os-i — ot «одежда»), k'/k (puṣk'-e — puṣk «кухня») и другие; но чередоваться могут и два согласных с одним согласным. При сочетании их в конце первого и в начале второго слогов в положении перед согласным (кроме h) или перед паузой два согласных заменяются одним из них. Например, lk/k (talg-i — tak «курица»), ps/p (kaps-i — kap «цена»), ks/k (pṅks-i — pṅk «душа») и другие, всего девять чередующихся пар.

Комбинаторные изменения

Комбинаторные изменения возникают при сочетании звуков в звуковой цепи. Как и позиционные изменения, они представляют собой различные типы нейтрализации фонологических оппозиций.

Природу комбинаторных звуковых изменений легко понять, если постоянно иметь в виду, что в произнесении каждого звука различаются три фазы: экскурсия, выдержка и рекурсия (см. выше с. 28). Сдвиги границ между этими фазами и приводят к возникновению различных комбинаторных изменений.

Если на экскурсию последующего звука воздействует рекурсия предшествующего звука, то возникают прогрессивные комбинаторные изменения, если же на рекурсию предыдущего звука воздействует экскурсия последующего звука, то имеют место регрессивные комбинаторные изменения. В одних языках предпочтительнее регрессивные, в других — прогрессивные направления влияния звуков. «Как кажется, это часто связано с морфологической и грамматической структурой языка» [232, 272].

Комбинаторные звуковые изменения не следует понимать как процесс. Речь идет о правилах сочетания некоторых звуков языка.

1. При сочетании согласного и гласного звуков, стоящих рядом, происходит аккомодация (лат. accommodatio «при-

способлении»). Она состоит в приспособлении артикуляции предыдущего звука к артикуляции последующего (регрессивная аккомодация) или артикуляции последующего звука к артикуляции предыдущего (прогрессивная аккомодация).

Например, при сочетании в звуковой цепи твердых веляризованных согласных с гласными переднего ряда (и, э) артикуляция согласных должна стать более передней, т. е. согласные становятся мягкими (палатализованными).

В различных языках или гласные аккомодируют согласными, или согласные — гласными.

Аккомодацию гласных согласными мы встречаем в русском языке. Так, гласные [а], [о] и [у] после мягких согласных аккомодируют им и становятся более передними: *мать* — *мять*, *сок* — *сёк*, *тук* — *тюк*, а гласный переднего ряда [и] после твердых согласных становится более задним: *ми* — *мы*, *бит* — *быт*.

В приведенных примерах аккомодация прогрессивная. Регрессивную аккомодацию в русском языке можно наблюдать у гласных перед мягкими согласными, когда гласные становятся более закрытыми и напряженными: *цеп* — *цель*, *мол* — *моль*, *пар* — *парь*.

Аккомодация согласных гласными, палатализация согласных имеют место в турецком языке.

Слогообразующий гласный является как бы показателем качества, примыкающих к нему согласных. «Если гласный является задним, то и согласные имеют несколько сдвинутую назад артикуляцию; если передний — то и согласные являются более передними»¹⁵.

Например, *baş* «голова», *yanak* «щека», *kaş* «бровь», *parmak* «палец» и, с другой стороны, *dil* «язык», *göz* «глаз», *el* «рука», *deri* «кожа» и др.

Регрессивная аккомодация согласных наблюдается в суахили: под влиянием гласного [i] происходит их палатализация. Гласный [i] входит в состав ряда суффиксов суахили¹⁶, согласный корня аккомодирует [i] и, смягчаясь, изменяет свое качество: обычно взрывной согласный чередуется с фрикативным. Например: а.с. — *lipa* «платить» > *mlifi* «тот, кто платит», — *waka* «гореть» + *ya* > *-washa* «зажигать».

2. Более распространенными в языках типами изменения звуков при их сочетании являются ассимиляция и диссимиляция.

Ассимиляция (лат. *assimilatio* «уподобление») состоит в том, что звук (или звуки), сочетаясь с определенным звуком (или группой звуков), приобретает какие-либо общие с ним черты, уподобляется ему.

Диссимиляция (лат. *dissimilatio* «расподобление») представляет собой утрату звуком какого-либо фонологического признака

¹⁵ См. сноску 22.

¹⁶ Суффикс отглагольного имени — *-i*, суффикс повелительной формы глагола — *-ya* (*i + a*), суффикс архаичной перфективной формы — *-i(i)*е.

при сочетании с другим звуком, этим признаком обладающим, т.е. увеличение расхождения между звуками.

Между аккомодацией, с одной стороны, и ассимиляцией-диссимиляцией — с другой, существуют различия.

Во-первых, если аккомодация происходит при сочетании гласного и согласного, то ассимиляция и диссимиляция имеют место только при сочетании звуков того же типа, т.е. при сочетании гласных (вокалическая ассимиляция), либо при сочетании согласных (консонантическая ассимиляция или диссимиляция).

Во-вторых, аккомодация происходит только между соседними звуками, тогда как ассимиляция и диссимиляция возможны как между соседними звуками (контактная ассимиляция или диссимиляция), так и между несоседними звуками (дистактная ассимиляция или диссимиляция).

В-третьих, поскольку при аккомодации сочетаются звуки разных типов, они могут лишь частично сближаться по артикуляции. При ассимиляции же сочетаются звуки одного типа, и поэтому между ними может наблюдаться как частичное (неполная ассимиляция), так и полное уподобление (полная ассимиляция).

В каждом языке имеется свой набор ассимилятивных и (реже) диссимилятивных звуковых изменений.

В одном и том же языке сочетания звуков могут быть различны на границе слогов или морфем и на границе слов.

3. Случаи ассимиляции встречаются в языках как при сочетании согласных, так и при сочетании гласных.

Ассимилятивные звуковые изменения согласных характерны, например, для русского языка: *изжарить* [ижáр'ит'], *отдать* [адáт'] — регрессивная консонантическая контактная полная ассимиляция; *сделать* [зд'э́льт'], *овца* [афцá] — регрессивная консонантическая контактная неполная ассимиляция. Прогрессивная ассимиляция согласных может встретиться только в диалектах русского языка: *Ванька* [вáн'к'а] — прогрессивная консонантическая контактная неполная ассимиляция.

Регрессивная ассимиляция является важным правилом сочетания согласных в санскрите как на границе морфем, так и на границе слов. Неполной ассимиляции подвергается глухой согласный перед звонким согласным и сонантом г. Например, *āsīd gājā* «жил-был раджа» < *āsīt rājā*. Зубные *t* и *d* полностью ассимилируются последующим согласным палатальной и церебральной варги¹⁷ и сонантами *l* и *n*: *jagajjīt* «завоеватель мира» < *jagat* и *jīt*; *talloka* «(обладающий) своим миром» < *tad/tat* и *loka*.

Зубные *t* и *d* частично ассимилируются последующему *m*, изменяясь в носовой своей варги: *unmukha* «лицом к...» < *ud* «вверх» и *mukha* «лицо».

Неполная регрессивная ассимиляция согласных имеет место в языке пушту: панба «хлопок» произносится как [памбá].

¹⁷ «Варга» — «ряд» согласных, выделяемый индийскими лингвистами по месту образования преграды.

Ассимиляция согласных широко распространена в корейском языке. Об основных случаях ассимиляции согласных дает представление следующая таблица¹⁸:

Конечный звук предшествующего слога	Начальный звук последующего слога					
	l-	m-	n-	k-	p-	s-
-k	-ŋ-p;	-ŋ-m	-ŋ-n	—	—	—
-t	-n-p.	-n-m.	-n-n.	-k-k*	-p-p̣-	s-ṣ
-p	-m-n.	-m-m.	-m-n.	—	—	—
-l	—	—	-l-l.	—	—	—
-m	-m-n.	—	—	—	—	—
-n	-l-l.	—	—	—	—	—
-ŋ	-ŋ-n	—	—	—	—	—

Регрессивная ассимиляция согласных (полная или неполная, частичная) встречается в языке хауса. Так, полная ассимиляция наблюдается при образовании интенсивной формы глагола с удвоением: ката «ловить» — какката «переловить».

Неполная регрессивная ассимиляция гласных представлена в корейском языке.

4. К явлениям ассимилятивного характера относится и так называемая «гармония гласных». Она представляет собой ди-стактную неполную прогрессивную ассимиляцию гласных.

«Гармония гласных» в корейском языке состоит в том, что гласный корня или гласный его конечного слога обуславливает состав гласных в слове и его формах. Так, гласным *o*—*a* корня или его конечного слога соответствует гласный *a* в аффиксе, гласным *u*, *i*, *w*, *o* корня — гласный *o* в аффиксе.

«Гармония гласных» является важнейшим правилом сочетания гласных в системе форм словообразования и словоизменения тюркских языков.

В турецком языке в словах турецкого происхождения могут быть или гласные заднего ряда (*a*, *i*, *o*, *u*), или гласные переднего ряда (*e*, *i*, *o*, *u*). Таким образом, гласный аффикса уподобляется гласному последнего слога основы (за исключением тех случаев, когда аффикс имеет лишь один вариант, как, например, *-ken*). В многочисленных заимствованных словах турецкого языка гласный аффикса также уподобляется гласному последнего слога основы. Например, *defterler-imiz-den* «из наших тетрадей», но: *kitaplar-imiz-dan* «из наших книг».

«Гармония гласных» турецкого языка в сочетании с явлением палатализации согласных (см. с. 53) привела к возникновению сингармонизма, наблюдаемого также и в других тюркских языках, в монгольском и тунгусо-маньчжурских языках. «С чисто

¹⁸ Таблицу составил доцент ИСАА при МГУ Ю. Н. Мазур.

фонетической точки зрения сингармонизм состоит в том, что каждое слово в этих языках может содержать либо только передние гласные и палатализованные согласные, либо только задние гласные и веляризованные согласные» [292, 312].

5. Диссимилятивные изменения встречаются при сочетании звуков значительно реже.

В истории русского языка можно проследить только дистактные диссимиляции сонорных *л* и *р*: 1) *л* > *р*: велблюд > верблюд, 2) *р* > *л*: февраль > февраль.

Поскольку диссимиляции значительно меняют звучание слов, то в нормативном литературном языке они встречаются редко, тогда как в просторечии или в диалектах случаи диссимиляции звуков, направленные на облегчение произношения слова, встречаются довольно часто: колидор вместо коридор или секлетарь вместо секретарь (регрессивная дистактная диссимиляция); трамвай вместо трамвай (губной *м* рядом с губным *в* или *п* > >зубной *н* — регрессивная диссимиляция); ланпа вместо лампа (диссимиляция, подобная предыдущей); огман вместо обман (регрессивная контактная диссимиляция).

Интересный случай диссимиляции согласных встречается в языке зулу. Это так называемая «препалатализация». Она состоит в том, что губной согласный (или группа губных согласных) перед губным сонантом *w* утрачивает качество губного и выступает в виде среднеязычного согласного (или соответственно в виде группы среднеязычных согласных). Например, при образовании страдательного залога у корней глаголов: *ph* > *sp* (-*borpha* > *bosna*), *mb* > *ny* (-*hamba* > *hanywa*); при образовании уменьшительной формы или формы местного падежа у существительных с основой на -*о* или -*и*: губной *b* > *j* (*isigubu* > *isigujana*), а губной *m* > *ny* (*inkomo* > *inkonyana*). Отдельные случаи диссимиляции можно было бы отметить и в других языках.

На ассимилятивной и диссимилятивной основе могут происходить взаимные перемещения звуков или слогов в рамках слова, выпадения слогов (слоговая диссимиляция) и пр., но все это уже не представляет собой явлений фонологического порядка.

О звуковых изменениях в языках с системой этимологических тонов

Вопрос о модификации звуков в потоке речи, или, иначе, выяснение условий нейтрализации фонологических оппозиций в каждом отдельно взятом языке и причин появления в нем аллофонов, фактически снимается для языков с системой этимологических тонов. Происходит это в связи с особой ролью слога в этих языках. Слог выступает в них как основная единица на уровне сегментного, суперсегментного и морфемного анализа языка.

Формы, конструирующие слог, располагаются в строго определенном порядке.

Так, в полном слове китайского языка всегда на первом месте

стоит согласный, на втором — один из трех неслогообразующих узких гласных, на третьем — слогообразующий гласный и на четвертом месте — один из неслогообразующих сонантов. Например, *гуэй, сюань*.

Неполные слоги могут представлять сочетание 1) I, III и IV или II, III и IV элементов полного слога; 2) I и III или II и III элементов полного слога. Возможен также слог из одного III элемента (гласного). Число ограничений в отношении типов сочетаний фонем очень велико. Например, не все из указанных выше комбинаций звуков реально возможны.

Исследование дистрибуции фонем приобретает новые оттенки, поскольку особое значение имеет дистрибуция фонем внутри слога (морфемы, корневого слова) и, с другой стороны, на его границах.

На границах слогов возможны появления позиционных вариантов соответствующих фонем (случай центробежной нейтрализации, по Трубецкому). Например, во вьетнамском языке, имеющем тип слога с конечным согласным (V тип слога), конец слога является местом нейтрализации, где снимаются противопоставления согласных по глухости — звонкости. Таким образом, конечно-слоговыми могут быть только согласные [p], [t], [t'], [k], [m], [n], [ɣ] и [ŋ], являющиеся также позиционными вариантами соответствующих звуковых фонем.

Поскольку слог — это звуковая оболочка морфемы, то и морфонология языков с системой этимологических тонов тоже наполняется новым содержанием.

Позиционные и комбинаторные звуковые изменения дают представление о двух основных закономерностях, проявляющихся в языках при рассмотрении их звуковой стороны (план выражения) с точки зрения системных отношений в языке.

Позиционные изменения представляют собой правила варьирования звуковых единиц языка, а комбинаторные изменения — правила их сочетания.

Правила чередования и правила сочетания звуков в языках различны. В каждом отдельно взятом языке они образуют взаимосвязанное единство.

Установление правил варьирования и сочетания звуковых единиц языка осуществляется через процедуру установления типов нейтрализации фонологических оппозиций данного языка, условий возникновения аллофонов с учетом правил дистрибуции фонем данного языка.

Все эти процедуры основываются на принципах синхронного описания языка.

§ 7. Диахроническая фонология

Сущность и характер современных явлений раскрываются при историческом подходе к ним. Историю звукового строя, фонологической системы языка или группы родственных языков иссле-

дует молодая область исторического языкознания — диахроническая (историческая) фонология.

Круг проблем диахронической фонологии был очерчен Р. О. Якобсоном [253] и Н. С. Трубецким [292] и получил свою разработку на материале прежде всего славянских языков в их статьях и в исследованиях последующих фонологов, как зарубежных, так и русских. Источником сведений об исторических изменениях и эволюции фонологических систем являются древние письменные памятники, которые могут отразить более древнее звучание, историческое сопоставление генетически родственных языков, языка и диалектов. Не случайно о диахронической фонологии пишут сейчас как о разделе исторической диалектологии [53, 79].

Понимание путей развития фонологической системы языка предполагает прежде всего уяснение места каждой фонемы данного языка внутри его системы, установление ее связей и взаимоотношений с другими элементами (фонемами) системы в определенный исторический период. Исследование в области диахронической фонологии «можно представить в виде ряда описаний фонологических систем хронологически последовательных срезов» [61, 3]. Таким образом, в основе работ по диахронической фонологии лежит синхронное описание системы, которое должно учитывать, что «во всякой фонологической системе в любой момент ее истории существуют зоны, где подготавливаются или уже происходят изменения» [265, 54].

Исследователь исторической эволюции системы фонем наблюдает процесс изменения звуков, за которым кроются изменения внутрисистемных отношений. Поясним это на примере. В древнерусском языке конца X — начала XI в. существовали 4 гласные фонемы среднего подъема: *э* и *о* противопоставлялись соответственно фонемам *ь* и *ѣ*, называемым редуцированными, так как противопоставление *э—ь* и *о—ѣ* основывалось на признаке сверхкраткости фонем *ь* и *ѣ*. Количественные различия гласных древнерусского языка в целом не явились фонологически значимыми. Гласные фонемы противопоставлялись по степени подъема и по лабиализованности — нелабиализованности. Наличие *ь* и *ѣ* вводило количественное противопоставление, нарушающее общую симметрию системы и не подкрепляемое функциональной нагрузкой.

Одной из важных проблем диахронической фонологии является вопрос о причинах изменения системы фонем конкретного языка.

Существует мнение, что причины эволюции фонем могут быть заложены внутри языка и протекать ввиду стремления системы к внутренне логичной и экономной организации под «давлением системы». Так, для русского языка «в утрате редуцированных сыграли свою роль по крайней мере две причины, лежащие внутри самой языковой системы, — характер конститутивных признаков, определяющих *ь* и *ѣ* и противопоставляющих их иным гласным фонемам, и слабость их функциональной нагрузки» [69, 297].

Имеется также мнение, что на перестройку системы фонем влияют физиологические изменения звуков [28, 127], которые могут быть вызваны причинами, лежащими вне языка, т.е. экстралингвистическими причинами. Например, длительные межъязыковые контакты новгородцев и псковичей с неславянскими народами явились фактором, повлиявшим на развитие фонологической системы новгородского и псковского диалектов, в отличие от фонологической системы ростово-суздальского типа XIV—XV вв.

Видимо, существует комплекс причин эволюции фонологических систем как внутреннего, так и внешнего характера. Вскрыть эти причины для конкретного языка в строго определенный период его исторического развития и является одной из основных задач диахронической фонологии. Следует при этом учитывать, что не всякое звуковое изменение в истории развития языка связано с изменением его фонологической системы. Например, тексты на древнерусском языке XIV—XV вв. в написаниях *шѣ*, *жѣ*, *шы*, *жы* отражают отверждение бывших ранее мягкими *ш* и *ж*, т.е. фиксируют факт изменения: *ш'* > *ш*, *ж'* > *ж*. Это изменение оказалось безразличным для развития системы фонем, не коснулось ее. Другой процесс звукового изменения того же периода, отраженный в письменных текстах, связан с переходом заднеязычных согласных в среднеязычные: *кы*, *гы*, *хы* изменились в *к'и*, *г'и*, *х'и*. Это изменение «содержало в себе зародыш будущего развития и окажется связанным с основной линией развития фонологической системы центральных говоров русского языка» [53, 81].

При рассмотрении исторических изменений звукового строя, и в частности вопросов эволюции фонологических систем, имеющиеся исследования охватывают ограниченное количество языков и языковых групп — славянские языки, германские [135], индоарийские [61] и некоторые другие. Если и имеются данные по исторической фонетике ряда языков зарубежной Азии и Африки, то в настоящее время большая часть их еще не получила фонологической интерпретации.

Условия нейтрализации и правила дистрибуции фонем, а также вопрос об изменении системы фонем связаны с фонетическими явлениями, выступающими при анализе речевого потока и к рассмотрению которых мы переходим.

§ 8. Слог и фонетическое ударение

Психологически легче членить речевой поток не на звуки, а на слоги. Слог — наименьшая произносительная единица, неразложимое единство. Это определение обосновано данными экспериментальной фонетики и находит подтверждение с точки зрения медицины (например, в случаях афазии).

Практическое членение речевого потока на слоги не вызывает споров, однако определение слога и его природы представляет трудности.

Современному языкознанию известно несколько теорий, с различных точек зрения определяющих природу слога.

Экспираторная теория определяет слог как сочетание звуков, произносимое одним выдохательным толчком, причем каждый выдохательный толчок приводит к образованию слога. Действительно, выдыхаемая струя воздуха является основой возникновения слога, поскольку она приводит в колебание голосовые связки. Однако совпадение границ слога и выдохательных толчков происходит далеко не всегда, например *борода, языкознание, человеческий* и др. За один фонационный период произносится обычно ряд слогов, причем слогообразование достигается пульсирующим сужением и расширением протока для струи воздуха. Экспираторная теория основывается лишь на одном факторе слогообразования и поэтому не может истолковать явление слогообразования во всей его сложности.

В основе сонорной теории лежит акустический критерий слогообразования. Сонорность—это степень звучности. Слог понимается сторонниками сонорной теории как сочетание более сонорного (звучного) элемента с менее сонорным. Языковед Есперсен, разрабатывавший сонорную теорию, доказывал, что в языке существует относительная сонорность всех звуков. Наименьшей сонорностью обладают глухие шумные согласные, наибольшей сонорностью—гласные звуки. Следовательно, слогообразующим мог бы выступить любой звук.

В действительности сонорность свойственна только гласным и сонантам. Звонким шумным свойственна не сонорность, а «вокальность», т.е. преобладание голоса, тогда как при сонорности речь идет уже только о наличии голоса. Примесь шума в звонких шумных столь велика, что они не обладают способностью слогообразования. Сонорная теория, основываясь на антропофонических исследованиях всех звуков, подходила к выделению слога только акустически.

Сонорная теория слога имела в науке прошлого большой успех. Некоторые языковеды считали, что можно соединить существующие теории слога, взять кое-что из экспираторной теории и, основываясь на сонорной теории, объяснить природу слога в большинстве языков.

Позже была выдвинута третья теория объяснения природы слога—теория мускульного напряжения (Щерба, Фуше, Граммон). Слог, говорили сторонники этой теории, произносится с единым мускульным напряжением, и вся наша речь представляет собой цепь напряжений, цепь импульсов. Каждый импульс характеризуется тремя фазами (усилие, вершина и ослабление), которые связывают с усилением и ослаблением звучности. Характер слога может быть изображен схематически как «дуга мышечного напряжения». При этом, казалось бы, можно

легко находить границы слогов, легко объяснять структурные особенности слогов, характерные для того или иного языка.

Однако, анализируя исследования мускульного напряжения гортани, можно заметить, что мышцы гортани, достигнув тонуса, необходимого для вибрации, тотчас теряют напряженность. Вершина слога, следовательно, сопровождается ослаблением напряженности мышц гортани. Теория мускульного напряжения объясняет сложное явление слогообразования только с точки зрения физиологии, т.е. исключительно артикуляционно.

В последние годы появился ряд работ, в которых функция слога рассматривается фонологически (см. сноску 20).

Принципы слогоделения

Примем ту точку зрения, согласно которой слог как реальная единица речевого потока характеризуется усилением и спадом тона, или звучности, достигаемыми благодаря сочетанию наиболее тоновых звуков с наименее тоновыми или с шумными. Граница слога проходит в местах спада тона.

Слог состоит из фонем, часть которых выступает как носитель смысловых различительных признаков, как ядро, как слогообразующий элемент слога, или (по терминологии Н. С. Трубецкого) является слононосителем. Слононосителями в зависимости от языка могут быть: 1) гласный, 2) дифтонг, трифтонг, 3) согласный, 4) многофонемная группа «гласный + согласный».

«Нет ни одного языка, в котором гласные не функционировали бы в качестве слононосителей. В большинстве языков мира гласные являются единственно возможными слононосителями слога» [292, 207].

Среди согласных слононосителем могут быть только сонанты, т.е. фонемы г, л и носовые. Так, для древних индоевропейских языков зафиксировано наличие слогообразующих \dot{l} и \dot{g} , а также гипотетически $*\dot{m}$ и $*\dot{n}$. Например, древнеиндийское $v\dot{g}kas$ «волк» или $gata$ (прич. страд. прош. от gam «идти», где корень выступает в нулевой ступени огласовки, т.е. $*g\dot{m}$, а не. $*\dot{m} >$ инд. а).

Сонанты могут выступать как слононосители или как неслогообразующие согласные в зависимости от звукового окружения, т.е. могут функционировать в системе фонем в двух вариантах. Например, в санскрите г и л выступают как слононосители в положении после согласных ($pit\dot{r}n$ «отцов», $kr\dot{t}a$ «сделанный»), тогда как во всех других окружениях они являются неслогообразующими ($pit\dot{a}r$ «отец», $ka\dot{g}$ «делать»).

Типы слононосителей различным образом реализуются в различных языках в зависимости от законов фонологической системы языка.

Все четыре указанных типа слононосителей имеются в китайском языке (пекинский диалект).

До недавнего времени теория слога разрабатывалась в основном на материале западноевропейских и славянских языков. В этих языках фонетическое членение слова на слоги не совпадает с морфологическим членением слова. Например, если слово *рука* членить с точки зрения фонетической, то в нем два открытых слога и четыре фонемы (*ру-ка*). Если к членению слова *рука* подойти с точки зрения морфологической, то границы членения пройдут уже в другом месте, и мы выделим две морфемы (*рук-а*). Здесь мы наблюдаем два возможных подхода к членению слова — фонетическое и морфологическое. Фонетическое членение слова на слоги не совпадает с членением морфологическим. Слоги не связаны с определенным смыслом. Это характерно, например, для языков индоевропейской семьи.

Однако если обратиться к ряду восточных языков (китайскому, тайскому, бирманскому или вьетнамскому), прежде всего к тональным дальневосточным языкам, то там роль слога особая. В европейских языках слова формируются из звуков и один звук может быть морфемой, тогда как в китайском и подобных ему языках слова формируются из слогов, и дисигнатор морфемы не может быть представлен единицей, меньшей, чем слог. Таким образом, фонетическая единица (слог) и морфологическая единица (морфема) взаимно соотнесены. Граница слога и морфемы совпадает¹⁹. Смысловая делимость в этих языках не идет дальше слога, и слог в связи с этим всегда ассоциируется с определенным смыслом²⁰. Слог здесь служит звуковой оболочкой морфем. Таким образом, слог в тональных языках является не только важнейшей фонетической, но и словарно-морфологической единицей.

Структура слога

В каждом языке слоги дифференцируются по структуре и по выделению их различными способами в рамках слова.

С точки зрения структуры слог называется открытым, если он оканчивается на слогообразующий элемент (обычно на глас-

¹⁹ В китайском языке есть одно исключение — это суффикс существительных *г*, который асиллабичен и фонетически сливается с предыдущим слогом в одно целое, т. е. в один слог.

²⁰ В связи с этим в русской лингвистике складывается теория слогофонемы. Она восходит к мысли, высказанной впервые Л. В. Щербой в работе «Русские гласные в качественном и количественном отношении» [202] и развиваемой в его статьях того времени. В частности, Л. В. Щерба приходит к заключению, что фонематический анализ китайской звуковой системы обнаруживает некоторую диффузность слогозвуков. Под диффузностью слогозвуков Л. В. Щерба понимал функциональную неделимость китайского слога. Е. Д. Поливанов для обозначения этого явления ввел понятие «силлабема»; А. А. Драгунов («Дунганский язык») писал, что в китайском языке место фонемы занимает слогофонема. Теорию слогофонемы отстаивает В. Б. Касевич. Он предлагает считать минимальной единицей для китайского языка не фонему, а слог. См., например, его книгу «Элементы общей лингвистики» [72, 49—50].

ный), или закрытым, если он оканчивается на неслогообразующий элемент (обычно на согласный). «При этом слоги, кончающиеся сонорными согласными, можно называть полуоткрытыми (это важно для понимания слогораздела); неприкрытыми (начинающиеся гласной) и прикрытыми (начинающиеся согласной)» [140, 190]. Например, в слове *ру-ка* два открытых (и прикрытых) слога (тип слога CV)²¹, в слове *ход* закрытый слог (тип CVC).

Для турецкого языка, например, характерны следующие структурные типы слогов:

VC (ak—ek; at—et; ot—it—ut и т. п.);
CV (ta—te; sa—se; mi—mu—mü и др.);
CVC (kar—kır—kir; kor—kör—kur—kür и пр.);
VCC (alt, art, üst, örf и пр.);
CCV (ski, gri); CVCC' (kart, türk, kulp, harp);
CCVC (spor, prak);
CCVCC (frenk, brans).

Структурные особенности слогов турецкого языка объясняют протекание такого характерного для турецкого языка явления, как палатализация согласных²².

В каждом языке имеется свой набор структурных типов слогов как закрытых, так и открытых. Для некоторых языков характерно наличие нескольких согласных в начале слога, например в языке пушту могут встретиться три согласных звука в начале (слог типа CCCV). В других языках стечения согласных в начале слога избегают, например в персидском, арабском, а также в китайском.

Своеобразны структурные типы слогов в тональных языках. Слог в них может состоять из одного, двух, трех и четырех элементов. Например, в китайском языке слог может содержать один или два элемента (такие слоги составляют четверть всего слогового состава китайского языка) и даже три или четыре элемента (большинство слогов китайского языка).

В характерном для китайского языка структурном типе слогов первым звуком является согласный, вторым — неслогообразующий узкий гласный, третьим — слогообразующий гласный и четвертым — неслогообразующий гласный или конечный сонант (который в китайском языке выступает в роли второго элемента дифтонга). Во вьетнамском языке, как и в некоторых диалектах китайского языка (например, в кантонском), четвертым элементом слога выступает согласный.

Понятия «суперсегментная фонема», просодема

Дифференциация слогов по выделению их различными способами в рамках слова достигается ударением.

²¹ С — начальная буква лат. слова *consonans* — «согласный», V — лат. слово *vocalis* — «гласный».

²² Подробнее см.: Айляров Ш. С. О некоторых вопросах фонетики современного турецкого языка [7].

Здесь следует указать, что фонологическая система языка не может быть с исчерпывающей полнотой определена без введения еще некоторых фонологических единиц.

Потребность введения каких-то новых единиц в области фонологии была вызвана необходимостью различения линейных явлений: речи (т. е. явлений, располагающихся в одной временной последовательности) и явлений, перемежающихся или одновременных с линейными. Эти фонологические явления накладываются на общую, последовательно звучащую линейную речь и являются дополнительной характеристикой при описании фонологической системы языка. Для их характеристики были выработаны свои дифференциальные признаки. Таким образом, дифференциальные признаки стали делить на два основных типа: внутренние, или ингерентные, и внешние, или просодические. Внутренние, или ингерентные, признаки характеризуют фонемы и связаны с их сегментацией. Внешние, или просодические, дифференциальные признаки выступают на уровне слога и последовательности слогов, получивших название «сверхсегментные» или «суперсегментные» фонемы.

Просодические дифференциальные признаки составляют характеристику суперсегментных фонем по высоте тона, длительности, силе и т. п.

Слог как кратчайшая просодическая единица языка носит название «просодема»²³. Просодические дифференциальные признаки, характеризующие слог, связаны с ударением.

Ударение как просодический различительный признак слога

Выделение одного из слогов в слове принято называть фонетическим ударением. По существу, фонетическое ударение — это способ фонетического оформления слова с помощью выделения одного из слогов.

В поледнее время, в частности с развитием экспериментальной фонетики, многие сложившиеся ранее понятия, связанные с ударением, подвергаются пересмотру, и чем больше исследуют звуковую материальную оболочку языка, тем яснее видят, что в каждом языке переплетаются те характеристики слога, которые ранее рассматривались обычно как нечто обособленное и однозначное.

Установлено, что слог может выделяться в слове следующими способами: 1) увеличением интенсивности гласного звука; 2) изменением частоты основного тона; 3) увеличением времени звучания слога; 4) спектральной характеристикой звукового состава слога или (по Щербе) качественной характеристикой звукового состава, прежде всего гласного.

В зависимости от того, какой признак является преобладающим, определяется тот или иной тип ударения: динамическое, или

²³ Не путать с другими значениями этого термина [19, 357].

экспираторное; музыкальное, или тоническое, тоновое; квантитативное, или количественное, долготное.

Качественное ударение (по четвертому признаку) обычно не выделяют.

Остановимся на каждом из перечисленных типов ударений.

Динамическое ударение

Для многих современных языков характерно динамическое ударение. Динамическое ударение может быть сильным и слабым (а правильнее — более сильным и более слабым). При сильном динамическом ударении возникает большая разница в силе ударяемого слога и безударных слогов. Такого ударения в русском языке, с чем связано явление редукации гласных в безударных слогах.

При более слабом динамическом ударении не возникает значительной разницы в экспирации ударяемого и безударного слогов. Поэтому ударение не сопровождается, как правило, значительной редукацией гласных. Слабое динамическое ударение можно наблюдать в североиндийских языках (хинди, урду).

Динамическое ударение может быть фиксированным, т. е. закрепленным за одним и тем же слогом, и нефиксированным, незакрепленным, свободным; фиксированное, или постоянное, ударение всегда связано с одним и тем же слогом в слове (например, ударение в персидском языке). Свободное ударение не связано с положением на определенном слоге в слове, такое ударение можно наблюдать в русском языке (например, *окно́, солнце́, раке́та*), в языке пушту. Подвижное динамическое ударение — это ударение, меняющее место внутри одного и того же слова, в зависимости от той или иной его формы. Например, *окно́* — множественное число *о́кна, снег — сне́г* и т. п. Неподвижное ударение — ударение, не меняющее место внутри одного и того же слова при изменении его формы (например, в русском языке — в склонении слова *рабо́та*).

В языках со свободным ударением безударные слоги не произносятся одинаково. «Во многих языках динамическая или хроматическая градация безударных слогов регулируется все же совершенно автоматически наличием определенного ритма чаще всего так, что просодемы, являющиеся четными (в ту или другую сторону) по отношению к вершинной просодеме, оказываются несколько более выделенными, чем нечетные просодемы, или же так, что последний или первый слог слова принимает на себя второстепенное ударение» [292, 239]. Например, *распоряди́тельность, постано́вление, униве́рситет* и др. Таким образом, в многосложных словах как русского, так и других языков с динамическим свободным ударением можно выделять главное и второстепенное или второстепенные ударения.

Наличие главного и второстепенного ударений в многосложных словах русского языка не является фонологически значимым.

Есть языки, в которых место второстепенного ударения обусловлено «этимологически». Например, в сложных словах немецкого (и других германских языков) главное ударение — на первом элементе сложного слова (вершинная просодема), а второстепенное ударение — на каждом корневом слоге: *Sprachkünde* «языкознание», *Höhschule* «высшая школа». В немецком языке ряд приставок дифференцируется ударением подобно корневым слогам: *übersetzen* «переводить», *ündernahmen* «предпринимать» и т. п. Этимологическое второстепенное ударение является фонологически значимым, например *übersetzen* «переводить», а *übersetzen* «переправлять».

В языках со свободным ударением имеются слова, лишенные ударения. Это так называемые проклитики и энклитики. Они произносятся слитно с предыдущим или с последующим словом. Например, *на Севере* [нас'эв'ыр'ь], *когда-то* [кагда'т] и т. п.

Музыкальное, или тональное, ударение

Музыкальное ударение — это выделение слога в слове благодаря изменению частоты основного тона, что воспринимается на слух как повышение или понижение тона. Музыкальное, или тональное, ударение встречалось во многих древних индоевропейских языках (в древнегреческом, древнеиндийском и др.).

Среди современных языков изменение тона характерно для языков Дальнего Востока и ряда языков Юго-Восточной Азии²⁴. Однако природа тона и его соотношение с ударением в этих языках существенно различаются, и не для всех этих языков оказывается правильным говорить о наличии музыкального ударения.

В китайском, дунганском, вьетнамском, тайском и бирманском языках тон является неотъемлемой качественной характеристикой слова наряду с его звуковым составом (см. рис. 14)²⁵.

В этих языках тон не является средством выделения ударного слога, так как для каждого слога наличие определенного тона обусловлено исторически. Это так называемый этимологический тон.

В современном китайском языке различают четыре этимологических тона. Как звуковой состав слога, так и его этимологический тон реализуются полностью только под ударением, т. е. при условии длительности и интенсивности произнесения слога. Безударные слоги китайского языка утрачивают свой этимологический тон и произносятся с редуцированным или так называемым легким тоном.

²⁴ Тональное ударение может наблюдаться в немногих европейских языках: шведском, норвежском, литовском, латышском, северокашубском, словенском, сербохорватском, североалбанском и в отдельных диалектах немецкого и голландского языков.

²⁵ Схема составлена доцентом кафедры китайской филологии ИСАА при МГУ Т. П. Задоемко.

Различие в характере тона при произнесении слога фонематично, т. е. связано с изменением значения слога.

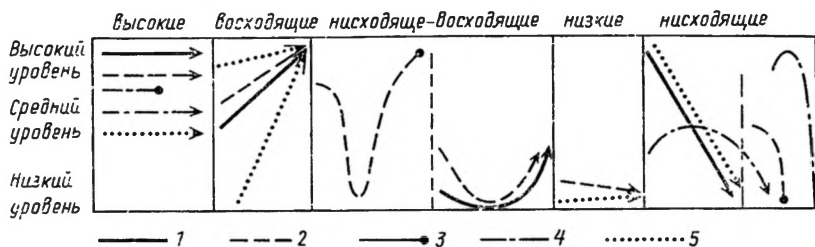

Рис. 14. Сопоставительная схема мелодического рисунка тонов китайского, вьетнамского, тайского и бирманского языков. Условные обозначения: 1 — китайский; 2 — вьетнамский; 3 — тон с фарингализацией и гортанной смычкой; 4 — тайский; 5 — бирманский

Возможность варьировать слоги в зависимости от характера тона приводит к тому, что в китайском языке зафиксировано большое количество (1425) разнообразных слогов с различными тоновыми окрасками.

Во вьетнамском языке шесть этимологических тонов. По сравнению с характером тона китайского языка во вьетнамском языке наблюдается осложнение его фарингализацией и гортанной смычкой в третьем и шестом тонах (см. рис. 14). Тон во вьетнамском языке тесно связан со структурой слога и всегда находится во взаимосвязи со звуковым составом слога (чего нет в китайском языке). Во вьетнамском языке, так же как и в китайском, тоны обладают фонологической значимостью, т. е. различие в характере тона связано с различиями в значении слога.

Таким образом, тон в китайском, вьетнамском и других указанных выше языках представляет собой исторически сложившуюся и независимую от словесного ударения составную часть слога, природа тона слоговая. Тон в этих языках не является музыкальным ударением.

В японском, корейском и некоторых других языках, напротив, слог сам по себе не обладает тоновой характеристикой. Тон выступает в слове тогда, когда слог входит в состав слова. В слове японского языка тон может характеризовать и сразу несколько слогов, и только часть долгого гласного или один из гласных дифтонга. В японском языке природа тона словесная. Тон является основным средством выделения слога в слове и, таким образом, представляет собой музыкальное ударение.

Количественное ударение

Третий тип ударения — ударение количественное, или долготное. Оно достигается удлинением слогаобразующего гласного звука. Количественное ударение возможно только в тех языках, где

нет фонологически значимого различия гласных по долготе и краткости. Гласные в безударных позициях почти не редуцируются. Такое ударение преобладает, например, в индонезийском языке, хотя имеются элементы и динамического и отчасти музыкального ударения. В текстах на индонезийском языке долгота ударяемых гласных на письме не обозначается. В приводимых ниже примерах долгота ударяемых гласных, собственно место фонетического ударения, обозначена общепринятым способом /-/. Обычно место ударения (удлинения) приходится на гласный предпоследнего слога²⁶. «Būahan di Yndonēsia banyāk sekāli macāmnya» — «В Индонезии очень много видов плодов» или «Presīden dan wākil presīden memegāng jabatānnya selāma māsā lima tāhun dan sesudāhnya dāpat dipilih kembāli» — «Президент и вице-президент занимают свой пост в течение пяти лет, а после этого могут быть переизбраны».

Количественное ударение обычно сочетается с другими средствами выделения слога в слове. По данным экспериментальной фонетики, ударный слогиноситель в своей фонетической реализации отличается от неударного слогиносителя большей длительностью. Таким образом, ударение, например в русском литературном языке, является по существу экспираторно-количественным.

§ 9. Речевой такт и ударения в нем

В любом языке при сочетании слов не все слова произносятся одинаково. Происходит выделение слова среди других слов большей силой ударения. Ударение слова, выделяемого среди других сочетающихся слов, называется главным ударением. Другие слова носят второстепенное ударение. Слово или группа слов, объединенных одним главным ударением, называется речевым тактом. Между речевыми тактами в потоке речи обязательно отмечаются паузы. Чередование речевых тактов образует ритм речи. Ритм речи — явление очень индивидуальное.

§ 10. Фраза и интонация

Ф р а з а

Наиболее крупным фонетическим отрезком при членении речевого потока является фраза.

«Ни в коем случае нельзя отождествлять, — пишет А. А. Реформатский [140, 187], — грамматическую единицу (предложение) и фонетическую (фразу), так как одна фраза может охватить несколько предложений и предложение может распадаться на несколько фраз». Мы согласны с первой частью этого высказывания

²⁶ В индонезийском языке ударение (удлинение гласного) приходится на предпоследний слог слова, но в речевом потоке при сочетании, например, с энклитиками или в некоторых словах иностранного происхождения долготное ударение может перемещаться.

и с тем, что фраза может охватывать несколько предложений. В случае же распада предложения на более мелкие фонетические отрезки мы говорим не о фразе, а о речевом такте (см. выше).

Выделение фразы в потоке речи связано с таким просодическим различительным признаком, как интонация.

И н т о н а ц и я

Что такое интонация? Признаками, составляющими интонацию, являются высотные изменения основного тона голоса, а также интенсивность и время звучания. Модуляции по высоте основного тона в различных языках неодинаковы. В русском языке частотная контрастность тонов в рамках предложения невелика, получается впечатление плавных подъемов и понижений тона в потоке речи. В английском языке интонация отличается большим повышением и понижением тона в рамках предложения.

Интонационные различия за счет контрастов по времени звучания и интенсивности в тональных языках более вероятны, чем в нетональных [150, 144].

Важными компонентами интонации являются паузы. Для характеристики интонации важно отдавать себе отчет в расстановке и градации пауз при синтаксической группировке слов в предложении (паузирование). На паузах базируются основные интонационные противопоставления.

Среди признаков, составляющих интонацию, имеются и экстралингвистические. Это признаки, не характеризующие систему данного языка, а передающие индивидуальную и общественную характеристику говорящего.

Т и п ы интонации

В подавляющем большинстве западноевропейских языков интонация является фразоразличительной характеристикой.

Различают восходящее и нисходящее движение тона. Восходящее движение тона обладает предупредительной²⁷ функцией, т. е. показывает, что предложение не завершено. Например,

"Мой дядя самых честных правил" (правил)

"Уж небо осенью.. (дышало)

Нисходящее движение тона обладает завершающей²⁷ функцией, т. е. показывает, что предложение завершено:

"Редает облаков летучая грядя". "Итак, она звалась Татьяной..

²⁷ Термины, предложенные Н. С. Трубецким.

Третим типом интонации является перечислительная интонация:

"...В окно увидела Татьяна

Поугру побе жевный двор,

Куртины, крошки и забор "

Из сказанного следует, что интонация обладает важнейшими функциями в языке: она указывает на границы предложений и дифференцирует их основные типы. Интонационное единство является одним из характерных признаков предложения (подробнее об этом см. гл. III). Интонация представляет собой большую сложность при описании ее по различным языкам. Для русского языка разработана убедительная концепция Е. А. Брызгуновой об интонационных конструкциях [32].

Фонологическая интерпретация интонации. Интонома

Вопросы интонации языков изучены еще недостаточно. «При нынешнем состоянии наших знаний не представляется возможным говорить о «фонологии фразы» с той же определенностью и обстоятельностью, с какой мы говорили о фонологии слова» [292, 247].

Дать фонологическую интерпретацию интонации — это значит установить акустические признаки, соотнесенные в данном языке с тем или иным значением или значениями [150, 122].

Интонация является средством дифференциации основных коммуникативных типов предложения. Интонационные характеристики предложений, дифференцирующие их коммуникативные типы, называют интонами.

«Связь со значением отличает интоному от фонемы, которая, как известно, связана не со значением (означаемым), а с означающим» [150, 130].

Различительными признаками интоном являются относительные значения акустических характеристик, выраженные в интервалах, диапазонах и уровнях.

Каждый из коммуникативных типов предложений может иметь разную акустическую структуру, но объединяться в обобщенные и противопоставленные друг другу типы — интономы: утверждение, вопрос, побуждение, восклицание.

Так, например, акустические структуры со значением приказа, просьбы, совета являются вариантами интономы побуждения.

Вопрос об интонации в тональных языках

Все сведения об интонации обычно опираются на факты тех языков, в которых преобладает динамическое ударение. Большое

значение приобретает изучение вопросов интонации в языках с музыкальным, или тональным, ударением.

В тональных языках одни и те же акустические характеристики (частота колебаний основного тона, сила звука и время произнесения) дифференцируют не только синтаксические (коммуникативные) значения, но и лексические, т. е. в языках наблюдаются «интонационные словоразличительные противоположения» [292, 247]. Поэтому высказывались даже сомнения о наличии в тональных языках интонации, тем более что ее сводили лишь к повышению и понижению голоса. Однако с этим нельзя согласиться. «На тональной основе в предложении возникают интонационные факторы, характерные только для предложения: различное движение тона от начала предложения к его середине и к концу, различная модальная и эмоциональная окрашенность высказываемого, фразовое и логическое ударение, темпоральные и паузальные характеристики; одну и ту же последовательность тонов говорящий может произнести как утверждение, вопрос, побуждение или восклицание, причем интонационно высказывание может быть представлено как законченное или незаконченное. Тональные характеристики слогов (слов) реализуются при этом иначе, чем в отдельном их произнесении: фразовая интонация влияет на «интонацию» лексическую и в известной степени подчиняет ее себе» [150, 153].

Итак, в языках с музыкальным ударением или в языках, обладающих системой этимологических тонов, интонация не сводится к простой последовательности слоговых тонов. На основе слоговых тонов формируется общий, характерный для всего предложения в целом и очень сложный мелодический рисунок. Движение частоты основного тона, в отличие, например, от большинства европейских языков, оказывается связанным с двумя аспектами: интонационным и лексическим. «Общее движение частоты основного тона от начала предложения к его середине и концу представляет аспект интонационный. К интонационному аспекту относится также и то, в какой полосе частот осуществляется это общее движение тона. Основной контур движения тона в слогоморфемах и словах связан с логическим смысловым различием. Деформации же тонального контура снова отсылают нас к интонации» [150, 154].

Исследование акустических признаков интонации в языках с разными типами фонетического ударения и фонологическая интерпретация интонации в системе конкретного языка являются актуальными и практически важными задачами фонетики и фонологии на современном уровне их развития.

*Введение. Что такое грамматика и каковы
ее границы*

Чтобы разобраться в этом и отграничить предмет грамматики от предмета фонетики, с одной стороны, и от предмета лексикологии — с другой, возьмем несколько слов, например *рука, нога, лесок, синеглазый*, и посмотрим, как анализируют их со стороны фонетики, со стороны грамматики или лексикологии.

С фонетической стороны слова *рука, нога* состоят каждое из четырех фонем и членимы на два открытых слога. Пятифонемное слово *лесок* членится на два слога *ле-сок*, а десять фонем, составляющие слово *синеглазый*, образуют четыре слога: *си-не-гла-зый*.

Значение возникает только тогда, когда мы произносим слово в целом или членим слово не фонетически, а грамматически: *рук-а, ног-а, лес-ок, син-е-глаз-ый* и т. п. При этом мы выделяем определенные грамматические единицы — морфемы. От фонемы морфему отличает наличие у морфемы не только материальной, но и смысловой стороны — содержания, т. е. морфема является двусторонней единицей. Фонемы играют смыслоразличительную роль, но сами по себе значением не обладают. Они лишь участвуют в различении более сложных значимых единиц (морфем, слов). Единица же грамматического анализа — морфема — минимальная значимая единица языка. Границей между фонетикой и грамматикой выступает смысл — значение, появляющееся при грамматическом анализе языковых явлений. Фонетика и грамматика неразрывно связаны, так как единицы фонетического анализа — фонемы — выполняют свою смыслоразличительную функцию, только входя в состав более сложных грамматических единиц.

Сопоставление лексического и грамматического анализа слов выявляет специфику соотношения лексики и грамматики.

Рассмотрим слова: *школа, правда, дата, гора*. С точки зрения лексикологии это четыре разных слова, поскольку предметное значение этих слов различно. Но с грамматической точки зрения мы объединим эти слова в один разряд — существительные женского рода, в именительном падеже, в единственном числе. Лексикология изучает слова с точки зрения их вещественного, предметного значения. Лексическое значение слова индивидуально. Для его выражения необходима индивидуальная словесная форма.

С точки зрения грамматики эти же слова рассматриваются в ином плане. Грамматика также изучает значения, но значения особого типа — грамматические. Специфика грамматического значения состоит в том, что оно не соотносится непосредственно с реальной действительностью, а является значением категориальным. Грамматическое значение можно толковать как своего рода шаблон форм, в которые мы облачаем содержание, нашу мысль.

Лексическое и грамматическое значения неразрывно связаны. Слову как основной единице языка свойственны оба эти значения. Лексическое значение выделяет слово в ряду других слов, а грамматическое значение объединяет. Грамматическое значение представляет собой отвлечение от лексического значения. Грамматическое значение сопутствует лексическому и не может существовать в отрыве от него.

В отличие от фонетики, изучающей явления языка только в плане выражения, грамматика имеет двусторонний характер.

Обладая и выражением и содержанием, грамматика занимает как бы промежуточное место между фонетикой и лексикой, причем грамматика является центральным объектом науки о языке.

Сам термин «грамматика» восходит к греч. *grammatike technē* «письменное искусство» и нередко употребляется сейчас в значении «грамматический строй» (т. е. строение слова и предложения данного языка) или как обозначение совокупности правил изменения и сочетания слов данного языка¹.

Мы будем называть грамматикой раздел языкознания, изучающий парадигмы словоизменения, модели словообразования, формулы словосочетаний и типы предложений в отвлечении от конкретного вещественного значения слов, словосочетаний и предложений. Иными словами, грамматика изучает грамматические значения языка и способы их формального выражения.

§ 1. Единицы языка и отношения между ними

Рассматривая вопросы грамматики, мы будем иметь дело со всеми языковыми единицами, поэтому уместно напомнить характерные особенности единиц языка и остановиться на отношениях между ними.

1. Единицы языка всегда связаны со смыслом, «осмыслены» (Бенвенист). «Они сами выражают некоторый смысл» [167, 183] или (как фонемы) участвуют в смысловом различии.

Единицы языка выделимы или вычленимы при делении (сегментации) текста. При этом самой крупной единицей выступает предложение как определенный тип сочетания слов; предложение сегментируется на словосочетания, словосочетания — на слова, слова — на морфемы, морфемы — на фонемы. Вычленение происходит на основе неоднородности и дискретности² единиц.

¹ О значении термина «грамматика» подробнее см. [114, 200].

² «Дискретный» — от лат. *discretus* «прерывистый, прерывный», т. е. «составленный из отдельных, прерывающихся частей» [80, 154].

Единицы языка воспроизводимы в готовом виде³. Воспроизводятся типы предложений, формулы словосочетаний, слова и морфемы в своих звуковых оболочках, а внутри них воспроизводимы дифференцирующие их смысл фонемы.

2. Отношения между перечисленными единицами таковы, что более простая единица входит в состав более сложной или соответственно более сложная единица членится на более простые. Такие отношения называются иерархическими.

Иерархические отношения между единицами языка позволяют говорить о наличии в системе языка нескольких уровней⁴. «Уровнем языка называется та часть его системы, которая имеет соответствующую одноименную единицу» [175, 218]. Исходя из единиц, на которые можно членить язык, выделяют следующие уровни: фонемный, морфемный, уровень слова, уровень словосочетания и уровень предложения⁵. Заметим, что в пределах одного уровня сочетаются только одноименные единицы; в пределах своего уровня единица не членима без потери своего качества и перехода в единицы более низкого уровня.

Отношения между единицами языка образуют структуру языка. Кроме иерархических отношений единицы языка вступают в синтагматические и парадигматические отношения. Иерархические отношения связывают единицы разных уровней; синтагматические и парадигматические отношения существуют между единицами одного уровня.

³ Характеристика единиц языка и их функций дается во вводной части курса (см. предисловие, с. 5, 6).

⁴ Одно из первых употреблений понятия «уровень» (фр. *niveau*) мы находим у И. А. Бодуэна де Куртенэ [30, II, 262—266]. Термин «уровень» вновь появляется в лингвистике в 50—60-е годы (его нет в «Толковом словаре русского языка» под ред. проф. Д. Н. Ушакова, в «Словаре лингвистических терминов» Ж. Марузо, 1960) в ином значении, обязанном, видимо, влиянию естественных наук (ср. в биологии «молекулярный уровень», «уровень клетки», «уровень организма»). Понятие «уровень» вводится как одна из ступеней научного исследования языка в концепциях структуралистов. Представители дескриптивной лингвистики выдвигают тезис о недопустимости смешения языковых уровней [76]; этот тезис был пересмотрен учеными пражской лингвистической школы. В докладе на IX Международном лингвистическом конгрессе Э. Бенвенист обосновывает связь понятия «уровень» (как гносеологического понятия) с единицами языка [223]. Неоднозначность термина «уровень» показана в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой [19, 487—488]. Дискуссии о понятии «уровень» отражены, например, в сборнике «Уровни языка и их взаимодействие» (Тезисы научной конференции в I МГПИИЯ им. М. Тореца 4—7 апреля 1967 г. М., 1967) или в сборнике «Система и уровни языка» (М., 1969). В 1972 г. В. М. Солнцев пишет об уровнях как об онтологическом свойстве языка [168]. Наиболее общепринятое сейчас определение уровня языковой системы, сложившееся в ходе многолетних поисков, приводится в настоящей работе в формулировке Ю. С. Степанова.

⁵ В. М. Солнцев уточняет: «Уровни можно определить как подсистемы общей системы языка. Уровневые подсистемы не являются элементами по отношению к общей системе языка, но представляют собой части общей системы, связанные иерархическими отношениями через свои единицы. Уровни как бы входят друг в друга, они не наложены друг на друга, а переплетены» [167, 84].

Синтагматические⁶ отношения связаны с линейностью речи, с последовательностью появления во времени элементов (единиц) в речевой цепи. Она в соответствии с установленными уровнями может быть членима на предложения, словосочетания, слова, морфемы или фонемы. «Линейность фонемы равна нулю, так как элементы фонемы не могут быть произведены один за другим во времени, они должны осуществляться одновременно, фонема уже скорее точка как элемент линии высших единиц» [140, 249].

Парадигматические⁷ отношения основаны на том, что всякая словоформа языка входит в определенную систему форм, связанных отношением противопоставления и отождествляющих множество слов по их общему грамматическому значению.

Например:	<i>я сижу</i>	и. saja duduk
	<i>ты сидишь</i>	kamu duduk
	<i>он сидит</i>	dia duduk
или:	<i>я пишу</i>	х. $\tilde{\text{май}}$ $\text{ликх\text{т}а}$ ху
	<i>ты пишешь</i>	ту $\text{ликх\text{т}а}$ хай
	<i>он пишет</i>	вах $\text{ликх\text{т}а}$ хай

Каждое из приведенных слов объединено по вертикали парадигматическими отношениями, так как оно входит в ряд противопоставляющихся форм (1-е, 2-е, 3-е лицо), т. е. образует парадигму спряжения в настоящем времени единственного числа. Заметим, что в данном примере одно и то же грамматическое значение выражается в разных языках разными способами: в русском языке — личными окончаниями (аффиксами), в индонезийском — только сочетанием с определенными личными местоимениями, а в хинди — сложной (аналитической) формой (неизменяемое причастие настоящего времени глагола и спрягаемый вспомогательный глагол хона «быть» в настоящем времени).

Каждый из приведенных примеров образует парадигму словоизменения глагола данного языка, отождествляя определенный ряд языковых единиц; по тому же образцу изменяются и другие глаголы того же языка, например:

<i>я говорю</i>	или х.	$\tilde{\text{май}}$ $\text{бол\text{т}а}$ ху
<i>ты говоришь</i>		ту $\text{бол\text{т}а}$ хай
<i>он говорит</i>		вах $\text{бол\text{т}а}$ хай

В ряде слов *возчик, грузчик, резчик, пулеметчик, летчик, разведчик, учетчик, наладчик* и т. п. или в словах *столтик, домик, носик, ротик, карандашик, словарик, слоник* и т. п. происходит отождествление слов по двум способам их образования, т. е. мы наблюдаем две модели словообразования существительных русского языка.

⁶ Греч. syntagma — букв. нечто соединенное.

⁷ Греч. paradeigma — образец. «Мы берем здесь наиболее узкое значение понятия «парадигматика»» [175, 227].

Парадигматические отношения связывают не только словоформы, но и словосочетания и предложения.

Единицы языка и связывающие их отношения — иерархические, синтагматические и парадигматические — образуют систему языка.

Морфемы, слова и связывающие их отношения исследуются в разделе грамматики, называемом «Морфология». В морфологии разграничивается словообразовательная сфера (образование слов как лексических единиц) и словоизменительная, связанная с образованием словоформ.

Типы связи слов в словосочетаниях и предложениях исследуются в разделе грамматики, называемом «Синтаксис».

Деление на морфологию и синтаксис относительно, так как грамматические значения словоформ выявляются при наблюдении за их функционированием в словосочетаниях и предложениях (морфологическая синтагматика), а эти последние модифицируются на основе словоизменения одного из составляющих элементов (синтаксическая парадигматика).

§ 2. Морфема⁸

Морфема — это наименьшая значимая единица языка, не способная к самостоятельному синтаксическому употреблению⁹.

1. Выделение морфем в языке основано на сопоставлении рядов слов. Рассмотрим, например, такие ряды:

<i>школ-а</i>	<i>вод-а</i>	<i>рук-а</i>
<i>школ-ы</i>	<i>вод-ы</i>	<i>рук-и</i>
<i>школ-е</i>	<i>вод-е</i>	<i>рук-е</i>
<i>школ-у</i>	<i>вод-у</i>	<i>рук-у</i>

и т. п.

При сопоставлении данных рядов можно выделить повторяющиеся и неразложимые далее без потери своего качества части слов, которые мы и называем морфемами¹⁰. Сопоставление данных слов по горизонтали помогает выделить морфемы типа *школ-*, *вод-*, *рук-*. Сопоставление слов по вертикали приводит к выделению морфем типа *-а*, *-ы/-и*, *-е*, *-у*.

2. Как соотносятся морфемы с другими единицами языка? Морфемы представляют собой отдельные фонемы (*-а*, *-и*, *-е*, *-у*) или последовательности фонем. В последнем случае морфема мо-

⁸ Термин «морфема» был введен И. А. Бодуэном де Куртенэ [30, I, 182].

⁹ Самостоятельное синтаксическое употребление, по определению В. М. Солнцева [167], это, во-первых, возможность употребления без сопровождения другой двусторонней единицы; во-вторых, — это способность выполнять функцию членов предложения [см. также 125, 7].

¹⁰ Поскольку к дихотомии «язык — речь» и к понятию инвариантности единиц языка следует, по нашему мнению, подойти после изложения основ курса, мы не вводим во II главе понятие «морф». К тому же, как справедливо указал профессор Ю. С. Степанов, «следует заметить, что в повседневной работе лингвисты, в особенности русские и французские, часто употребляют термин «морфема» в общем смысле — и как обозначение собственно морфемы, и как обозначение каждого морфа или алломорфа одной морфемы» [175, 116].

жет совпадать со слогом (*за-ход*) или не совпадать (*дом-ов, стол-а*), совпадать со словом (*стол, ход*) или не совпадать (*окн-о, стекл-о*). В языках намечаются определенные закономерные соотношения морфем с другими языковыми единицами. Так, для русского языка характерно несовпадение морфемы и слова, морфемы и слога. Для китайского или вьетнамского языков совпадение слова и морфемы, слога и морфемы является закономерным. Например, в китайском языке *tā qùguo Beijing* — «Она бывала в Пекине», но: *tā guò gonglù* — «Он пересекает дорогу»; *tā shì gōngrén* — «Он рабочий» (букв. «он есть работа+человек»), но: *wǒ hěn xǐhuan nàgè rén* — «Мне очень нравится тот человек». Во вьетнамском языке в словах *thợ may* «портной», *thợ may* «шляп-

ник», *thợ rèn* «кузнец», *thợ cưa* «пильщик» аффикс *thợ*, с которым образуется ряд имен, обозначающих профессии, является самостоятельным словом со значением «мастерской», «рабочий».

Для каждого языка морфемный состав очень своеобразен, но, чтобы дать характеристику морфем любого языка, необходимо характеризовать, во-первых, их значение и функцию, во-вторых, форму и, в-третьих, дистрибуцию.

3. По значению морфемы делятся на лексические, или знаменательные, и на грамматические, или служебные. В словах *уход, столик*: *ход, стол* — лексические знаменательные морфемы, *-ик, -у* — грамматические служебные. Со знаменательными морфемами связывается лексическое, вещественное значение слова; эти морфемы указывают на определенные области предметов и явлений действительности, выражают понятия (*красн-, черн-, ход-, бег-*); грамматические или служебные морфемы уточняют, конкретизируют значения знаменательных морфем, завершают их.

Служебные морфемы делятся на словообразовательные и словоизменяемые.

Словообразовательные морфемы служат для образования новых слов: *стол-ик, стол-ов-ая; дом-ище, дом-ов-ый, без-дом-н-ый* и т. п. Такие грамматические морфемы указывают на категории предметов, признаков, явлений и обладают лексико-грамматическим или деривационным ¹¹ значением.

Словоизменяемые морфемы выражают отношения между элементами речи: (*дом*) *отц-а; (пишу) пер-ом; (я) чита-ю; (люди) ход-ят* и т. п. Такие морфемы опосредствованно связаны с отношением между предметами и явлениями действительности и обладают реляционным ¹² значением.

Сущность значений грамматических или служебных морфем можно хорошо понять, разбирая примеры, подобные тому, который приводил акад. Л. В. Щерба: «*Глокая куздра штеко будлачула бокра и курдячит бокрёнка*». Здесь все корневые или лексические морфемы выдуманы и не имеют смысла, но категории слов

¹¹ От лат. *derivatus* — «произведенный», «производный».

¹² От лат. *relatio* — «отношение».

и отношения между словами не вызывают сомнений: *глокая* — определение к слову *куздра*, *куздра* — сущ., ж. р., ед. ч., им. падежа, *куздра* совершает что-то в прошлом и однократно по отношению к *бокру* (*бокр* — сущ. одушевл., м. р., ед. ч., вин. п.) свсвершает протяженное действие по отношению к детенышу *бокра* — *бокрёнку*.

Между знаменательными и служебными морфемами деривационного значения нет резкой границы. В истории развития языков границы между классами или типами морфем изменяются. Так, можно наблюдать переход знаменательных морфем в служебные с деривационным значением. Например: в слове *плодоносный* морфема *нос* не ассоциируется уже с глаголом *носить*, к которому она восходит. В индийских языках в словах *сукрити* ж. «заслуга» или *духкхвад* м. «пессимизм» префиксы *су-* и *дух-* были в прошлом знаменательными морфемами («*су*» — хороший, «*дух*» — плохой).

Группа суффиксов китайского языка и особенно суффикс *гён* находится еще в стадии формирования и вследствие этого имеет некоторую грамматическую двойственность. Это хорошо иллюстрируется следующим примером: *tā shì shénme rén?* — *tā shì gōnggōng* «Кто он?» (досл. «Он есть какой человек?») — «Он рабочий» (досл. «Он есть работа+человек») ¹³.

Между типами морфем устанавливаются определенные количественные различия. Число знаменательных (лексических) морфем подобно числу слов в языке и трудно поддается учету. Видимо, в каждом языке насчитывается несколько десятков тысяч таких морфем. Если обратиться к служебным морфемам деривационного значения, то эти словообразовательные морфемы составляют в каждом языке несколько сотен морфем, т. е. значительно меньшее количество по сравнению с количеством знаменательных морфем. И, наконец, служебных морфем с реляционным значением в языке еще меньше. Однако частота употребления служебных морфем реляционного значения очень велика, особенно по сравнению с морфемами знаменательными.

С точки зрения формы морфемы представляют собой последовательность фонем или отдельную фонему, причем для каждого языка характерны свои особенности фонемного состава морфем, т. е. законы структуры морфем в каждом языке свои.

В некоторых языках морфемы имеют устойчивое фонемное строение. Например, в китайском и вьетнамском языках граница между морфемами проходит по слогоразделу при устойчивой структуре слога-морфемы (см. «Фонетика-фонология», с. 63); в японском языке морфема всегда состоит из целого числа слогов; четкими являются границы между морфемами в турецком языке.

Неустойчиво фонемное строение и нечеткие границы между морфемами в таких языках, как, например, русский или француз-

¹³ Эту группу суффиксов иногда называют словами-суффиксами, см. [60].

ский языки (о так называемых фузийных языках см. ниже, с. 122; 140).

В языках могут встречаться пары морфем, одинаковых по выражению, но различных по значению (омонимия морфем). Например, *мальчику, мужчине, вижу* (*у* — морфема существительного в дательном падеже м. р., винительном падеже м. р. и глагола в 1 л., ед. ч., наст. вр.).

В языках с неустойчивым фонемным строением морфем существуют морфемы, различные по выражению (по фонемному составу), но одинаковые по значению. Например, в словах *друг, дружба, друз-ья* мы наблюдаем несколько вариантов одной знаменательной морфемы. Варианты морфемы называются алломорфами.

Вопрос о варьировании морфем представляется особенно важным при изучении их форм. В связи с тем, что морфемы в языках могут выступать в различных вариантах, начали выделять особый раздел лингвистики — морфонологию. Морфонология изучает фонемный состав морфем, а также устанавливает закономерности его варьирования.

Наличие вариантов морфем обусловлено рядом причин. В зависимости от них алломорфы делят на: 1) фонетически обусловленные, например [друк — другу], вызванные фонетическими процессами, характерными для живого языка; 2) исторически обусловленные [друз — друж-] алломорфы, сложившиеся в результате фонетических процессов в истории развития языка; 3) морфологически обусловленные, вызванные особенностями знаменательных морфем некоторых языков, с которыми соединяются морфологически обусловленные служебные алломорфы. Например, со знаменательными морфемами различных склонений могут соединяться алломорфы множественного числа — *и* (книги) — *ы* (столы) — *а* (окна) и некоторые другие. Морфологически обусловленные алломорфы сочетаются лишь с определенными типами знаменательных морфем¹⁴.

Дистрибуция морфемы — это совокупность окружений данной морфемы другими морфемами. Для любой морфемы будут окружения: 1) типичные, часто встречающиеся, 2) нетипичные, но возможные, допустимые в системе языка и, наконец, 3) недопустимые, невозможные сочетания. При характеристике дистрибуции морфем учитывается также и характерный порядок следования морфем.

Видимо, в языках не существует морфем, дистрибуция которых полностью бы совпадала даже в системе одного, отдельно взятого языка. С другой стороны, совершенно очевидно, что не существует морфемы, которая могла бы сочетаться с любой другой морфемой. Но все же морфемам одного класса (лексическим или грамматическим с деривационным или реляционным значением) присущи общие особенности дистрибуции. Таким образом, харак-

¹⁴ Алломорфы могут расходиться по фонемному составу, но они считаются алломорфами одной морфемы, если: 1) тождественны по значению и 2) находятся в отношении дополнительной дистрибуции, т. е. стоят во взаимоисключающих окружениях.

тер дистрибуции морфем в какой-то мере обуславливается значением морфем.

Установление дистрибутивной характеристики морфем сложнее, чем установление дистрибуции фонем, потому что количественно морфемы значительно превосходят фонемы и, следовательно, варианты сочетаемости фонем.

Характеристика морфем с точки зрения дистрибуции представляется очень важной для определения морфологической структуры языка в целом.

Дистрибутивный анализ морфем приводит к распределению корневых морфем по ряду формальных классов. Эти формальные классы частично совпадают с тем, что в традиционной грамматике называют частями речи.

Понятие «морфема» — понятие историческое. Морфемы в истории развития того или иного языка изменяются, причем возможны изменения двоякого рода, так как границы морфем нарушаются по двум причинам.

Во-первых, наблюдается процесс слияния морфем. Механизм выделения морфем основан на определении связей, которые наблюдаются между словами и выявляются путем сопоставления словесных рядов. Если эти связи утрачиваются, то происходит изменение границ между морфемами, в частности процесс слияния морфем. Возьмем такой глагол, как *забыть*. Только история языка показывает, что первоначально этот глагол был связан с глаголом *быть*; *за* — бывшая приставка, сейчас мы ее в глаголе *забыть* не выделяем, морфемы слились. Процесс слияния морфем называется опрощением [29, 193—194]. Причиной морфологического опрощения является утрата возможности сопоставлять слово с другими словами языка, потому что: 1) из языка исчезли другие слова, содержащие те же элементы, например слово *палка* — *пала* — *палица*, сейчас слово *пала* вышло из употребления, следовательно, сопоставление *пал-ка*, *пал-а* утрачено, морфема *-ка* слилась с корневой морфемой *пал-*, стало возможно даже образовать другой ряд связей слова: *палка* — *палочка* (как *полка* — *полочка* и т. п.); 2) нередко процесс опрощения наблюдается там, где утрачивалась смысловая связь между словами. Утрата семантических связей между словами также приводит к явлению опрощения. Если возьмем, например, слова современного русского языка *клевета*, *корица*, то едва ли сразу можно сказать, с какими словами они исторически связаны (*корица* происходит от слова *кора*, *клевета* — от слова *клевать*).

Другой процесс — это образование новых границ между морфемами или, как говорят, «переразложение основ». Ограничимся одним примером: при морфологическом членении слова *охотник* выделяем сейчас суффикс *-ник* по аналогии со словами *садовник*, *ученик*, *плотник* и т. п. Если же обратиться к истории, то выясняется, что раньше членение было иное: *охотн-* и суффикс *-ик*, так как было слово *охота* (*охот-а*), и от основы первой степени *охот-* образовалась основа второй степени *охотн-*, например в прилагательном

тельном *охотный*. От этой основы второй степени и было образовано слово *охотник*, в первоначальном значении — *любитель* (например, у Пушкина: «*Охотники мы все до новизны*»). Позже слово *охотник* становится в ряд с такими словами, как *плотник*, *каретник*, *сапожник* и подобные. Таким образом, в современном русском языке образовались новые границы между морфемами в слове *охотник* (*охот-ник*).

§ 3. Слово

Основной единицей языка при морфологическом его исследовании является слово.

Членение звуковой цепи на слова практически не представляет трудности, однако определить лингвистическое понятие «слово», оказывается, трудно. В истории науки о языке понятию «слово» давалось до трехсот определений. Они были или очень неформальными, или достаточно формальными, но не покрывающими все слова языка¹⁵.

¹⁵ Проблема выделения слова в системе других грамматических единиц является одной из основных проблем морфологии и связана с трудностями разграничения морфемы и слова (в индоевропейских языках, например), слова и словосочетания.

Теории слова посвящено много исследований советских языковедов. Большое влияние в разработке этой проблемы имели идеи А. И. Смирницкого, высказанные им в работах 50-х годов («К вопросу о слове» (Проблема «отдельности слова»))//Вопросы теории и истории языка. Сб. статей. М., 1952; «К вопросу о слове» (Проблема «тождества слова»))//Труды Института языкознания АН СССР. 1954. Т. IV) и систематизированные в посмертных изданиях его лекционных курсов по лексикологии и грамматике английского языка (Лексикология английского языка. М., 1956; Синтаксис английского языка. М., 1959). А. И. Смирницкий устанавливает признаки, по которым слово отличается от других языковых единиц: «цельнооформленность» (в отличие от «раздельнооформленности» синтаксических единиц) и «выделимость» (в противоположность «невыведимости» частей слова, морфем).

Подход к слову через морфемный анализ его структуры, намеченный еще в работах Ф. Ф. Фортунатова (без употребления термина «морфема»), был продолжен затем в работах ученых его ориентации (например, П. С. Кузнецова). Этот подход был успешно проведен также в ряде работ 60-х годов (см., например, III том «Сравнительной грамматики германских языков». М., 1963, главы, написанные М. М. Гухман). В структурных исследованиях языка слово продолжало оставаться основной единицей анализа, ибо «специфика лучших структурных работ в нашей стране заключается в том, что в них не произошел абсолютный отход от основных единиц описания и понятий традиционной грамматики, а была сделана попытка дать этим единицам и понятиям новые, формальные определения» (Арутюнова Н. Р., Климов Г. А. Структурная лингвистика//Теоретические проблемы советского языкознания. М., 1968). В связи с этим интересны и предлагаемые А. А. Зализняком признаки знаменательных слов, приводимые далее в тексте на с. 84. Слово как основная единица языка определяемо с разных позиций; «в качестве предельного минимума признаков, характерных для слова, берут пять, а именно: 1) фонетическая оформленность (слово — «всегда определенное звучание, состоящее как минимум из одной фонемы»); 2) семантическая валентность (всякое слово имеет значение); 3) недвуударность (слово «всегда выступает или как безударное, или как имеющее одно основное ударение»); 4) лексико-грамматическая отнесенность (слово, как правило, употребляется в предложении); 5) непроницаемость (внутри слова нельзя

При естественном членении текста носителем языка выделение слов происходит интуитивно. Такое «интуитивное слово» не может быть определено лингвистически, так как сложилось в практике языкового общения вне связи с какими-либо задачами лингвистического порядка.

В языках с буквенной, консонантной или силлабической системами письма членение письменного текста на слова позволяет выделять «орфографическое слово». В большинстве языков при использовании указанных систем письма слова разделяются пробелами. В ряде письменностей в прошлом не производилось членения на слова. Так, в истории развития русской письменности только в 1564 г., когда в Москве вышла первая печатная книга, в ней впервые начинают делить текст на слова. Членение на слова не знали древнесемитские, древнеиндийские и ряд других древних систем письма. Таким образом, понятие «орфографическое слово» могло появиться сравнительно поздно. Оно поддается точному определению: «орфографическое слово» — это последовательность букв между пробелами. «Орфографическое слово» почти всегда соотносимо с «интуитивным словом». Однако могут наблюдаться и колебания в установлении границ «орфографических слов». Например, в русском языке *несмотря, но: не смотря (в окно); недаром, но: не даром (а за деньги); ввиду, но: в виду (города).*

С грамматической точки зрения слово можно определить как минимальную значимую единицу языка, встречающуюся в самостоятельном синтаксическом употреблении¹⁶.

Словарное пространство языка распадается на неоднородные группы слов, различающихся по синтаксической функции и грамматическому значению и по морфологическому строению. По функции в предложении слова любого языка делятся на знаменательные и служебные.

Знаменательные слова обозначают классы предметов, признаков, понятий с грамматическими значениями, сопутствующих данному классу основных значений. Например, внутри класса «предметов» (существительных) основное значение сопровождается грамматическими значениями рода, числа и падежа.

По морфологическому строению знаменательные слова характеризуются через морфемы. Знаменательные слова всегда содержат знаменательную морфему и могут быть простыми или сложными. Простые слова содержат одну знаменательную морфему, сложные — две и более.

По положению в слове морфемы делятся на несколько типов.

Знаменательная морфема, входящая в состав знаменательного

вставить другое слово). Кроме этого минимума основными признаками слова как лингвистической единицы в целом считаются также постоянство звучания и значения, воспроизводимость, цельность и единообразие, преимущественное употребление в сочетаниях слов, изолируемость и фразеологичность» [80, 549].

Напомним, что в настоящей главе речь будет идти о грамматических признаках слова.

¹⁶ См. сноску 9.

слова, называется корнем, остальные (служебные) морфемы — аффиксами¹⁷. Аффиксы могут занимать по отношению к корню различные позиции. В зависимости от них различают несколько типов аффиксов.

Аффиксы, стоящие перед корнем, называются префиксами: *при-ход, про-бег, пере-лом, с-тереть, со-здать...*

Аффиксы, проникающие внутрь корня, называются инфиксами и трансфиксами. Инфиксы можно наблюдать в санскрите в основе настоящего времени глаголов VII класса. Например, корень *rudh* — 3 л., pl. *rgaes. gundhanti*. Трансфиксы демонстрирует арабский язык, например трехсогласный корень *kbr* выражает идею большого, а различные гласные трансфиксы, пронизывающие этот корень, образуют слова *kabīr* «большой», *kibar* «большие», *'akbar* «самый большой», *kabura* «быть большим» и т. д.

Аффиксы, обрамляющие корень, называются конфиксами. Например, в немецком языке Part. II *gemacht, gekocht, gefahren, gegangen*.

Аффиксы, расположенные после корня, называются постфиксами. По положению относительно друг друга среди постфиксов в определенном типе языков (о фузийных языках см. на с. 140) различают суффиксы и окончания. Окончание, или внешняя флексия (от лат. *flexio* — сгибание, изгиб; переход), представляет собой словоизменительную морфему, замыкающую словоформу: *вод-а, вод-е, дом-ах, книг-у...* Окончанию предшествуют суффиксы, выполняющие в фузийных языках обычно словообразовательную функцию: *дом-ик-а, доч-к-у, лет-чик-ом, бег-ун-ы...*

В таком языке, как турецкий (об агглютинирующих языках речь будет на с. 140—141), суффиксы выражают как словообразовательные, так и словоизменительные значения.

Аффиксы, помещающиеся между корнями (при образовании сложных слов), получили название «интерфиксы». В словах *самолет-о-строение, стих-о-сложение* или нем. *Zeitung-s-artikel* «газетная статья», *Geburt-s-tag* «день рождения» -о- и -s- — интерфиксы.

Наиболее распространенными типами аффиксов являются префиксы и суффиксы¹⁸.

А. А. Зализняк устанавливает два признака знаменательного слова:

¹⁷ Предлагаемое толкование корня и аффиксов исходит из определения морфемы, данного И. А. Бодуэном де Куртенэ [30, I, 121, 182].

¹⁸ Из известных нам языков наибольшее разнообразие аффиксов демонстрирует современный индонезийский язык. Несколько примеров: префиксы: *berarti* — «значить», «означать» (*arti* — «значение»), *perbesar* — «увеличивать» (*besar* — «большой»), *pelukis* — «художник» (*lukis* — «рисовать»), *pesuruh* — «посланец» (*suruh* — «приказывать»), *sebelum* — «до», «прежде, чем» (*belum* — «еще не...») и др.; инфиксы: *gelembung* — «пузырь» (*gembung* — «раздутый»), *gemuruh* — «громовой» (*guruh* — «гром»); *gerigi* — «зубы» (*gigi* — «зуб»); суффиксы: *lukisan* — «рисунок» (*lukis* — «рисовать»), *duduki* — «оккупировать», *dudukkan* — «усаживать» (*duduk* — «сидеть»); конфиксы: *perapian* — «печка» (*api* — «огонь»), *kedatangan* — «прибытие» (*datang* — «прийти»), *pendjagaan* — «охрана» (*djaga* — «охранять») и др.

1. Автономность, проявляющаяся в способности выступать как минимальное высказывание (то, что выше было названо способностью к самостоятельному синтаксическому употреблению): «Прочтем... Насмотримся... Догоним.../Наговоримся... Воздадим...» (Л. Татьяничева). Автономность отличает слово от морфемы. Внешне автономность слова проявляется в наличии единого ударения и пограничных сигналов, характерных для каждого конкретного языка (см. о фонетических явлениях начала и конца слова в главе «Фонетика-фонология»).

2. Устойчивость. Слово — исходная единица, из которой конструируются предложения. Предложение строится из слов всякий раз заново. Слова же «берутся в некотором готовом виде». Отсюда устойчивость слова, т. е. твердый порядок следования морфем в слове: *книг-а, под-ход, стол-ик-ами, в-ход-ить*. Устойчивость отличает слово от свободных словосочетаний и от предложений. Знаменательные слова представляют собой основной тип слов в любом языке.

Служебные слова передают отношения между знаменательными словами, служат выразителями их грамматических значений.

Служебные слова (за исключением вспомогательных глаголов) не членятся на морфемы. Они, как правило, не носят самостоятельного ударения, т. е. являются часто энклитиками и проклитиками, и на них не распространяются в такой степени, как на знаменательные слова, закономерности фонетического оформления начала и конца слов.

Таким образом, служебные слова по функции¹⁹, а большинство из них и по строению сходны со служебными морфемами. Это дает некоторым лингвистам основание отождествлять служебные слова со служебными морфемами реляционного значения.

В связи с этим встает вопрос: если мы принимаем данное выше универсальное определение слова как минимальной значимой единицы языка, способной к самостоятельному синтаксическому употреблению, то удовлетворяют ли этим двум условиям служебные слова? Да, ибо служебное слово является минимальной значимой единицей языка, и оно обнаруживает синтаксическую самостоятельность, но обнаруживает ее, по удачному выражению В. М. Солнцева, «негативно». А именно: служебные слова всегда сопровождают синтаксически самостоятельные единицы (знамена-

¹⁹ Сравним *Я получил письмо* — и. *saja menerima surat*; *Мне прислали письмо* — и. *surat itu dikirim kepada saja*; *Письмо получено мной* — и. *surat itu diterima oleh saja*. Различным падежным формам местоимения «я» русского языка соответствуют в индонезийском языке сочетания неизменяемого местоимения «я» *saja* с различными предложениями.

Или сравним способы выражения прошедшего времени: р. *я видел этого человека* (глагольная форма с аффиксом); англ. *I have seen this man*; нем. *ich habe diesen Mann gesehen* (глагольные формы со вспомогательным глаголом *to have*—haben); и. *saja sudah melihat orang itu* (глагольная форма со служебным словом видо-временного значения *sudah* «уже» для обозначения действия в прошлом).

тельные слова) и не сопровождают синтаксически несамостоятельные единицы (морфемы), а как отмечалось на с. 74, в пределах одного уровня сочетаются только одноименные единицы (фонема с фонемой, морфема с морфемой, слово со словом).

Следует также учитывать, что служебные слова нередко связаны со знаменательными по происхождению. Например: х. мэ «в» <с. *madhya* «середина», *ke arth* «для», «ради» <с. *artha* «дело», «цель», а.х. *bisan* «на, над» <*bisa* «вершина», *gaban* «вперед», «перед» <*gaba* «грудь».

Поэтому трудно согласиться с отнесением служебных слов к классу служебных морфем. В языках существуют служебные слова как слова с особой грамматической функцией²⁰.

Как и морфема, слово — двусторонняя языковая единица, так как обладает единством внутренней и внешней стороны, единством грамматического содержания и его выражения.

Внутренняя сторона, грамматические значения слов, и внешняя сторона, т. е. способы выражения грамматических значений, являются предметом морфологии. Иногда морфологию делят в соответствии с предметом рассмотрения на «внутреннюю» — исследование грамматических значений и «внешнюю» — рассмотрение способов выражения грамматических значений.

§ 4. О некоторых исходных понятиях грамматики

Прежде чем перейти к рассмотрению вопросов «внутренней» и «внешней» морфологии, необходимо ввести ряд рабочих терминов, применяемых в современном языкознании, и уточнить их значение.

1. Слово можно рассматривать как единицу текста и как единицу словаря. Слово как двусторонняя единица текста называется *словом формой*. В предложении *Я помню чудное мгновенье...* — четыре словоформы. Слово как двусторонняя единица словаря называется *лексемой*. Так, слова *помню, помните, помнить* — одна лексема.

2. Внутренняя сторона каждой словоформы складывается из отдельных элементов грамматического значения. Например, внут-

²⁰ Разграничению служебных морфем и служебных слов служит критерий, предложенный Б. А. Успенским [183, 98—102]: «что оформляет данный служебный элемент». В зависимости от этого служебные элементы, которые «образуют необходимое грамматическое оформление фразы в языке» [183, 98], распадается на две взаимоисключающие группы:

1. «Элементы, которые оформляют какое-нибудь слово, но которых недостаточно для оформления любого сочетания, образуемого развертыванием этого слова. Таким образом, распространение эквивалентными сочетаниями может (хотя бы в данном случае) происходить вне комплекса, оформленного элементами данной группы» [183, 98]. Например, *стол-а ↔ больш-ого стол-а ↔ стол-а и стул-а*. Б. А. Успенский называет элементы 1-й группы *а ф ф и к с а м и*.

2. «Элементы которые оформляют как какое-нибудь слово, так и любое сочетание, образуемое развертыванием этого слова. Таким образом, распространение эквивалентными сочетаниями происходит внутри комплекса, оформленного элементами данной группы» [183, 99]. Например, *на стол-е ↔ на хорош-ем стол-е ↔ на стол-е и стул-е*. Элементы 2-й группы (*частицы*, по Б. А. Успенскому) — то, что мы называем служебными словами.

внутренняя сторона словоформы *стол* выражает следующие грамматические значения: 1) предмет вообще, 2) неодушевленный предмет, 3) маленький предмет, 4) один предмет, 5) предмет мужского рода и некоторые другие.

Каждый отдельный элемент грамматического значения называется граммемой. Например, граммема «мужской род», граммема «женский род», граммема «средний род».

Каждый элемент грамматического значения, т. е. каждая граммема, входит в ряд однородных и противопоставляющихся элементов. Например, «мужской род» входит в ряд «род», противопоставляясь женскому, иногда среднему роду.

3. Совокупность однородных граммем называется грамматической категорией. Так, совокупность граммем «мужской род», «женский род», «средний род» является грамматической категорией рода. Для грамматической категории является обязательным наличие определенного грамматического способа (или способов) ее выражения.

Грамматическое значение словоформы может содержать только одну граммему одной и той же грамматической категории. Например, словоформа *стол* из грамматической категории рода содержит только граммему «мужской род», а словоформа *школа* — только граммему «женский род». Грамматические категории как обобщенные грамматические значения могут быть словоклассифицирующими и словоизменительными.

Словоклассифицирующие грамматические категории отождествляют и противопоставляют целые разряды знаменательных слов, классы лексем. Граммемы словоклассифицирующей грамматической категории характеризуют все словоформы определенной лексемы. Например, словоформы одной лексемы *дом*, *дома*, *дому*, *домá* все относятся к одной словоклассифицирующей грамматической категории — к категории имени.

В словоизменительных грамматических категориях выражаются словоизменительные (реляционные) грамматические значения.

Граммемы словоизменительных грамматических категорий характеризуют отдельные словоформы. Так, например, словоформа *дома* характеризуется граммемой «мужской род», граммемой «родительный падеж», граммемой «единственное число».

С грамматическими категориями связана внутренняя сторона грамматических явлений, т. е. «содержание», грамматическое значение.

«Категории суть ступеньки познания мира, узловые пункты в сети явлений природы, помогающие познать и овладеть ею», — говорил В. И. Ленин²¹.

Словоклассифицирующие и словоизменительные грамматические категории являются ступенями в языковой системе, фиксирующими и раскрывающими существенные стороны языка.

²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 81.

Грамматические категории различаются по своему грамматическому содержанию. Словоклассифицирующие грамматические категории более емкие, более общие, а словоизменятельные грамматические категории более дробные, менее общие. Поэтому первые называют также общими грамматическими категориями, а вторые — частными.

К общим грамматическим категориям относится в морфологии категория частей речи, к частным грамматическим категориям — категории числа, падежа, рода, лица и т. п. Изучение общеграмматических и частнограмматических значений составляет задачи «внутренней» морфологии.

§ 5. Части речи

Проблема установления и классификации частей речи является одной из наиболее старых проблем науки о языке.

Из истории учения о частях речи

Уже очень давно люди интуитивно, на основе самых разнообразных критериев устанавливали определенные классы слов, которые оказывалось удобно установить при описании языков с делением словарного состава языка по частям речи. В истории науки о языке, начиная с древнеиндийских языковедов и Аристотеля, постоянно наблюдается стремление охарактеризовать определенные классы слов.

Яска и Панини (V—III в. до н. э.) устанавливали в древнеиндийских языках четыре части речи: имя (*paṇan*), глагол (*ākhyana*), предлог (*upasarga*) и частицу (*nipāta*). Они объединялись попарно по признаку сохранения значения вне предложения (имя, глагол) или утраты значения вне предложения (предлог, частица). Имя и глагол в предложении, т. е. как словоформы речевой цепи, назывались *kāka* (падеж) и *kṛi* (действие). Как подгруппу имен Яска выделял местоимения. Смысловый критерий был ведущим при установлении частей речи в древнеиндийском языкознании.

Аристотель (IV в. до н. э.) устанавливал три части речи в древнегреческом языке: *opota* (имя), *ghema* (глагол) и *sundesmos* (союзы, к которым относили также артикли, местоимения, связки). Квинтилиан (I в. н. э.) писал: «...древние... учили, что есть только глаголы, имена и союзы; но, конечно, они считали, что сила речи в глаголах, материя в именах (потому что одно — что мы говорим, другое — о чем говорим), в союзах же — соединение глаголов и имен» (I, 4, 18). Позже александрийские грамматик установили восемь частей речи (имя, глагол, причастие, артикль, местоимение, наречие, предлог, союз). Римские языковеды, изъяс из числа частей речи артикль (артикли не было в латинском языке), прибавили междометие. В средние века стали особо выделять прилагательное. Классификация частей речи в

античном языкознании создавалась в тесной связи с развитием логики: части речи отождествлялись с членами предложения и сближались с членами суждения, т. е. с категориями логики. Но все же эта классификация была частично грамматической, так как некоторые части речи устанавливались по наличию определенных грамматических форм и значений (например, глаголы — это слова, изменяющиеся по числам, временам, лицам и т. д. и обозначающие действие). Грамматика античного мира, средневековья и даже эпохи Возрождения имела в основном дело с греческим и латинским языками; при разработке грамматик новых западноевропейских языков языковеды исходили из норм латинского языка.

Взгляд на части речи как на логико-грамматические категории господствовал вплоть до конца XVIII — середины XIX в.

В XIX в. в связи с интенсивным развитием языкознания, в частности морфологии, с изучением множества новых языков встает вопрос, на основе каких критериев следует выделять части речи и различны ли они в разных языках. Выделение частей речи начинают основывать на морфологическом критерии, т. е. на общности грамматических форм, присущих тем или иным разрядам слов. Примером выделения частей речи с формально-морфологической точки зрения может служить определение частей речи у Ф. Ф. Фортунатова. Части речи, называемые им «формальными классами», Ф. Ф. Фортунатов выделял по наличию у соответствующих слов тех или иных форм словоизменения: слова склоняемые, слова спрягаемые и слова несклоняемые и неспрягаемые. Исходя из этого, существительное — такой формальный класс (согласно Фортунатову), который имеет форму падежа, а прилагательное — такой формальный класс, который характеризуется формой рода, числа и падежа.

Наряду с морфологическим продолжал развиваться логико-синтаксический критерий подхода к характеристике частей речи. С синтаксической точки зрения в одну и ту же часть речи объединяются слова, которые выступают в роли одного и того же члена предложения. Например, те слова, которые могут выступать в качестве определений, являются прилагательными.

Основываясь на узкоморфологических или синтаксических особенностях слов, всегда так или иначе связанных с их собственнo-лексическим значением, части речи начали обозначать как «лексико-грамматические разряды слов».

Трудность в определении частей речи и современные задачи их исследования

При определении частей речи по лексико-морфологическому или лексико-синтаксическому принципу всегда выступает транспозиция значений, т. е. повторение значений морфологических в единицах лексики и синтаксиса. Например, значение (имеется в виду грам-

матическое) именительного падежа повторяет частично значение подлежащего. Винительный падеж в такой же степени повторяет значение дополнения. Наклонения в какой-то мере повторяют лексическое значение модальных слов и т. п. Таким образом, установление частей речи оказывается не строгим, а произвольным.

Структурное своеобразие каждого языка, очевидное при рассмотрении системы его частнограмматических (словоизменительных) категорий, привело к мысли о том, что система частей речи каждого языка тоже должна быть своеобразна. Поэтому при описании частей речи отдельных языков начинают вводиться новые термины, чтобы обозначить и выделить это «своеобразие». Проблема осложняется. В связи с этим вопрос об общих принципах и критериях установления частей речи отходит на второй план, уступая место строгой описательности классов слов по их формальным показателям, которые пытаются установить (например, типы словообразования, функционирование в предложении) даже для тех языков, в которых формы словоизменения вообще не развиты.

Наличие нескольких допустимых критериев установления частей речи привело к тому, что в перечне частей речи одного языка в один и тот же исторический период устанавливалось различное количество частей речи. Например, для русского языка А. А. Шахматов устанавливал 14 частей речи, Д. Н. Кудрявский — 4 части речи, а в «Академической грамматике русского языка» пишут о восьми частях речи.

Еще пример. В современном арабском языке, в зависимости от большего или меньшего следования традициям арабского языкознания, устанавливаются три части речи (имя, глагол, частица [55]), шесть частей речи (при делении имен на существительные, прилагательные, местоимения и числительные [207]) или одиннадцать частей речи (существительное, числительное, местоимение, глагол, наречие, предлоги, союзы, частицы, модальные слова и междометия [191]).

Как указывалось выше, различные части речи в одном и том же языке признаются или отрицаются из стремления подчеркнуть их специфику в данном языке. Например, в китайском языке Ма Цзяньжун устанавливает пять частей речи у знаменательных слов. Он пишет: «Все знаменательные слова, которые обозначают явления и предметы, мы называем существительными». «Все знаменательные слова, посредством которых мы указываем на имена, мы называем местоимениями». «Все знаменательные слова, которые рассказывают о движении явлений и предметов, мы называем глаголами». «Все знаменательные слова, которые передают внешние формы явлений и предметов, мы называем прилагательными». «Все знаменательные слова, которые характеризуют глаголы и прилагательные, мы называем наречиями» (цит. по [146, 11]).

Х. Масперо [271], признавая критерием в установлении частей речи частные грамматические категории, приходит к выводу, что в китайском языке частей речи вообще не существует.

Профессор Ван Ли делит все слова на грамматические и вещественные, устанавливая в китайском языке десять частей речи: среди вещественных слов выделяются существительное, числительное, прилагательное и глагол, среди грамматических — наречия (полувещественные слова), слова-знаменатели и связки (полуслужебные слова), связующие слова, модальные слова и показатели (служебные слова).

А. А. Драгунов выделяет в китайском языке два основных разряда слов, «каждый из которых,— как он пишет,— характеризуется общностью основного значения и грамматических особенностей» [60], т. е. лексико-грамматические категории имени и предикатива. Среди них ведущими являются соответственно существительное и глагол.

Количество примеров и по китайскому языку, и по другим языкам можно было бы увеличить, но картина ясна.

Каждый ученый, имея дело с одним и тем же фактическим материалом, осмыслял его, исходя из различных концепций частей речи. Поэтому нельзя не признать, что «отсутствие общей концепции частей речи, пестрота терминов и дефиниций, применяемых разными авторами при описании частей речи в языках своей специальности, отрицательно сказываются и на обобщающих обзорах в этой важной области общеграмматических исследований» [177, 88].

В современном языкознании вопрос о принципах установления частей речи до сих пор остается актуальным. Сейчас в орбиту лингвистических исследований втягивается все большее количество языков мира. При этом старые критерии установления классов слов (частей речи) перестают удовлетворять, так как эти критерии вырабатывались в основном при исследовании лишь языков индоевропейской, а также семитской и тюркской семьи.

Современное языкознание выдвигает на первый план как основную задачу языковедов-теоретиков описание языков по таким принципам, которые, будучи едиными, охватывали бы все известные структурные типы языков, сведя их описание к общим исходным представлениям.

Таким образом, задача установления частей речи в языках сводится: 1) к современной оценке сложившихся ранее критериев определения частей речи и к выяснению вопросов о степени их применимости; 2) к рассмотрению таких критериев выделения частей речи, которые были бы пригодны для всех известных современной науке языков, т. е. были бы универсальны.

О критериях установления частей речи

Морфологический подход к выявлению частей речи полностью удовлетворить не может. При выявлении частей речи по грамматическим формам даже в языках, богатых формами словоизменения, за пределами остаются слова, лишенные этих форм, так как

во всех известных науке языках имеются неизменяемые неоднородные по составу слова (среди них, например, наречия, частицы, междометия).

Даже в языках, богатых формами словоизменения, установление частей речи через частнограмматические категории не всегда возможно. Например, можно ли говорить, как мы привыкли, что существительному свойственна категория грамматического рода, если в большинстве языков мира категории грамматического рода нет. Или еще пример: при бесспорном наличии прилагательных в русском и в турецком языках по частнограмматическим категориям и по морфологической структуре они различны. Частнограмматическими категориями прилагательного в русском языке являются категории падежа, числа и согласовательного класса (как соединение грамматических категорий рода и одушевленности — неодушевленности), т. е. те же частнограмматические категории, которые характерны и для русского существительного. Турецкое же прилагательное не имеет ни одной частнограмматической категории, свойственной существительному турецкого языка (например, категории рода, числа определенности — неопределенности).

Морфологические признаки частей речи могут в известной мере являться опознавательными знаками частей речи, но не общим критерием их установления.

Критерий словоизменения при установлении частей речи оправдывает себя частично в морфологически развитых языках, прежде всего в индоевропейских, семитских и тюркских. Этот критерий непригоден для китайско-тибетских и некоторых других языков Дальнего Востока, так как приводит некоторых исследователей даже к отрицанию частей речи в этих языках.

В китайском, тайском, вьетнамском языках имеются слова, не различающиеся морфологически, о которых обычно говорят, что в зависимости от синтаксической функции одно и то же слово выступает то как существительное, то как прилагательное, то как глагол.

Речь идет о таких, например, словах, как к. *guanxīn* «заботиться» или «забота», *huanýíng* «приветствовать» или «приветствие» или в. *thánh công* «успех, победа» или «успешный», «успешно», кпв́а «запирать» или «замок».

В подобных случаях перед нами различные слова-омонимы. Распространенные во вьетнамском, китайском и других языках, они сопоставимы с редкими для русского языка, но все же возможными случаями грамматической омонимии: *Рабочий и колхозник* или *Шестичасовой рабочий день*; *Печь топится, можно печь пироги* и т. д. Они обладают различными общеграмматическими значениями и, кроме того, имеют некоторые дополнительные опознавательные признаки. «Так, слово *цзюй* «пилить» наряду со своей «нулевой формой» (*цзюй*) обладает также и рядом других форм (*цзюйла, цзюйчжо*). Этих форм не имеет и не может иметь слово *цзюй* «пила». Но последнее обладает аналитической формой единичности *иба цзюй* «одна пила», которую ни при каких усло-

виях не может иметь глагол. Следовательно, *цзюй* «пила» и *цзюй* «пилить» — это не одно слово, а два разных слова, с разным лексическим и грамматическим значением» [166, 73—74].

Словообразовательные процессы не всегда влияют на принадлежность слова к той или иной части речи. Разные по производству слова могут относиться к одной части речи (*лес, лесник, лесничий, перелесок, лесничество* и др.), а слова, подобные по образованию, могут не принадлежать к одной части речи (*хороший, зрячий, большая* — прилагательные; *рабочий, лесничий, столовая* — существительные).

Синтаксические критерии установления частей речи основаны на том, что члены предложения и части речи выявляются по одним и тем же грамматическим категориям. Но если, например, существительное как часть речи связано с категорией грамматического подлежащего, а через него и с категорией субъекта логического суждения, то следует заметить: субъект суждения выражается в речи чаще всего формой грамматического подлежащего, а функции существительных шире и разнообразнее. В большинстве языков существительные могут выступать в качестве любого члена предложения. При этом у различных частей речи наблюдается сходство в синтаксических функциях. Так, в русском языке обстоятельство образа действия может выражаться наречием или конструкцией с существительным. Или, например, прилагательные китайского языка сходны по синтаксической функции «как с глаголами, так и с существительными и особенно с числительными» [166, 64].

Таким образом, ни частнограмматические формы и значения слов, ни их типы словообразования, ни их синтаксические функции сами по себе не выступают определяющими при отнесении слова к определенной части речи. «Части речи — каждая по-своему и в различных языках по-разному — морфологичны или неморфологичны», синтаксичны, в известном смысле логичны [177, 100].

Какие же критерии выделения частей речи могут быть общими для всех, известных науке языков?

Природа частей речи лингвистическая и общая для всех языков, как общие пути развития человеческого мышления. Подобный вывод делался уже в языкознании XIX в. и высказывался в работах языковедов психологического направления, которые связывали общеграмматические значения частей речи с некоторыми категориями мышления (субстанция, качество, количество и др.). В той или иной форме подобной точки зрения придерживались, например, А. А. Потебня, А. М. Пешковский, Л. В. Щерба.

Наиболее ярким опознавательным признаком частей речи выступает лексическое значение слов. «Если мы знаем, что *какаду* — название птицы, — писал Л. В. Щерба, — то мы не ищем формальных признаков для того, чтобы узнать в этом слове существительное» [177, 62]. «Именно по лексическим значениям... путем «подведения» их под одно из общеграмматических значений слов, объ-

активно данных в языке, определяется принадлежность слова к той или иной части речи» [177, 63].

Как свидетельствуют исследования частей речи в самых различных, родственных и неродственных, языках, части речи при всем их своеобразии в языках различных типов выступают как наиболее общие и универсальные явления в грамматической системе языков. Нельзя назвать ни одного языка, в котором не было бы, например, существительного или глагола. Общеграмматические значения частей речи безусловно связаны с общечеловеческими формами и законами мышления, отразившимися в наиболее существенных явлениях языковой системы.

«Определение специфики частей речи сводится, таким образом, к определению их общеграмматических значений, получивших в лингвистической науке свои терминологические обозначения, как «предмет» или «предметность», «действие» или «процессуальность», «качество» или «атрибуция» и т. п.» [177, 36].

Универсальная система частей речи

Поскольку по частям речи распределяются только слова, способные обладать самостоятельным лексико-грамматическим значением, то не все слова, а только часть их, полнозначные знаменательные слова, входит в общеграмматическую категорию частей речи. Отсюда и отнесение к частям речи служебных слов (артикли, предлоги, союзы, частицы и пр.) и междометий является неправомерным.

Части речи всегда образуют систему, т. е. их общеграмматические значения находятся в определенном соотношении и противопоставлении друг другу.

Система частей речи, как и другие языковые явления, в основе своей двучленна (бинарна), поэтому состоит минимум из двух взаимосвязанных и взаимопротивопоставленных компонентов.

Система частей речи исторична. Она возникла и развивалась с развитием человеческого сознания, органически связана с человеческим мышлением и служит одним из важнейших языковых средств формирования и выражения мыслей.

«На том относительно весьма позднем этапе развития языков, с которыми имела и имеет дело наука о языке, система частей речи насчитывает несколько по-разному противопоставленных друг другу компонентов: существительное и глагол, прилагательное и наречие» [177, 101—102].

Основной частью речи во всех известных науке языках является существительное. В основе его лежит значение грамматической предметности, которое проявляется: 1) в лексическом значении слова, 2) в формах словосочетания, 3) в его словообразовательных возможностях и 4) в синтаксических функциях. Любому предмету и любому явлению окружающего нас мира человек может выразить предметно, и всегда это представление является словом,

имеющим общеграмматическое значение предметности, т. е. существительным.

Из архаичных существительных выделяются со временем архаичные местоимения — «заместители» существительных и числительные. Существительные, как и их «заместители» — местоимения — и отчасти числительные, а также субстантивированные слова, для любого языка определяются как класс знаменательных слов, обладающих общеграмматическим значением предметности.

«Существительное возникает тогда и постольку, когда и постольку возникают и противопоставляются ему непредметные... знаменательные слова, т. е. слова, не обладающие общеграмматическим значением предметности, но обладающие иным общеграмматическим значением» [177, 114].

Во всех языках существительным противопоставляются классы знаменательных слов, обладающих различными признаками общеграмматическими значениями, причем «объективное расчленение номинативных слов на слова «предметные» и «непредметные» (призначные) — акт одновременный» [177, 116].

Из слов с общеграмматическим значением призначности наиболее отчетливым грамматическим разрядом выступает обширная группа слов с общеграмматическим значением действенного, процессуального или динамического признака — глагол. Эта часть речи, так же как и существительное, присуща всем языкам, «хотя свойственные ей основные разряды (причастия, деепричастия, инфинитивы и т. п.), а также частнограмматические формы и значения (лица и числа, залога, вида, наклонения)... значительно отличаются от языка к языку» [177, 119].

Противопоставление существительного и глагола, известное и древнеиндийскому и античному языкознанию, определяет два других класса знаменательных слов с общеграмматическими значениями призначности: прилагательные и наречия.

Прилагательное противопоставляется глаголу как слово с общеграмматическим значением статического, недейственного признака. Но общеграмматическое значение признака и сближает прилагательное с глаголом (например, в китайском языке).

Наречия, как и прилагательные, обладают тем же общеграмматическим значением — «недейственный признак», но наречия — это опосредствованные признаки, признаки признаков (*очень хороший, очень громко, ходить быстро* и т. п.). По происхождению наречия связаны с качественными прилагательными (*быстро, хорошо, интересно*) и предметными словами (существительное, местоимение — *вверх, сегодня, сразу*).

Таким образом, внутри подсистемы непредметных слов противопоставляются слова-признаки (глагол, прилагательное) и слова — признаки этих признаков (наречие).

Слова-признаки делятся на слова-признаки статические (прилагательное) и слова-признаки динамические (глагол) (последнее разбиение для ряда палеоазиатских языков, дальневосточных и некоторых других не является строгим).

Такова универсальная система частей речи как общей грамматической категории. Если придерживаться общей теории частей речи, то принцип выделения частей речи оказывается для всех языков единым и должен распространяться лишь на наиболее существенную часть слов любого языка — на однозначные знаменательные слова. Другие разряды слов, указанные выше, не входят в систему частей речи, но могут рассматриваться в грамматическом аспекте, составляя вместе с частями речи «грамматическое учение о слове» того или иного языка.

Изложенная выше общая теория частей речи является, на наш взгляд, наиболее перспективной в дальнейшем исследовании лексико-грамматических разрядов слов в языках мира, так как она относит эти исследования к работам, направленным в сторону установления языковых универсалий (см. о них с. 143 и далее). Однако универсальная теория частей речи представляет собой лишь одно из теоретических направлений²², сложившихся в современном языкознании при исследовании частей речи в отдельных языках. Большое значение этих исследований для практики преподавания как русского, так и иностранных языков и для написания учебников и практических грамматик отдельных языков не вызывает сомнений. Проблема частей речи продолжает оставаться одной из центральных проблем научной грамматики.

§ 6. Словоизменительные грамматические категории

Вводные замечания

Словоизменительные грамматические категории представляют собой, как уже указывалось, более узкие по грамматическому значению, частные грамматические категории. Именно частнограмматические значения определяют специфику языка.

Между общими и частными грамматическими категориями можно заметить некоторую связь. Частные грамматические категории в известной мере могут сопутствовать определенным частям речи, служа, как уже отмечалось выше, их опознавательным признаком.

Однако набор частных грамматических категорий, сопутствующих определенной части речи, различен в различных языках и даже в одном языке.

Так, категория падежа свойственна существительному в русском, немецком, турецком, японском, индонезийском языках, но она отсутствует, например, у имен китайского или вьетнамского языков.

В русском языке не все существительные имеют категорию падежа, ср. такие заимствованные или сложносокращенные слова, как *пальто, бюро, такси, метро, эскимо, ООН, ЮНЕСКО, МГУ* и т. п.

²² Подробнее о них см.: Вопросы теории частей речи (на материале языков различных типов). Л., 1968, а также сб.: Части речи. Теория и типология. М., 1990.

Уяснив соотношение между общими и частными грамматическими категориями в дальнейшем, в целях простоты и четкости изложения мы воспользуемся для обозначения общих грамматических категорий термином «части речи», а за частнограмматическими категориями сохраним термин «грамматические категории».

Все грамматические категории языков как бы концентрируются, с одной стороны, вокруг существительного, с другой — вокруг глагола.

Существительному могут сопутствовать категория грамматического рода, категория числа, категория падежа, категория определенности — неопределенности, категория отчуждаемой — неотчуждаемой собственности и некоторые другие.

Среди грамматических категорий, которые могут сопутствовать глаголу, имеются категории, характеризующие действие, выражаемое глаголом (категория вида, времени), и категории, характеризующие отношение глагола к лицу или к предмету, на которое распространяется действие (категория залога и категория переходности — непереходности), а также категория числа, как у имен, лица и некоторые другие.

К а т е г о р и я р о д а

Во всех известных науке языках находит свое выражение естественный (биологический) пол. Выражение пола распространяется только на личные имена существительные и на некоторые существительные, обозначающие животных, птиц, насекомых²³. Среди них отнесенность к мужскому или женскому роду определяется лексическим значением самого слова и выражается супплетивно: *отец — мать, брат — сестра, бык — корова, петух — курица* (о грамматическом способе супплетивизма см. с. 132). Принадлежность к мужскому или женскому роду может выражаться морфологически при помощи суффиксов (*рабочий — работница, учитель — учительница*, нем. *Lehrer — Lehrerin, Löwe — Löwin* и мн. др.) или лексически с помощью специальных слов — показателей пола. Так, в турецком языке слова *erkek* «мужчина», «самец»; *kadın* «женщина», *dişi* «самка» ставятся перед словом общего рода²⁴, например *erkek aslan* «лев» — *dişi aslan* «львица»; *avukat* «адвокат» — *kadın avukat* «женщина-адвокат». В индонезийском языке слова *laki* «мужчина», *perempuan* «женщина», *djantan* «самец», *betina* «самка» выполняют ту же функцию, но стоят в постпозиции: *anak* «ребенок», *anak laki* «мальчик», *anak perempuan* «девочка»; *ajam* «петух, курица», *ajam djantan* «петух», *ajam betina* «курица». В хинди перед словами, обознача-

²³ Как показали недавние исследования, названия живых существ не имеют отношения к идее пола, за исключением сравнительно небольшого количества слов, обозначающих диких животных, служивших объектом охоты, названий домашних животных и птиц, т. е. пол живого существа фиксируется в языке только в случае производственной необходимости.

²⁴ О словах общего рода подробнее см. на с. 102—103.

чающими особей мужского или женского пола, ставятся соответственно слова: нар «мужчина, самец» или māḍā «самка», например бхэрийā м. р. «волк» — нар бхэрийā «волк» (самец), мада бхэрийā «волчица»; маччхар м. р. «комар» — нар маччхар «комар» (самец), māḍā маччхар «самка комара» (разносчица малярии); мадхума^ккхи ж. р. «пчела» — нар мадхума^ккхи «трутень», māḍā мадхума^ккхи «пчела» (самка). В приведенных словах хинди пол не влияет на формы согласуемых слов. Так, например, в предложении «Нар мадхумиккахийā кучх кām нāхī карти» — «Трутни не производят никаких работ» подлежащее обозначая особи мужского пола, обуславливает форму согласуемого слова как слова женского рода, так как слово мадхума^ккхī — женского рода. Иными словами, в приведенном примере пол не влияет на грамматический род. Пол влияет на грамматический род только у личных имен существительных.

Категория рода — частнограмматическая категория, охватывающая все существительные данного языка и проявляющаяся в способности их сочетаться с определенными формами согласуемых слов. Например, грамматический род слов *степь* и *ковыль* проявляется только при сочетании их с прилагательными или местоимениями: *Эта широкая степь, она...* или *Этот высокий ковыль, он...*

Категория грамматического рода свойственна не всем языкам. Ее не знают китайско-тибетские, тюркские, финно-угорские языки, ряд языков Юго-Восточной Азии и Африки. Категория рода или грамматического класса наблюдается в большинстве индоевропейских языков, в семитских языках, в ряде африканских языков, в дравидских языках.

«Грамматический род — одна из наименее логичных и наиболее непредвиденных категорий», — писал А. Мейе [274, 202], имея в виду тот факт, что принадлежность слова к мужскому или женскому роду в сфере неличных имен существительных выглядит произвольной и никак не мотивированной. Именно такое впечатление складывалось при наблюдении категории грамматического рода в наиболее изученных в то время индоевропейских и семитских языках. Выход за пределы индоевропеистики в последующие годы, знакомство с категорией рода в языках других семей (прежде всего, в языках североамериканских индейцев, в африканских языках банту, в ряде так называемых «восточных» языков) и более углубленное исследование известных ранее фактов показали, что «грамматическая категория рода представляет собой сложную совокупность значений, выходящую за рамки традиционного различия мужского, женского и среднего рода» [199, 114].

Так, в африканских языках банту (например, в суахили) имеются так называемые именные классы существительных, которые выделяются только через согласование и, следовательно, могут быть признаны тождественными грамматическому роду. При этом формальные различия существительных в языках банту по

именным классам (т. е. по грамматическим родам, можем мы сказать) в большинстве случаев связаны с семантикой существительных²⁵.

Исследование языков Дальнего Востока показало, что в ряде языков, не обладающих категорией грамматического рода, четко выражаются противопоставления имен существительных по признаку «одушевленность» — «неодушевленность» или «лицо» — «не-лицо». Так, в японском языке противопоставление одушевленность — неодушевленность грамматически выражается в формах множественного числа и в употреблении с существительными разных глаголов, обозначающих местонахождение (с одушевленными — ИРУ, с неодушевленными — АРУ).

В китайском языке, обладающим сложной системой деления существительных по лексико-грамматическим классам и разрядам (при отсутствии категории грамматического рода), большую роль играет различие между «лицами» и «не-лицами», проявляющееся в закономерностях употребления вопросительных и притяжательных (при именах родства) местоимений, в употреблении так называемых полуаффиксов при словообразовании у лиц, в соединении лиц с показателем коллективно-множественного числа и др.

Последовательное противопоставление в ряде языков Дальнего Востока граммем «одушевленность» — «неодушевленность», «лицо» — «не-лицо» можно рассматривать как проявление наличия в этих языках особой частнограмматической категории имен²⁶.

Противопоставление по признаку «одушевленность — неодушевленность» обнаруживается и во многих ранее известных древних и современных языках, различающих мужской, женский и

²⁵ Об именных классах подробнее см.: Meinhof K. Grundzüge einer vergleichenden Grammatik der Bantusprachen. Berlin, 1948. О количестве именных классов в суахили, а также об обосновании возможности рассмотрения именных классов как грамматических родов см.: Кузнецов П. С. К вопросу об именных классах в суахили // Африканская филология. Сб. статей М., 1965.

²⁶ Впервые оппозиция «лицо» — «не-лицо» в системе китайского языка была интерпретирована как грамматическая категория имени в работе А. А. Драгунова [60], причем в то время автор был обвинен в стремлении к излишней грамматикализации фактов корнеизолирующего китайского языка. Позднее точка зрения А. А. Драгунова получила признание. По этому вопросу см. еще: Солнцев В. М. Очерки по современному китайскому языку. М., 1957.

²⁷ Противопоставление существительных по признакам «одушевленность — неодушевленность» или «лицо — не-лицо» наряду с наличием в том же языке категорий грамматического рода привело к тому, что было установлено два типа родовых систем: 1) система, основанная на противопоставлении граммем «одушевленность» и «неодушевленность», «лицо» — «не-лицо»; 2) система, основанная на противопоставлении граммем «мужской род» — «женский род» — «средний род».

Разрабатывая на материале индоевропейских языков грамматическую теорию рода, А. Мейе показал совместимость двух установленных ранее родовых систем:

род	{	одушевленный (-личный)	{	мужской женский
		неодушевленный (-личный)		средний

средний род²⁷. Так, в русском языке у существительных мужского рода мы различаем формы: *Я вижу человека*, но: *Я вижу стол*. То же наблюдается (в других языковых формах) в пушту, персидском, в ряде индийских языков.

В некоторых языках дравидской семьи, частично в классическом арабском, в некоторых славянских языках (например, в польском и лужицком) при наличии мужского, женского и среднего рода реализуется также противопоставление по признаку «лицо — не-лицо». Например, в тамильском языке все существительные делятся на два класса: к первому, так называемому высшему, классу относятся имена, обозначающие разумные существа (люди, боги, мифологические существа); ко второму, низшему, классу относятся немыслящие существа, неодушевленные предметы и понятия. Например, I класс — мангеи «сестра», дэван «бог»; II класс — марам «дерево», пули «тигр». Как видно, второй класс объединяет существительные, обозначающие как одушевленные, так и неодушевленные предметы. («Предмет», «предметность» — здесь и далее в грамматическом значении.) «Лица», т. е. имена, относящиеся к высшему классу, могут быть женского или мужского рода. Все же прочие существительные — «не-лица»: они составляют низший класс и относятся к среднему роду. При этом мужской, женский и средний род в тамильском языке выражается слабо²⁸.

Противопоставление «одушевленность — неодушевленность», так же как и разграничение «личности» и «неличности», в языках основано на предметной соотнесенности слов и семантически мотивировано. «В самом деле, «одушевленным» и «личным» считается все, что в действительности является им, а также все то, что может при определенных условиях считаться «одушевленным» или «личным» [248, 118].

Род, мужской или женский, личных имен существительных всегда мотивирован, так как опирается на разделение лиц по полу. А каковы мотивы деления на мужской и женский род в сфере неличных имен существительных?

Предложенную схему нельзя интерпретировать упрощенно, исторически противопоставляя одушевленность—неодушевленность как более древние типы различий, мужскому—женскому—среднему роду — как более поздним. «Здесь вообще речь идет не об изменении по координате времени, а об изменении уровня абстракции, — комментирует эту схему в терминах современной лингвистической теории Л. Ельмслев [248, 129].

²⁸ А именно не существует согласования в роде, и род существительных и прилагательных грамматически, по сути дела, никак не выражается, за исключением местоимений 3-го л, ед. ч.: аван «он», авад «она» и некоторых существительных, окончания которых так или иначе восходят к этим местоимениям (например: м̄наван «студент», м̄нави «студентка»). Согласование в роде грамматически выражается в глаголах: личные окончания 3-го лица единственного числа согласуются с именем в роде:

1) āсирийаран падиттāн «учитель прочитал» (м. р.),

2) м̄нави п̄адиттāl «студентка прочитала» (ж. р.),

3) нāй б̄дукирады «собака бежит» (ср. р.).

Несомненно, что формирование и развитие категории грамматического рода имеют экстралингвистическую основу. Оно было тесно связано с культурно-исторической сменой представлений человека о мире (тотемистические представления сменяются анимистическими и антропоморфными), с развитием человеческого мышления, его способности к обобщениям и абстрагированию, связано с общественными отношениями внутри человеческого коллектива. Так, с явлением антропоморфизма связано олицетворение явлений природы. Отсюда могло появиться деление на мужской и женский род у таких, например, существительных, как древнеиндийское *agni* — м. р. «огонь», *vaу* — м. р. «ветер» или *uṣas* — ж. р. «заря», *bhūmī* — ж. р. «земля». Существует мнение, что распределение неличных имен существительных на слова мужского или женского рода было связано с половозрастным разделением труда у первобытных людей. «У них одни работы выполнялись мужчинами, другие — женщинами. Названия всех предметов, входивших в круг деятельности мужчин, снабжались одной языковой приметой, как и имена самих мужчин, а названия предметов, относящихся к женскому труду, как и имена женщин, получали другую примету. Первые существительные стали осмысляться как существительные мужского рода, а вторые — женского рода. Те же предметы, которые не имели прямого отношения к хозяйственной деятельности, естественно, не получали никакой приметы и осознавались как нейтральные, т. е. как существительные среднего рода. К ним относили и название молодых особей, так как они не принимали в хозяйственной деятельности активного участия. Затем разделение труда между мужчинами и женщинами стало исчезать, исчезла и причина делить предметы на мужской и женский род» [10, 138—139], а язык как знаковая система, не поддающаяся произвольным изменениям, продолжает по традиции сохранять сложившиеся в прошлом дифференциации по роду, утерявшие сейчас свою мотивированность²⁹.

В языках, различающих категорию грамматического рода, объем этой категории неодинаков. Категория грамматического рода складывается в одних языках из противопоставления граммем «мужской род» — «женский род» (например, в хинди, урду), в других языках — граммем «мужской род» — «женский род» — «средний род» (например, русский, немецкий языки). Противопоставление признаков «одушевленность» — «неодушевленность» входит, строго говоря, в число различительных признаков граммем рода, особенно в случае, если категория рода образуется противопоставлением трех граммем (мужской род, женский род, средний род).

²⁹ О гипотезе объяснения происхождения родов (закон партиципации) с учетом специфики языка как знаковой системы и о возможных приемах исследования грамматической категории рода см.: Hjelmslev L. *Animé et inanimé, personnel et nonpersonnel* [248].

Возрождение противопоставления «одушевленность» — «неодушевленность» после утраты старой трехродовой системы демонстрирует сингальский язык:

$$\text{род} \begin{cases} \text{одушевленный} \\ \text{неодушевленный} \end{cases} \begin{cases} \text{мужской} \\ \text{женский} \end{cases}$$

Вторичное введение противопоставления по признаку «одушевленность» — «неодушевленность» при сохранении первоначальной трехродовой системы представлено только в славянских языках³⁰.

Если исторически подходить к содержанию категории грамматического рода, то можно установить, что категория рода постоянно меняется. Так, в древнеанглийском языке, в древнеиндийских и в древнеиранских языках существовала категория грамматического рода, включавшая противопоставление трех грамм — мужской род, женский род, средний род. В современном английском языке род перестал быть грамматической категорией, а родовая отнесенность существительных основана на семантическом принципе: личные существительные могут быть мужского или женского рода в зависимости от пола обозначаемых ими лиц и соотносятся с местоимениями *he* «он» — *she* «она», а все остальные существительные, включая и названия животных, относятся к среднему роду и соотносятся с местоимением *it* «оно». «В английском языке, таким образом, по «роду» классифицируются не собственные слова, не слова как таковые, а в известной степени сами предметы, обозначаемые данными словами» [165а, 145] В современном английском языке господствует семантический принцип родовой отнесенности.

В русском языке имена существительные распределяются по трем родам на основе морфологических показателей — окончаний и вне зависимости от семантики слов. Например, существительные с основой на твердый согласный (кроме *ж*, *ш*) и с нулевым окончанием в именительном падеже единственного числа относятся к классу слов мужского рода — *стол*, *дом*, *рукав*, *мороз*, *страх*, *уход* и т. п. Существительные с окончанием *-а/-я*, воспринимаются как слова женского рода (за исключением немногих существительных, обозначающих лиц мужского пола) — *вода*, *земля*, *страна*, *река*, *дорога*, *петля* и т. п. Существительные на *-о*, *-е* воспринимаются как слова среднего рода — *окно*, *поле*, *строение*, *озеро*, *место*, *действие* и др. (исключение составляют немногие слова — фамилии или клички животных). В русском языке господствует морфологический принцип родовой отнесенности.

Этот же принцип был ведущим в древнеиндийских и древнеиранских языках. Так, в санскрите существительные с основой на *-а* были мужского или среднего рода, а слова на *-ā* — только

³⁰ О причинах изменения категории грамматического рода, в частности в славянских языках, см. [248].

женского рода. В современном хинди на *-ā* оканчиваются преимущественно существительные мужского рода (ларк^а «мальчик», бэт^а «сын», камр^а «комната»), однако слова на *-ā*, заимствованные из санскрита³¹, по традиции продолжают относить к классу слов женского рода. Например, такие слова, как иччх^а «желание», кал^а «искусство», чинт^а «размышление», бх^аш^а «язык (речь)», варш^а «дождь, сезон дождей», в хинди являются существительными женского рода. Таким образом, в хинди наряду с семантическим и морфологическим принципами родовой отнесенности действует также традиция употребления слов в санскрите³².

На протяжении истории развития грамматической категории рода постоянно действовали экстралингвистические принципы родовой отнесенности. В современных языках экстралингвистические причины создали предпосылки для развития так называемого общего рода у части личных имен существительных³³. «В словах, являющихся названиями людей, — писал акад. В. В. Виноградов, — формой мужского рода подчеркивается не столько идея пола, сколько общее представление о лице, отнесение к классу или разряду людей, обозначение социальной роли человека» [40, 62]. Таковы, например, слова *врач, преподаватель, адвокат, директор* и другие агентивные³⁴ имена, в хинди — р^аджд^{ут} «посол», самийав^ад^и «коммунист», н^агарик «гражданин», шубх^эчху «доброжелатель» и многие другие. Подобные слова, наблюдаемые в современных языках в связи с изменением условий жизни, и в частности с изменением положения женщины в современном обществе, могут быть мужского и женского рода и реализуют свою родовую принадлежность только в предложении, т. е. синтаксически, сохраняя для обоих родов единые формы числа и падежа. Так, в предложении *Врач осмотрела ребенка и назначила лечение* или *Адвокат выступила и ознакомила с неизвестными ранее обстоятельствами дела* род существительных реализуется в окончаниях глаголов. Аналогичный пример на хинди: *Ап шик^аго к^и прамукх н^агарик, америк^а к^и пракх^йа^т н^ар^и аур вишва к^и саб сэ бар^и шубх^эчху хай* — «Она является почетным гражданином Чикаго, наиболее известной американской женщиной, самым боль-

³¹ Такие слова обозначают термин *tatsama*, т. е. «в той же форме».

³² Такая традиция есть в арабском, персидском, английском языках, из которых в более позднее время проникли в хинди многочисленные заимствованные имена существительных.

³³ При рассмотрении личных имен существительных в хинди и панджаби А. Т. Аксенов вводит понятия «фиксированный род» и «нефиксированный род». Слова с фиксированным родом (типа м^а «мать», б^ап «отец», бх^ай «брат», бах^{ин} «сестра») содержат в своем значении идею определенного пола и, таким образом, фиксируют в слове одну определенную родовую отнесенность. Таковы, например, имена родства. Слов с фиксированным родом немного. Большинство личных имен составляют существительные с нефиксированным родом, значение которых не выражает определенного пола. Имена с нефиксированным родом и образуют в хинди группу существительных с общим родом. Например, кав^и «поэт, поэтесса»; шикш^{ак} «преподаватель, преподавательница»; мит^{ра} «друг, подруга» и т. п.

³⁴ Агентивный — обозначающий деятеля, действующее лицо (лат. *agens* — *agensis*).

шим доброжелателем мира»³⁵. Род существительных выражен здесь формой послелога (кй̄) и окончанием женского рода прилагательного (барй̄).

Развитие грамматической категории рода осуществляется в системе конкретного языка при взаимодействии ряда факторов как экстралингвистического, так и внутрисистемного порядка, связанного с типологическими особенностями языка (о них см. ниже, с. 140—142).

Некоторые черты грамматических категорий

В настоящей книге нет возможности даже кратко охарактеризовать все случаи функционирования определенной грамматической категории в наиболее известных науке языках. Но это и не является необходимым, так как даже краткое описание категории грамматического рода и тесно связанного с ней противопоставления по признакам «лицо — не-лицо», «одушевленность — неодушевленность» выявляет определенные черты, которые присущи всем грамматическим категориям.

Грамматические категории неуниверсальны, каждый язык располагает набором (системой) определенных грамматических категорий, в большей или меньшей степени отличающихся от набора их в других языках. Количество грамем, образующих определенную грамматическую категорию, и их состав в различных языках могут быть различны. Количество грамем, образующих определенную грамматическую категорию какого-либо языка, в процессе исторического развития этого языка может изменяться, т. е. грамматическая категория носит исторический характер.

Грамматические категории в своем формировании и развитии связаны с развитием мышления, с культурно-исторической сменой представлений человека о мире.

Проследим за проявлением этих особенностей при кратком обзоре некоторых наиболее часто встречающихся в языках грамматических категорий.

Категория числа

Понятие количества выражается в языках лексически (при помощи числовых обозначений, счетных слов, слов-классификаторов) и грамматически, грамматической категорией числа.

Лексические, и прежде всего числовые, обозначения количества находят свое выражение во всех языках, а грамматическая категория числа свойственна далеко не всем языкам. Ее нет, например, в языках китайско-тибетских, в японском, вьетнамском, индонезийском языках. «В китайском, так же как и в японском,

³⁵ Чит из кн: Ш а ч и р а н и Г у р т у. Вишва кй̄ мах̄ан мах̄нп̄аэ. Дил-лй̄, 1965. С. 165 (пример А Т Аксенова).

языке всякое имя... может быть употреблено и в применении к реальному единственному и к реальному множественному числу предметов, иначе говоря, формально не содержит в себе прецизации числа» [70, 218—219]. То же и во вьетнамском языке: существительное, взятое в словарной форме, нейтрально в отношении числа: оно обозначает либо класс предметов, родовое понятие, либо является наименованием предмета: *tay* «рука» и «руки»; *cây* «дерево» и «деревья».

В таких языках понятие количества выражается лексически. Для обозначения единичности, штучности употребляются слова-классификаторы *sái* и *con* (*cái giú'ong* «кровать», *con sông* «река»), в китайском языке — особые «счетные» слова, специфические для различных классов (например, *zhānh* «лист», *běn* «корень» и др.; *yí zhāng zhǐ* «один лист бумаги», *nà běn shū* «та книга»), в индонезийском — префикс плюс счетное слово (*seorang gadis*, *seekor kuda*). В языках, не знающих грамматической категории числа, может наблюдаться дифференциация множественности: «неопределенная множественность» противопоставляется «коллективной множественности», «множественности в многообразии», причем каждое из различий имеет свои определенные способы языкового выражения. Например, в индонезийском языке «неопределенная множественность» передается сочетанием со словами *sedikit* «мало», *banyak* «много» и т. п., «коллективная множественность» — повтором (*orang*² «люди»), «множественность в многообразии» — повтором с суффиксом (*buah*²*an* «различные фрукты»).

В тех языках, где имеется категория грамматического числа, она в разной степени проявляется у существительного и у глагола: формы множественного числа обнаруживают несколько типов грамматического значения (разделительное множество, собирательное множество и некоторые другие)³⁶.

При рассмотрении категории числа бросается в глаза ее исторический характер. Исторические изменения в выражении числа показывают развитие от первоначального противопоставления форм со значением единичности и множественности. «И лишь затем во многих языках возникают также формы двойственного и даже тройственного числа, причем доказано, что во всяком случае в ряде языков для выражения двойственного числа используется грамматическая форма, ранее выражавшая множественное число. В этой связи нельзя не учитывать также того обстоятельства, что если множественное число есть во всех языках, которые имеют грамматическую категорию числа, то в отличие от этого двойственное число (и тем более тройственное) свойственно далеко не всем этим языкам, даже если учитывать и их историческое прошлое» [119, 34].

³⁶ О типах множественности и об определенной структуре грамматической категории числа см.: Панфилов В. З. Типология грамматической категории числа и некоторые вопросы ее исторического развития [119].

Двойственное число было развито, например, в древних индоевропейских языках. Остатки его можно обнаружить и в русском языке: *мальчик — мальчики*, но: *два мальчика*³⁷. Форма двойственного числа как «форма парности» распространялась на те предметы, которые в окружающей действительности всегда встречаются попарно: *день и ночь, мать и отец, глаза, ноги, руки* и т. п. Например, в санскрите: *netrau* «глаза», *rāṇī* «руки», *padau* «ноги» и т. п.

Система трех чисел (единственное, двойственное и множественное) позже сменяется в индоевропейских языках системой двух чисел. Из современных языков система трех чисел существует в арабском языке, где имеется двойственное число: *катаба* «они (двое) писали»; *джаласатā* «они (двое — ж. р.) сидели»; *ṭaḥrudjāni* «они (двое) выходят»; *fallāḫani* «два крестьянина» и т. п.

В истории языков, имевших в прошлом двойственное число, наблюдалась тенденция к его утрате и к развитию более унифицированной, единообразной категории (граммемы «единственное число — множественное число»). Это связано с процессом развития человеческого мышления, с его все более возрастающим абстрактным характером.

Рассмотрение способов выражения грамматической категории числа дает интересные материалы для решения вопроса о конкретных связях развития человеческого мышления и форм его языкового выражения.

Категория падежа

Категория падежа свойственна существительному и прилагательному или только существительному ряда языков: большинству индоевропейских языков, семитских, тюркских и некоторых других. Категории падежа нет, например, в китайско-тибетских языках.

При рассмотрении падежных систем различных языков прежде всего бросается в глаза различное количество граммем, различное число противопоставлений, составляющих категорию падежа, а также различный их состав. Так, в арабском языке категория падежа состоит из трех граммем: именительный, винительный и родительный падежи. В именах³⁸ обоих родов единственного числа и разбитого множественного числа, находящихся в так называемом «определенном» и «сопряженном» состояниях (о них ниже), различаются все три граммемы:

³⁷ Пример А. А. Шахматова.

³⁸ Под термином «имя» в арабском языкознании подразумевается и существительное и прилагательное. «Арабские грамматисты называют те имена, которые соотносимы с прилагательными, термином «списание», качественная характеристика (сифатун), а слово, сопоставляемое нами с именами существительными, термином «описываемый», «характеризуемый» (маʿṣūfун)» [55].

Им. аль-мактабу «стол»
В. аль-мактаба
Р. аль-мактаби

аль-мудуну «городá»
аль-мудуна
аль-мудунн

Находясь же в «неопределенном состоянии», все имена арабского языка делятся на: 1) имена трехпадежного склонения, имеющие 3 падежа и танвин³⁹, и 2) имена, имеющие именительный падеж и форму родительного падежа, совпадающую с формой винительного падежа. Такие имена принято называть двухпадежными, но это название отражает лишь формальную сторону, так как по своему значению двухпадежные имена могут функционировать во всех трех грамматических значениях. (Имена двухпадежного склонения не имеют танвина в неопределенном состоянии, например джараиду «газеты».)

Имена двойственного числа и правильного множественного числа имеют во всех состояниях лишь по две формы падежей: именительный и косвенный.

В японском языке существительным тоже сопутствует категория падежа. Особенностью системы склонения является наличие общего падежа (формы основы) как падежа подлежащего, слова-темы и прямого дополнения наряду с выраженными формами именительного и винительного падежей. В этих функциях общий падеж употребляется с частицей тематического выделения *ва* или с какой-нибудь подчеркивающей или ограничительной частицей (ватакуси ва гакусэй дэс — «Я студент»; кё ва тэнки га атакай дэс — «Сегодня теплая погода»).

Остальные десять падежей, форма каждого из которых характеризуется наличием определенного показателя, следующие: именительный, родительный, дательный, винительный, падеж направления (гэкидзё э ику — «идти в театр»), творительный, соединительный (томодати то куру — «прийти с товарищем»), исходный (имеет «отложительное» значение: кё:кара — «с сегодняшнего дня»), исходно-сравнительный (падеж второго члена сравнения: Токуо ва мосукува ёри атакатан дэс — «В Токио теплее, чем в Москве») и предельный падеж (гого рокудзи мадэ — «до шести часов вечера»).

В турецком языке категория падежа состоит из шести граммем:

1. Основной падеж (не имеет аффиксов, соответствует именительному падежу в русском языке).

2. Родительный падеж функционирует только как приименной падеж и выражает отношения принадлежности.

3. Дательный падеж имеет основное значение — выражение направленности действия: ау «охота», ава «на охоту».

4. Винительный падеж (как в русском): ev «дом», evi «дом».

5. Местный падеж выражает пространственные и временные отношения: evde «дома».

³⁹ Танвин, досл. «лунация» — постпозитивная именная морфема (Н), приносящая в словоформу грамматическое значение неопределенности.

6. Исходный падеж обозначает удаление, отделение: *evden* «из дома».

В русском языке тоже шесть падежей, но при одинаковом количественном составе категории падежа в турецком и русском языках, набор граммем и характер их противопоставлений оказываются неодинаковыми.

Категория падежа обнаруживает исторический характер. В истории своего развития она претерпела ряд изменений. Во многих индоевропейских языках, например, наблюдается тенденция к уменьшению числа противопоставлений, составляющих категорию падежа. Так, в древнеиндийских языках категория падежа складывалась из противопоставлений семи граммем: именительного, винительного, творительного, дательного, отложительного, родительного и местоименного падежей⁴⁰. В современном хинди о категории падежа можно говорить только условно, так как противопоставляются две граммемы: «прямая форма» и «косвенная форма». «Прямая форма» равна по грамматическому значению именительному и отчасти винительному падежу. «Косвенная форма» употребляется только в сочетании с послелогом: *камрэ мэ* «в комнате», *китаб̄ пар* «на книгах» и т. п. Послелог нельзя приравнивать к падежным окончаниям⁴¹, так как они не изменяются по родам и числам (кроме послелога *kā*), а при наличии нескольких однородных слов послелог ставится один раз после всех слов (*ларк̄о, ларкий̄о kā...*).

Падежи в тех языках, где они отмечаются, могут быть представлены двумя слоями падежных форм: падежные формы, выражающие субъектно-объектные отношения, и так называемые «конкретные» падежи. Эти две группы падежей известны в древних языках и в той или иной степени сохраняются в падежных системах современных языков⁴².

Категория определенности — неопределенности

Категория определенности — неопределенности свойственна существительным многих языков, выражается она в языках очень своеобразно и поэтому не всегда отчетливо воспринимается. Так, считается, что в русском языке категории определенности — не-

⁴⁰ Так называемый звательный падеж является формой имени с совсем иной функцией, чем функции падежей, и в систему противопоставления граммем падежа не включается.

⁴¹ См. критерий Б. А. Успенского, с. 86.

⁴² О различных подходах к описанию грамматической категории падежа в современном теоретическом языкознании см.: Jakobson R. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre [254] и Курилович Е. Проблема классификации падежей [261]; из работ советских языковедов см. также: Чешко Е. В. К вопросу о падежных корреляциях // ВЯ 1960. № 2; Степанов Ю. С. Проблема классификации падежей [174]; Караулов Ю. Н. Таксономия падежей и предлогов (семантика). Автореф. канд. дисс. М., 1967.

определенности нет, поскольку выражается она не грамматически, а лексически (указательными и неопределенными местоимениями, числительными и т. п.). Категория определенности — неопределенности грамматически отчетливо выражается в германских и романских языках при помощи определенных и неопределенных артиклей.

Категория определенности — неопределенности имеется в персидском языке. Наличие послелога «ра» передает определенность. Неопределенность выражается с помощью суффиксальной энклитики «-и», которую в последнее время стали называть неопределенным артиклем. Иногда этот показатель присоединяется к прилагательному, так как обычно ставится в конце изафетной цепочки. Примеры: *дай книгу* (определенную) — кэтабра бэдэһ; *дай книгу* (неопределенную) — кэтаб бэдэһ; *дай книгу* (неопределенную, какую-нибудь) — кэтаб- и бэдэһ.

Категория определенности — неопределенности играет важную роль в арабском литературном языке. Еще со времен Сибавейхи (VIII в.) грамматисты выделяют в арабском языке три степени определенности: 1) ма'рифатун — языковая единица, обладающая значением определенности; 2) накиратун — языковая единица, обладающая значением неопределенности; 3) му'аррафун — языковая единица, сделанная определенной.

Соответственно существительные могут быть в трех состояниях (определенном, неопределенном и в форме сопряженного состояния), имеющих каждое особые способы выражения в языке⁴³.

Категория отчуждаемой — неотчуждаемой собственности

У существительных некоторых языков выделяется категория отчуждаемой или неотчуждаемой собственности. Так, в турецком языке слова, обозначающие органы человеческого тела, понятия родства, названия предметов личного обихода и т. п., т. е. так называемая «неотчуждаемая собственность», как правило, употребляются с особым притяжательным аффиксом: *başım ağrıyор* — «моя голова болит», *kardeşim geldi* — «приехал мой брат»,

⁴³ Определенное состояние выражается определенным артиклем «аль», который пишется слитно с началом слова: *алькитабу* «книга». Именами в определенном состоянии принято считать также местоимения и собственные имена: *лубнāну* «Ливан». Средством выражения неопределенности имени является танвинное окончание (ун, ан, ин). Танвин в неопределенном состоянии присущ лишь трехпадежным именам и правильному множественному числу женского рода. Примеры: *мактабун*, *мактабин*, *мактабан*.

Существительное, не принимающее формальных морфологических признаков определенного или неопределенного состояния («аль» и танвина), находится в сопряженном состоянии, когда оно участвует в синтаксической конструкции (*status constructus*) в качестве определяемого, например *китабу-ль-ʿулади* «книга мальчика», или когда к нему прибавляется местоименный суффикс (слитное местоимение). В этом случае существительное также является определяемым членом: *китабуху* «его книга» (букв. «книга его»).

çantamı evde unuttum — «я забыл дома свой портфель (свою сумку)». Категория отчуждаемой и неотчуждаемой собственности встречается также и в некоторых других языках, например в китайском.

Перейдем к основным грамматическим категориям, которые могут сопутствовать глаголу.

К а т е г о р и я л и ц а

Сущность грамматической категории лица в том, что, с одной стороны, противопоставляются участники разговора (то, что выражается местоимениями первого и второго лица). Они противопоставляются отсутствующему при разговоре (то, что выражается местоимением третьего лица). Не случайно, что в языках местоимения первого и второго лица появились раньше, чем местоимения третьего лица. В некоторых языках (в древних индоевропейских, в арабском) категория лица настолько четко выражается в системе форм словоизменения глагола, что употребление местоимений оказывается избыточным. Например, личные окончания указывают на лицо в древнеиндийских языках: gachāmi «я иду»; gachasi «ты идешь»; gachati «он идет» и т. д. Следует отметить, что в современных индийских языках, например в хинди, категория лица выражается недостаточно четко.

В арабском языке в глаголах прошедшего времени лицо, а также род и число действующего лица (лиц) обозначают стандартные суффиксы. Например, суффикс *tu* — для обозначения 1-го лица ед. числа (обоих родов): [катабту] «я написал(а)»; суффикс *tā* — для обозначения 3-го лица двойственного числа женского рода: [катабатā] «они (2 женщины) написали».

В глаголах настояще-будущего времени лицо обозначается префиксами (число и род — суффиксами). Например, актубу «я пишу» (префикс *a* обозначает первое лицо); тактубу «ты (м.) пишешь» (префикс *ta* обозначает 2-е лицо).

С другой стороны, в ряде языков, например в африканском языке хауса, грамматическая категория лица отсутствует; так, в форме *sun*⁴⁴ языка хауса: *pa zo* «я пришел»; *kinz zo* «ты пришла»; *min zo* «мы пришли» и т. д. или в китайском языке *wō shuō* «я говорю»; *nǐ shuō* «ты говоришь»; *tā shuō* «он говорит».

Таким образом, категория лица у глаголов в ряде языков при образовании некоторых форм грамматически не выражается. Есть языки, в которых категория лица не является ведущей глагольной категорией. Так, в японском языке категория лица выражается ограниченно: она грамматически необязательна и может выражаться лексически⁴⁵.

⁴⁴ Форма *sun* — совершенный вид; образуется из краткой формы местоимений с префиксом *-n* и основы глагола.

⁴⁵ Грамматическое и лексическое выражение имеет, с одной стороны, 1-е лицо, с другой — 2-е и конкретное 3-е; формы выражения лица являются в то же

Грамматические категории, которые характеризуют глагол, являются чрезвычайно сложным комплексом грамматических значений, нередко переплетающихся и взаимосвязанных. Это особенно наглядно демонстрируют категории времени и вида. В языках, где нет отчетливого выражения категории времени и вида, есть видо-временные показатели. Категория вида во многих языках развита очень активно. Так, в китайском языке зафиксировано по меньшей мере четыре видовых значения. То же в японском языке. Категория вида — это взгляд говорящего на характер протекания действия. Исследование видовых различий на материале языков индоевропейской семьи привело к мнению, что в индоевропейских языках граммы вида выражают завершенность или незавершенность действия, начало действия, одновременность или многократность действия. Исследование грамматических категорий вида на материале индоевропейских (славянских) языков показало также, как тесно переплетаются видовые категории с категориями времени глаголов.

Если говорить о грамматическом значении категории времени, то «основным содержанием временной глагольной формы в любом языке... является... соотносительность с абсолютной или относительной системой отсчета лингвистического времени» [59, 74]. Абсолютное время определяется соотношением действия с моментом речи; говорят о трех основных временных дифференциациях действия: настоящее время, прошедшее время, будущее время.

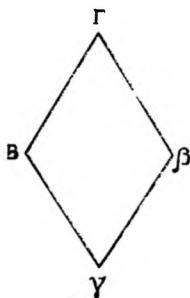
Категория времени и категория вида в языках бывают исторически связаны. На базе видовых значений могут развиваться значения временные, как, например, в германских и, видимо, в семитских языках. Развитие видовых значений на основе значений временных можно наблюдать в тюркских языках.

Для единообразного описания соотношений между категориями вида и времени польский языковед Е. Курилович [262] предлагает универсальную схему. При этом основной конститутивной категорией Курилович считает вид⁴⁶. В схеме по горизонтальной оси противопоставляются несовершенный (В) и совершенный (В)

время формами выражения вежливости по отношению к собеседнику или конкретному 3-му лицу. С категорией лица в японском языке тесно связана категория направленности действия. Направленность действия может быть выражена аналитической формой, образующейся сочетанием деепричастия с глаголами *яру*, *агэру*, *кудасару*, *курэру*. Исконное значение такого сочетания — выражение направленности действия от «низшего» к «высшему», от младшего к старшему, подчиненного начальнику, ученика к учителю и т. д. или наоборот. Однако поскольку выражение вежливости основано на обозначении себя как «низшего», а собеседника (и конкретное 3-е лицо) как «высшего», эти же формы могут приобретать грамматическое значение, обозначая направленность действия от 1-го лица ко 2-му и 3-му лицу и, наоборот, от 3-го и 2-го лица к 1-му лицу.

⁴⁶ Критический анализ концепции Е. Куриловича см.: Дешериева Т. И. К проблеме соотношения глагольных категорий вида и времени [59]. Вопрос о применимости данной схемы к плану будущего времени является спорным, так

виды, по вертикальной оси — нейтральный вид (Г) и сложный вид (γ), одновременно и совершенный и несовершенный. Таким образом, схема приобретает вид ромба:

Эта схема используется в плане настоящего, прошедшего и будущего времени.

Предложенная Е. Куриловичем схема является максимальной. Реально существующие в различных языках видо-временные системы глагола представляют собой в большей или меньшей степени редуцированные варианты этой схемы.

К а т е г о р и я н а к л о н е н и я

Категория наклонения выражает отношение содержания высказываемого к действительности. Эта категория сложилась не во всех языках, так, ее нет в китайском, индонезийском языках. В тех языках, в которых категория наклонения грамматически выражена, число граммем, входящих в состав категории наклонения, различно. Например, три наклонения в персидском (изъявительное, повелительное и сослагательное) и в тамили (первые два и желательное), четыре наклонения в пушту (первые два, условное и возможности), пять наклонений в турецком языке (изъявительное, повелительное, условное, долженствования — аффикс *malı/meli* — *uazmalıyım* «я должен написать», и желательное), шесть наклонений (изъявительное, повелительное, сослагательное, условное, уступительное и долженствования) в японском языке.

Меняется состав граммем категории наклонения и в истории развития одного языка. Для древних индоевропейских языков было установлено наличие трех наклонений — изъявительного, сослагательного, желательного, — образуемых специальными формами, и четвертого — повелительного наклонения.

«Оттенки смысла, выражаемые изъявительным наклонением,

как будущее время противопоставляется настоящему и прошедшему не только по соотносительности с моментом речи, но и по модальности (т. е. по отношению говорящего к высказыванию).

сослагательным и желательным, будут соответственно следующие: действие положительно утверждаемое — ожидаемое или возможное — только возможное» [274, 240]. Так, мы находим в древнеиндийском ведическом языке изъявительное, повелительное, желательное и сослагательное наклонения. Позже, в эпическом и классическом санскрите, сослагательное наклонение исчезает. В современном хинди категория заклонения включает изъявительное, повелительное, сослагательное и условное наклонения.

Наиболее универсальными представляются изъявительное и повелительное наклонения.

Изъявительное наклонение указывает на соответствие между содержанием высказываемого и действительностью; действие мыслится говорящим как реальное. В плане изъявительного наклонения противопоставляются все временные значения (значения форм будущего времени в своих вариантных значениях сближают изъявительное наклонение с другими наклонениями — сослагательным, условным).

Повелительное наклонение передает волеизъявление говорящего в целях побудить слушающего к определенному действию. В связи с этим повелительное наклонение практически ограничивается формами 2-го лица, противопоставленными по числу и в большей или меньшей мере дифференцированными по степени вежливости (экстралингвистический фактор).

Желательное наклонение в современных языках может рассматриваться как вариант повелительного наклонения.

При ограниченном выборе форм лица и числа в повелительном наклонении грамматические способы выражения повелительного наклонения могут быть в языке очень разнообразными⁴⁷.

Прочие наклонения, встречающиеся в языках, представляют в большей или меньшей степени варьирование двух наклонений, значения которых можно признать основными, инвариантными.

Основное значение условного наклонения — выражение действия, не совместимого с реальностью, с его осуществимостью, т. е. выражение нереальности действия.

Сослагательное наклонение передает отсутствие прямого соответствия содержания высказываемого действительности. Значение сослагательного наклонения — выражение допустимости действия. Это основное грамматическое значение сослагательного наклонения реализуется рядом вариантов модального значения: сомнение, неуверенность, возможность, опасение и др.

Поэтому есть основания рассматривать выделяемые в некоторых языках наклонения долженствования, возможности и т. п. с точки зрения их грамматического значения как варианты сослагательного наклонения.

Вопрос же о способах выражения как инвариантных (основных), так и вариантных грамматических значений наклонения

⁴⁷ Например, в хинди: 1) кар «делай» (2-е л. ед. ч.); 2) каро «делайте» (2-е л. мн. ч.); 3) кйджийе «делайте пожалуйста»;

должен рассматриваться отдельно для каждого языка на конкретном фактическом материале.

Категория залога

Во всех языках находят выражение залоговые отношения, т. е. отношения действия к субъекту и объекту⁴⁸. Залоговые отношения передаются взаимодействием разнородных языковых средств — морфологических, синтаксических и лексических.

Морфологическим средством выражения залоговых отношений выступают глагольные образования, противопоставленные по ряду признаков и составляющие грамматическую категорию залога⁴⁹.

Категория залога отличается от рассмотренных ранее глагольных категорий тем, что выражение основной составляющей ее оппозиции (активность — пассивность) представлено не только в формах глагола, но и вне глагола, в структуре всего предложения. Таким образом, при выражении залоговых отношений речь идет о конструкциях, активных или пассивных, в которых глагол — лишь один из возможных участников выражения залоговых отношений⁵⁰.

Каково же грамматическое значение активных и пассивных конструкций? «Актив (*Эту проблему решают геологи*): действие представлено как исходящее от носителя глагольного (процессуального) признака⁵¹, как имеющее центробежную направленность

4) чалию	}	«идите» (2-е л. мн. ч.);
«идите пожалуйста».
5) чали:ога		
6) чадичега «идите»		

Форма вежливости 3 и форма самой большой вежливости 6 представляют пережитки древнего желательного наклонения и не различают числа. Формы 4 и 5, выражающие приказание нескольким людям, устарели и практически вышли из употребления.

Повелительное наклонение японского языка отличается обилием форм: синтетические формы — у глаголов первого спряжения 4-я основная форма типа *емэ*, у глаголов второго спряжения — суффиксальная, образуемая присоединением суффиксов *ро* и *ё* к 1-й, основной, форме: *агэро*, *агэё*; эти формы выражают приказание. Для выражения повеления имеется ряд аналитических форм типа: *о-ёми*, *ёндэ кудасай*, *ёндэ курэ* и др.

⁴⁸ Или, в терминах универсально-типологической теории залогов, обозначение различных типов соответствий между членами предложения (актантами) и компонентами ситуации (партиципантами), см. [188].

⁴⁹ О категории залога см.: Реферовская Е. А. Развитие категории залога во французском языке. Автореф. докт. дисс. Л., 1956; Гухман М. М. Развитие залоговых противопоставлений в германских языках. М., 1964.

Об универсально-типологической теории залога см.: Категория залога [188]; Диатеzy и залого. Л., 1964. Трактовка залога и залоговости на основе теории функционально-семантических полей дается в работах А. В. Бондарко [31].

⁵⁰ Поскольку залоговые отношения могут передаваться и при отсутствии в языке морфологической глагольной категории залога, сторонники универсально-типологической теории предлагают считать категорию залога синтаксической категорией.

⁵¹ Понятие «носитель глагольного признака» здесь обозначает подлежащее и его группу. Введение противопоставления центробежность — центростремительность обосновывается М. М. Гухман (см. сноску 49).

по отношению к нему; субъект (производитель действия) выступает в роли подлежащего, находится в центре предложения. Пассив (*Эта проблема решается геологами; Эта проблема решается (решена)*): действие представлено как направленное на носителя глагольного признака, как центростремительное по отношению к нему; в центре предложения, в позиции подлежащего, находится объект, испытывающий на себе действие, субъект же либо занимает периферийное положение, выступая в роли дополнения и представляя источник «воздействия со стороны», либо полностью устраняется» [32, 29].

Оппозиция «активность — пассивность» сопряжена с лексико-морфологической оппозицией «возвратность — невозвратность».

Эта сопряженность особенно очевидна при обращении к категории залога в древних индо-иранских языках, включавшей первоначально противопоставление граммем по различительному признаку обращенности или необращенности действия на его исполнителя (соответственно — с. залог *parasmaipada* и залог *ātmanepada*). При этом семантика глагола нередко ограничивала употребление его форм только одним залогом. Например, с. *vac* «говорить» только в залоге *parasmaipada*, *budh* «знать», «понимать» в залоге *ātmanepada*, *dā* «давать» мог функционировать в обоих залогах. Граммема «пассивность» (страдательный залог) складывается в индийских языках позже.

В современных языках наблюдается четкое противопоставление граммем «активность» (действительный залог — «пассивность» (страдательный залог). Действительный залог и страдательный залог в ряде языков противопоставляются третьему залогом. Так, например, три залога различаются в тагальском языке.

В индонезийском языке существует взаимный залог. Идея взаимного действия выделяется особым образом во вьетнамском языке⁵².

Возвратный залог выделяется в русском языке. Глагольная категория залога складывается в нем из противопоставления «активность» — «пассивность» как основной оппозиции и лексико-морфологической оппозиции «возвратность» — «невозвратность». Отношения между этими оппозициями сложны, так как ' не закреплены четкими формальными показателями. Поэтому, например, одна и та же форма на *-ся* может употребляться в различных залогах (ср. *дом строится* — *мальчик умывается*).

Семантические различия глаголов, определяющие залоговые дифференциации, формально не выражаются (ср. *читать, строить* — *спать, гулять*). На примере русского глагола видно, как основное залоговое противопоставление «активность» — «пассивность» сопряжено с лексико-синтаксической оппозицией «переходность» — «непереходность». Противопоставление переходности и

⁵² Это так называемая «категория взаимного действия», выражаемая словом *phau* «взаимно, совместно», с переходным глаголом.

непереходности основано на сочетаемости или несочетаемости с прямым дополнением. Переходность — непереходность глагола — явление лексическое и во многих языках (как, например, в русском) в морфологии формально не выражается.

Формальное выражение оппозиции «переходность» — «непереходность» можно наблюдать в хинди, где субъект — подлежащее сочетается с послелогом *нэ*, если сказуемое выражено глагольной формой, в состав которой входит причастие совершенного вида от переходного глагола. Например, *ус нэ кита́б па́рхи* «он прочитал книгу». Это так называемая эргативная конструкция. В этой конструкции глагол исторически возник из пассивного причастия, но по значению эргативная конструкция активна. Она соотносится со страдательным залогом по обозначению или не-обозначению деятеля. Если действие вызвано каким-либо лицом, но оно не упоминается, то употребляется пассив: *кита́б па́рхи джа́ рахи хай* «книга читается» или *кита́б па́рхи гайи хай* «книга прочитана». Пассив употребляется и тогда, когда деятель указан — *ла́ркэ сэ кита́б па́рхи гайи*.

Если действующее лицо обозначено, то в активном залоге возникает эргативная конструкция: *ла́ркэ нэ кита́б па́рхи* «мальчик прочитал книгу»; *ла́рки нэ кита́б па́рхи* «девочка прочитала книгу» и т. п. Однако эргативная конструкция недопустима при незыраженности деятеля.

Интересны некоторые формальные характеристики переходных глаголов в языке хауса⁵³.

Сложность залоговых отношений состоит в том, что для выражения их в языках не сложилась однородная система грамматических форм с определенными формальными показателями⁵⁴. «Компоненты грамматической категории залога тесно срослись с другими элементами залоговости» [31, 55].

Категория породы

Из грамматических категорий глагола в отдельных языках остановимся на условно выделяемой категории породы арабского языка.

⁵³ Переходные глаголы составляют две группы по изменяемости и неизменяемости основы перед прямым дополнением. Переходные изменяемые глаголы изменяют свой конечный гласный от наличия при глаголе объекта: перед местоименным объектом — на -е-, перед именным объектом — на -i. Например: *saye* «покупать», *tambaya* «спрашивать», *na saye shi* «я купил его», *na tambaye shi* «я спросил его», *nas sayi lit tafi* «я купил книгу», *na tambayi Audu* «я спросил Ауду».

Переходные неизменяемые глаголы сохраняют свою основу неизменной во всех временах независимо от наличия при глаголе местоименного или именного дополнения. Например: глагол *sa* «класть», *ya sa su* «он положил их», *ya sa littafi* «он положил книгу».

⁵⁴ Поэтому и представляется перспективным исследование средств залоговых отношений («залоговости») в конкретном языке на основе теории функционально-семантического поля, см [31].

Арабский глагол характеризуется наличием определенной глагольной основы. Простая глагольная основа образуется из харфов, или букв корня. Эта основа спрягается, т. е. изменяется по временам, лицам и числам. От простой глагольной основы различными грамматическими способами образуются многочисленные расширенные глагольные основы, которые принято называть «породы глагола». Категория породы складывается из системы граммем, определенным образом модифицирующих первоначальное значение глагола, например грамма «большая или меньшая интенсивность действия», грамма «взаимность действия», грамма «возвратность действия» и т. п.

Так, от общего корня образованы глагол I породы [’алима] «знать», глагол IV породы [’а’лама] «сообщать», глагол II породы [’аллама] «обучать».

Трехбуквенный (трехсогласный) глагол дает около 15 пород, но породы XI—XV очень редко употребляются. Наиболее употребительны первые 10 пород глагола, причем нельзя утверждать, что каждая трехбуквенная основа имеет на практике все 10 вариантов. Обычно от каждого глагола употребляется меньше 10 пород⁵⁵.

Кратко рассмотрев наиболее широко представленные в языках грамматические категории, которые могут сопутствовать существительному или глаголу, мы должны признать, что набор языковых значений для всех языков приблизительно одинаков. Однако «языки отличаются друг от друга не только тем, какие значения они выбирают в качестве грамматических, но и тем, как они предпочитают их выражать» [114, 210].

Специфику каждого языка определяют избираемые им грамматические значения, организованные в определенную систему грамматических категорий. Наблюдавшееся выше многообразие способов выражения одной и той же грамматической категории в разных языках непосредственно приводит нас к вопросам так называемой «внешней» морфологии.

⁵⁵Для обозначения модели образования слов в арабском языке еще средневековые арабские грамматисты ввели корень **فعل** где буква **ف** (ф) символизирует всякий 1-й согласный звук любого корня, буква **ع** — 2-й согласный звук любого корня, а **ل** — 3-й согласный. Символ **فعل** очень удобен при морфологическом исследовании, так как любую словоформу арабского языка можно свести к определенной модели.

Например, I порода глагола объединяет все глаголы, соответствующие трем моделям: (фа’ала), (фа’ила) и (фа’ула). К I породе относятся глаголы (дараса) «изучать», (фариха) «радоваться», (хасуна) «быть красивым, хорошим» и др. По своему значению глаголы I породы бывают как переходными, так и непереходными. От корня I породы происходит образование остальных (производных) пород.

§ 7. Способы выражения грамматических значений («внешняя» морфология)

Лексические значения во всех языках выражаются корневыми (или лексическими) морфемами. Только эти морфемы являются носителями лексического значения слов.

Лексико-грамматические и грамматические значения могут выражаться в языках различными способами.

Каковы же способы выражения лексико-грамматических и грамматических значений (сокращенно — «грамматические способы») в разных языках?

Для всех языков грамматические способы сводятся к следующим: 1) аффиксация; 2) чередование; 3) ударение; 4) повторы; 5) сложение; 6) супплетивизм; 7) способ служебных слов; 8) способ порядка слов; 9) способ интонации.

Внутри каждого из этих способов выделяются способы, которые имеют преимущественно деривационное значение и (или) реляционное. Различным является место одного и того же способа в системе грамматических способов разных языков. Например, способ аффиксации в системе словоизменительных форм известен в русском и английском языках, однако в русском языке это преобладающий грамматический способ, а в английском — нет.

Различными являются сочетания грамматического значения и способа его выражения в различных языках. Например, значение множественности в русском языке передается аффиксами, а в индонезийском — повторами.

А ф ф и к с а ц и я

Словообразовательная функция аффиксов

Суффиксы и префиксы в языках индоевропейской и семитской семьи являются ведущим способом выражения словообразовательных лексико-грамматических значений.

Суффиксация представляет собой основной словообразовательный способ у имен (существительных и прилагательных): р. дом — домик, учитель — учительница, летать — летчик, лес — лесник, красный — красноватый, свет — светлый и т. п.; нем. Arbeit «работа» — Arbeiter «рабочий» — Arbeiterin «работница», Feiertag «праздник» — feierlich «праздничный, торжественный», krank «больной» — Krankheit «болезнь»; х. гхар «дом» — гхарвā-лā «домовладелец», тākāt «сила» — тākātвар «сильный, могущественный»; а. фаллāхун «крестьянин» — фаллāхатун «крестьянка» и т. п.

Использование словообразовательных префиксов у имен редко, но возможно. Так, в арабском языке префикс [мā] используется для образования имени мест: [катаба] «писать» — [мактабун] «стол» (письменный), «кабинет»; [‘амилā] «работать» — [ма‘малун] «завод» и т. д. Имя орудия образуется с помощью префикса [‘и]: [дафа‘а] «толкать» — [мидфа‘ун] «пушка».

Префиксация в индоевропейских языках представляет собой основной способ выражения лексико-грамматических значений глагола. «Префиксы значительно чаще, чем суффиксы, обременены дополнительными лексическими значениями» [215, 6]. Например, р. *смотреть* — *просмотреть* — *пересмотреть* — *подсмотреть* — *усмотреть* — *высмотреть*; *ходить* — *уходить* — *проходить* — *приходить* — *заходить*; нем. *gehen* «идти» — *vergehen* «проходить» — *entgehen* «уходить, пропадать»; с. gam. «идти», «приходить» — *adhigam* «подходить» — *saṅgam* «сходиться» и т. п.

В арабском языке способ префиксации у глаголов используется довольно часто. Например, из десяти наиболее употребительных пород арабского глагола восемь образуется при помощи префиксов⁵⁶.

Суффиксы с лексико-грамматическим значением наблюдаются в тамильском языке. Такие суффиксы обычно восходят к словам, конкретное значение которых они продолжают сохранять. Так, три суффикса -ан, -ал, -ар, вероятно, восходят к древним словам со значениями «мужчина, женщина, (многие) люди»: а-в-ан «он», а-в-ал «она», а-в-ар «они»; махан «сын», махал «дочь».

Из санскрита пришел в тамильский язык суффикс -кāран, обозначающий деятеля: вēлeиккāран (вēлeи «работа») «работник», вандиккāран (ванди «повозка») «извозчик».

В тамильском языке есть ряд глаголов, которые не образуют личных форм. Являясь недостаточными, они используются для образования грамматических форм, выполняя роль суффиксов, выражающих совершенно определенные грамматические значения⁵⁷.

Характерным для тамильского языка способом словообразования является образование имен путем присоединения к причастиям настоящего, прошедшего и будущего времени личных местоимений 3-го лица (аван «он», авал «она», ады «оно», авархал «они», авеи «они» для низшего класса и ряд других), которые

⁵⁶ По следующим моделям: IV — [аф'ала], V — [тафа'ала], VI — [тафā'ала], VII — [инфа'ала], VIII — [ифта'ала], IX — [иф'алла], X — [истаф'ала].

⁵⁷ К ним относятся, например, глаголы ул «имеется» и ил «отсутствовать». Например: анбы «любовь» — анбулла «дорогой» (улла — причастная форма от ул «имеющийся»); манам «запах» — манамулла «обладающий запахом»; аривы «знание» — аривилладан — «невежда» (здесь — ил «отсутствовать» — по функции — суффикс, указывающий на отсутствие чего-либо; āда — суффикс, также с отрицательным значением; аван — тот, он — местоимение 3-го лица мужского рода).

Следует указать еще на употребление в качестве суффиксов форм от глагола āху «быть». Это, например, āха — инфинитив и āна — причастие прошедшего времени. Так как самостоятельно эти две формы сейчас не употребляются, их вполне можно считать суффиксами, один из которых, будучи присоединен к имени, образует слово с наречным значением (вēхам «быстрота», вēхамāха «быстро»), а другой — прилагательное (ажахы «красота», ажахāна «красивый, являющийся красивым»).

явно в данном случае выступают в функции суффиксов. Стандартность образования причастных имен позволяет отнести это явление к способу аффиксации. Образование причастных имен в принципе сходно с образованием «местоименных» существительных: ажаханавей «те, что являются красивыми» (ажах(ы) «красота» + а́на «являющийся» + авей «они, те»).

Разнообразны способы словообразовательной аффиксации в мальгашском языке. Для образования существительных служат префиксы (anatra «учение» — mpampianatra «учитель», ratsy «плохой» — faharatsy «злоба», rasaka «разговор» — mpirasaka «оратор», taratra «отражать свет» — fitaratra «зеркало» и др.) или конфи́ксы (anatra «учение» — fampianarana «урок», asa «работа» — fiasana «инструмент», goso «ушедший вперед» — fandrosoana «прогресс» и др.). Для образования глаголов употребляютс́я префиксы: asa «работа» — miasa «работать», alahelo «печаль» — mahalahelo «печалить, огорчать», petraka «положение» — mametrika «ставить, класть» и т. п. Суффиксы в мальгашском языке служат для выражения принадлежности: -ko «мой», -nao «твой», -ny «его», -ntsika «наш», -nareo «ваш», -ny «их». Например, saintsika «наше знамя», sainy «его знамя», sainareo «ваше знамя». Аффиксация развита как способ образования причастий (суффиксы) и числительных (префиксы).

Аффиксы как способ выражения лексико-грамматических значений своеобразно представлены во вьетнамском языке. Суффиксов и префиксов в том виде, в каком они представлены в индоевропейских или в арабском языке, во вьетнамском нет. Однако во вьетнамском языке есть элементы, которые функционально напоминают аффиксы. К ним относятся словообразовательные элементы, регулярно повторяющиеся в определенных классах слов. Например, у существительных thợ (значение элемента thợ — «мастерской, рабочий»); thợ may «портной», thợ mũ «шляпник», thợ luyện kim «металлург», thợ rèn «кузнец».

Ряд словообразовательных «префиксов» выделяется у прилагательных: это — «префиксы» китайского происхождения, представляющие в китайском языке отрицание phi (кит. «фэй»), vô (кит. «у»), bất (кит. «бу»). Самостоятельно эти «префиксы» не употребляются и встречаются преимущественно с китайскими корнями⁵⁸.

У глаголов примерами «полуаффиксов» может быть ряд глаголов, обозначающих перемещение в пространстве, например ra «выходить», lên «подниматься»; lại «приходить», đi «идти». Эти

⁵⁸ Например, vô sản — «неимущий» (sản — кит. чань «имущество»); vô lý — «неразумный» (lý — кит. ли «разум»); vô học — «неученый» (học — кит. суюе «учиться»); phi nghĩa — «несправедливый» (nghĩa — кит. и «справедливость, долг»); phi thường — «необычный» (thường — кит. чан «постоянный, обычный»). Иногда эти «префиксы» встречаются и в сочетании с вьетнамскими корнями, например, vô bờ — «безбрежный», где bờ — вьетнамское слово со значением «берег».

глаголы выполняют роль «полуаффиксов» в таких предложениях, как *Tôi đi đến thư viện* — «Я иду в библиотеку». Эти же глаголы могут выступать как словообразовательные элементы, например: *đẹp* «красивый», *đẹp ra* «похорошеть»; *giàu* «богатый», *giàu lên* «разбогатеть».

Лишь очень немногие элементы могут быть оценены как аффиксы в полном смысле слова⁵⁹. Аффиксация как способ выражения главным образом лексико-грамматических деривационных значений представлена и в китайском языке. Почти все суффиксы китайского языка образовались от знаменательных слов, и многие из них продолжают употребляться в своем первоначальном значении, например, *fu* «муж» (*tā shì mǎfu* — «он извозчик»).

Словообразовательные аффиксы в китайском языке однозначны (т. е. каждый из них в данной парадигме выражает одно грамматическое значение), стандартны (т. е. для выражения одного грамматического значения требуется один и тот же аффикс) и не изменяют фонемного состава корня (кроме «эризирующего» [-г]).

Словоизменительная аффиксация (внешняя флексия)

Аффиксация как способ выражения словоизменительных грамматических значений широко применяется в индоевропейских, семитских, тюркских языках.

Способ образования форм словоизменения при помощи окончаний — внешняя флексия (см. с. 83) — широко представлен в русском языке и других славянских языках в системе форм словоизменения существительного (окончания падежей) и глагола (окончания видо-временные, залога, лица, числа).

Внешняя флексия как способ словоизменения была широко представлена в древних индоиранских языках (ведийский язык, эпический и классический санскрит, авестийский язык, древнеперсидский язык клинописей). Так, в санскрите внешняя флексия была основным способом выражения грамматических значений категории падежа (у основ на гласную в еще большей степени, чем у основ на согласную). На применении различных основообразующих суффиксов и личных окончаний строились парадигмы спряжения глагола в различных временах, наклонениях и залогах. В среднеиндийский период в связи с изменениями в фонологической системе языков значение внешней флексии как способа словоизменения значительно уменьшается. В современном хинди она сохраняется как способ выражения граммем рода и числа существительных, прилагательных и глаголов и (частично) лица глаголов: *аччхā дин* «хороший день» — *аччхе дин* «хорошие дни», *аччхи китāб* «хорошая книга» — *аччхи китāбе* «хорошие

⁵⁹ Это, например, *nhà* — аффикс деятеля. В словах *nhà báo* «журналист» (*báo* «газета»), *nhà văn* «литератор» (*văn* «литература») *nhà* выступает не в собственном значении, а имеет чисто словообразовательную функцию.

книги», вах болā «он сказал» — вах боли «она сказала», ве боле «они сказали» (м. р.) — ве боли «они сказали» (ж. р.). Внешняя флексия выступает также способом образования косвенной формы имени: мезō пар «на столах», гхарō мē «в домах».

Способ внешней флексии в большей мере сохранился в современных иранских языках (например, в персидском при образовании множественного числа, степеней сравнения, в системе спряжения глагола, при образовании именных форм глагола и др.).

Внешняя флексия является важнейшим способом выражения словоизменительных грамматических значений в германских (больше — в немецком языке, значительно меньше — в современном английском) и в романских языках.

Особый вид аффиксов, проникающих внутрь корня (см. с. 84), встречается как грамматический способ в семитских языках⁶⁰ (трансфиксация) и в некоторых языках Юго-Восточной Азии (инфиксация).

Вклинивающиеся в корень изменяющиеся гласные как способ выражения грамматических значений в семитских языках называют «прерывистые аффиксы» «дификсы» (В. П. Старинин) или «трансфиксы» (А. А. Реформатский). Рассмотрим на примерах арабского языка сущность этого грамматического способа. Трансфиксы -и-и или -і-а выражают множественность: [байтун] «дом», [буйūtун] «дома», [калбун] «собака», [килāбун] «собаки»; -и-і выражает страдательность: [даһаба] «бил», [дуриба] «был избит»; 'а-а выражает сравнительную степень: [кабирун] «большой», [‘акбару] «самый большой»; -и-ај выражает уменьшительность: [китāбун] «книга», [кутейибун] «книжечка»; -а-+удв. согл. + -ā- обозначает имя деятеля: [таҳана] «молоть», [таҳхāнун] «мельник» и т. п.

Последние примеры показывают, что различные схемы как особый вид аффиксов служат в арабском языке способом выражения не только словоизменительных, но и словообразовательных значений.

Последние исследования ученых-семитологов позволяют утверждать, что семитские словоформы образуются из неизменяемого трехслогового корня и меняющихся «схем» или «формул»: а. [бинā’ун] или [сигатун], которые функционально сходны с рассмотренными выше аффиксами. Например, неизменяемый корень кбр, выражающий идею большого в классическом арабском языке, образует с изменяющимися схемами: [кабирун] «большой», [кибāрун] «большие», [‘акбару] «самый большой», [кубрā] «самая большая», [‘акāбиру] «самые большие» (м. р.), [кубрун] «величина», [кабура] «быть большим» и т. д.

⁶⁰ Соглашаясь с А. А. Реформатским [140, 284—286], мы считаем необходимым отказаться от употребления термина «внутренняя флексия» для обозначения этого вида аффиксов в семитских языках.

Одна и та же схема может быть многозначна. Например, -а- может обозначать в зависимости от лексического значения корня конкретный предмет (байт «дом»), действие (кар' «стук»), действие, рассматриваемое собирательно (дарб «побой»), собирательность (нахл «пчелы») и др. Подобное явление сходно с омонимией аффиксов. Сравним, например, многозначность суффикса -а- в русском языке: *вод-а́, старшин-а́, город-а́, го́род-а, ходи́л-а* и т. п.

Схемы нестандартны, т. е. каждая из них не является единственным способом выражения определенного грамматического значения. Одно и то же грамматическое значение может передаваться разными схемами. Например, для образования масдаров (отглагольных имен) существует больше сорока схем. Множественное число выражается не только схемой -и-и или -и-ā, но также у ряда существительных и внешней флексией, т. е. суффиксами -ūпа, -āt: [му'аллимун] «учитель», [му'халлимūне] «учителя», [му'аллиматун] «учительница», [му'аллимātун] «учительницы» (мн. ч.).

Нестандартность схем напоминает случаи синонимии аффиксов. Сравним, например, способы выражения множественного числа в русском языке: *лю́ди, дома́, насеко́мые* и т. п.

Соединение изменяемого корня с многозначными и нестандартными аффиксами называется фузией (от лат. fusio «сплав»), а языки, употребляющие такой тип аффиксов, называются фузийными. В фузийных языках, следовательно, каждый аффикс нестандартен и может выражать несколько грамматических значений, которые как бы сплавлены воедино в этом аффиксе.

Фузийная и агглютинативная аффиксация

Многозначность и нестандартность аффиксов в семитских и в индоевропейских языках отличают аффиксацию этих двух групп языков от аффиксации, которая наблюдается в тюркских, дравидских языках, в языках банту, отчасти в малайско-полинезийских и некоторых других языках.

Аффиксы в этих языках однозначны и стандартны, т. е., как правило, один аффикс всегда выступает как один способ для выражения одного грамматического значения. Таким образом, количество аффиксов соответствует количеству грамматических значений.

Такой тип аффиксации представлен, например, в турецком языке.

Турецкий язык относится к языкам суффигирующим, так как в нем из всех видов аффиксов употребляются только суффиксы. Словоформа турецкого языка состоит из основы — устойчивого звукового комплекса, который может употребляться самостоятельно, — и суффикса⁶¹.

⁶¹ Словоизменятельные суффиксы по их вариантности при сочетании с той или иной основой делятся на три группы:

Суффиксы турецкого языка могут стоять под ударением (например, такие суффиксы, как -lar/-ler или -ır/-ir/-ür/-ur) или быть безударными (например, -та, -те).

Турецкий суффикс является всегда способом выражения только одной граммемы и не может сразу передавать значение нескольких грамем, как, например, в русском, хинди или персидском. Так, в слове *столов -ов* передает и род, и число, и падеж существительного.

В присоединении (приклеивании) турецких суффиксов существует определенная закономерность: первым к основе прибавляется суффикс, указывающий на категорию максимально широкого объема, затем — более узкого объема и т. д. Например, в слове *уаз-âта-уог-subуз* «вы не можете писать» — к основе *уаз* ближе всего стоит суффикс -âта, так как обозначаемая им «категория невозможности» по объему шире граммемы «настоящее время», выражаемой суффиксом -уог, а суффикс -subуз стоит в конце слова, так как обозначаемая им граммема «второе лицо» является наиболее узкой по грамматическому значению.

Суффиксы турецкого языка как бы приклеиваются к основе. «Клеить» — по-латински *agglutinare*, поэтому способ присоединения однозначных стандартных аффиксов к неизменяемой основе называют агглютинацией.

Агглютинативное выражение грамматических значений, т. е. употребление способа однозначных стандартных аффиксов, наблюдается и в других языках.

Так, агглютинация свойственна также тамильскому языку. Корень тамильского языка почти не изменяется фонетически, присоединение суффиксов по типу агглютинации иногда сопровождается фонетическими изменениями на стыке морфем, которые учитываются правилами «сандхи» (т. е. комбинаторными звуковыми изменениями) и носят регулярный характер. Например, *сей-хир-âр-хал* «(они) делают»: *сей* — корневая морфема со значением 1) «делать», 2) «дело»; *хир* — суффикс со значением «настоящее время»; -âр — суффикс со значением «3-е лицо»; -хал — плеонастический суффикс множественного числа.

Или еще: парадигма склонения существительного *паййан* «мальчик», *паййан-гал* «мальчики»:

1. Одновариантные суффиксы, которые встречаются всегда в одном виде, не подвергаясь действию гармонии гласных: -ki, -уог, -г, -'kop и др. Например, *ge-liуог* «приходить», *göйуог* «видеть», *aliуог* «берет», *bekliуог* «ждет».

2. Двухвариантные суффиксы, частично подвергающиеся действию гармонии гласных: -асак/-есек, -ар/-ер, -лар/-лер, -арак/-ерек, -са/-се и др. Например, *alacak* «возьмет», *geçecek* «пройдет», *çıkarak* «выходящий», -geser «гуляющий», *soğarak* «спрашивающий», -üzer «плавающий» и т. д.

3. Четырехвариантные суффиксы, полностью подвергающиеся закону гармонии гласных: -li/-li/-lû/-lu, -di/-di/-dû/-du, -mis/-mis/-müs/-mus, -dir/-dir/-dür/-dur, *ip/-ip/-ür/-ur* и др. Например, *deзdi* «погулял», *уа3di* «написал», *güldü* «засмеялся», *vurdu* «ударил».

винительный	паййан-ен	паййан-гал-ен
инструментальный	паййан-а́л	паййан-гал-а́л
комитативный	паййан-о́ды	паййан-гал-о́ды
родительный	паййан-ин	паййан-гал-ин
дательный	паййан-уккы	паййан-гал-уккы
местный	паййан-ил	паййан-гал-ил

Случаи употребления префиксов для выражения грамматических словоизменительных значений более редки в языках. Их можно найти в чрезвычайно богатом аффиксами индонезийском языке, где префиксы *me-* (фонетические варианты *meng-*, *men-*, *mem-*, *menj-*) и *di-* являются способом выражения действительного и страдательного залогов, *ber-* — способом выражения среднего залога, *ter-* образует производные с особым оттенком пассивности. Например, *tulis* «писать» — *menulis* — действительный залог и *ditulis* — страдательный залог или в предложении: *Ajah mendudukan anaknja dikursi* — «Отец *усади*л ребенка на стул», но: *Anak itu didudukkan dikursi deh ajah* — «Ребенок *усажен* на стул отцом».

Buah itu tidak termakan — «Этот плод несъедобный» (*termakan* «может быть съедобным», *tidak termakan* «не может быть съеденным»). Производные с *ter-* имеют оттенок желательности или нежелательности, возможности или невозможности что-либо сделать, оттенок внезапности или завершенности. Например, *Surat itu tertulis* — «Письмо написано» (*tertulis* выражает законченность действия).

Как видно из приведенных примеров, в индонезийском языке присоединение аффиксов к корневой морфеме происходит агглютативно.

Аффиксация по типу фузии или по типу агглютинации во многом определяет характер прочих способов выражения грамматического значения в языках.

Ч е р е д о в а н и е (внутренняя флексия)

Чередование звуков как способ выражения грамматического значения слова фонетическими средствами мы наблюдаем в современных германских языках, в русском языке, в индоиранских языках.

Не всякое изменение звукового состава морфем должно признаваться чередованием. Чередованием будем называть только такое различие в звуковом составе морфемы, которое служит для определенных различий в грамматическом значении и не зависит от фонетических условий. Чередование как грамматический способ назван поэтому «значащим чередованием», или внутренней флексией. Например: а. *foot* «нога» — *feet* «ноги», *sing* «петь» (наст. вр.) — *sang* «петь» (прош. вр.); нем. *Mutter* «мать» — *Mütter* «матери» (мн. ч.), *fahren* «ехать» — *fuhr* «ехать» (прош. вр.); р. *нарвать* — *нарывать*, *собрать* — *собирать*; х. кхул'нā «от-

крываться» — кхол'нā «открывать», никал'нā «появляться» — никāl'нā «извлекать», «выгонять».

Значашее чередование нередко выступает в слове в соединении с аффиксацией, например, р. *спросить* — *спрашивать*, *ходить* — *хаживать*; англ. *child* ['tʃaɪld] «ребенок» — *children* ['tʃɪldrən] «дети»; нем. *Hand* «рука» — *Hände* «руки», *gebe* «(я) даю» — *gibt* «(он) дает»; т. *cā* «умирать» — *semṭān* «(он) умер», Кан «глаз» — *kān* «видеть» — *кандән* «видел»; п. при образовании основ настоящего времени некоторых глаголов: *сахтān* («строить») — *саз*; *фāрмудān* («приказывать») — *фāрма*; *āфзудān* («прибавлять») — *āфза* и т. п.

Значашее чередование широко использовалось как способ выражения лексико-грамматических и грамматических значений в древних индоевропейских языках (из восточных — в древнеиранских и древнеиндийских). Первое научное описание значащего чередования дано в работах древнеиндийских языковедов.

В качестве образца рассмотрим систему чередования гласных санскрита.

Основные гласные — *ā*, *ī*, *ū*, *r* чередуются в первой ступени (гуна) с *a*, *e*, *o*, *ar* и во второй ступени чередования (вриддхи) с *ā*, *ai*, *au*, *ār*. Например: [*nidra*] «сон», [*paidra*] «сонный, спящий»; [*buddha*] «Будда», [*bauddha*] «буддийский».

Исследование закономерностей морфологического использования фонологических противопоставлений данного языка составляет предмет морфонологии — области, «в которой обнаруживается реальная связь и взаимодействие двух начал — фонологического и морфологического» [18, 52].

Ударение

Ударение, как и значашее чередование, является способом выражения грамматического значения слова фонетическими средствами.

Динамическое монотоническое ударение может стать грамматическим способом, только если оно подвижное и нефиксированное. Таким является, например, ударение русского языка. Изменение места ударения в парадигме слова является способом различения форм этого слова. Например, *руки́* (р. п. ед. ч.) — *ру́ки* (им. п. мн. ч.), *выре́зать* (несов. в.) — *вы́резать* (сов. в.). Ударение как грамматический способ может сочетаться с аффиксацией: *ру́ки* — *рука́м* (дат. п.), *до́м* — *дома́* и с чередованием: *стуца́ть* — *сту́кнуть*, *крича́ть* — *кри́кнуть*.

Малоподвижное, фиксированное динамическое ударение не может стать способом выражения грамматических значений. Так, очень ограниченно используется ударение как грамматический способ в германских, индийских, тюркских языках.

Музыкальное политоническое⁶² ударение становится способом выражения грамматического значения, если оно различается по характеру тона в пределах грамматически связанных слов. Например, к. *shēnghuó* «жизнь» — *shēnghuo* «жить», *lǎodòng* «труд» — *lǎodong* «трудиться».

Тональное ударение в китайском языке иногда может определять принадлежность слова к той или иной части речи, а редукция (нейтральный тон) может быть также дополнительным средством выражения грамматических значений⁶³.

Динамическое ударение выступает как способ выражения преимущественно грамматического (реляционного), реже — лексико-грамматического (деривационного) значения.

Тональное ударение является способом выражения лексико-грамматического деривационного значения.

Повторы

Грамматический способ повтора (удвоения или редупликации) представляет собой полное или частичное повторение корня, основы или целого слова, без изменения их звукового состава или с частичным его изменением.

Этот грамматический способ имел широкое распространение в системе словоизменительных форм древних индоевропейских языков. Так, в древнеиндийском языке неполные повторы корня являлись (наряду с аффиксацией) способом выражения значений прошедшего времени (удвоительный перфект и удвоительный аорист), способом образования основ настоящего времени глаголов III класса, способом образования дезидеративных и интенсивных глаголов.

В современных языках нередко употребляются звукоподражательные (ономатопеические) повторы: р. кукушка, хрю-хрю; п. хор-хор «хрюкать», тэг-тэг «дробный стук»; я. горогоро «раскаты грома», пикапика «блеск молнии»; там. кубу-кубу «бульканье», сала-сала «шлепанье» и т. п.

В русском языке четко выраженным грамматическим способом повторы выступают (нечасто) для выражения видовых оттенков глагола (продолжительность действия): *работаешь-работаешь*, *говоришь-говоришь* и т. п.

Повторы прилагательных являются способом выражения превосходной степени: *белый-белый*, *чистый-чистый*, *большой-пребольшой* (с префиксацией).

⁶² Политоническое (от греч. *polys* — «много» и *tonos* — «ударение»), т. е. ударение, основанное на различении нескольких тонов — 4-х в китайском, 6-ти во вьетнамском языках.

⁶³ Нейтральный тон всегда имеют, например: 1) суффиксы; 2) второй компонент повторенных форм глагола; существительного; 3) некоторые морфемы-модификаторы; 4) односложные послелоги; 5) вопросительные и модальные частицы и некоторые другие. Никогда не может иметь нейтрального тона первый слог многосложного слова.

Повторы прилагательных в целях усиления значения характерны и для других языков: х. ламбе-ламбе «очень длинные»; п. тонд-тонд «очень быстрый»; там. вевверы «разнообразные» (веры — «другой», «отличный»), перпала или пала-пала «очень много» (пала — «много»).

Своеобразным способом выражения деривационного значения являются повторы в турецком языке. Путем повторов образуются существительные с собирательным значением: *yığın yığın kar* «кучи снега». Нередко они носят уничижительный оттенок: *kitâp mitâr* «книги, книжки, книжонки».

Повторы широко представлены в языках Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Поэтому остановимся на повторах в системе индонезийского, вьетнамского и китайского языков несколько подробнее.

Повторы как способ выражения лексико-грамматических и грамматических значений характерны для имен и глаголов индонезийского языка. В индонезийском языке, как и в китайском, всякое существительное может обозначать отдельный предмет и совокупность предметов. Для выражения единичности применяется сочетание префикса *se-* (восходящего к числит. *«satu»* — «один») со счетными словами. Например: *seorang gadis* (*se*+сч. сл. для людей «*orang*»), *seekor kuda* (*se*+сч. сл. для животных «*ekor*») и т. д. Например: *mobil* «автомобиль» — *mobil-mobil* (или *mobil²*) — «автомобили», *orang* «человек» — *orang-orang* (или *orang²*) «люди» и т. д.

Аналогичный способ выражения множественности имеется и в японском языке: хито «человек» — хитобито «люди», яма «гора» — ямаяма «горы», куні «страна» — кунигуни «страны»⁶⁴.

В индонезийском языке повтор часто сочетается с аффиксацией для выражения множественности в многообразии: *bunga* «цветок» — *bunga²* «цветы» — *bunga²an* «различные, всякие цветы». У глаголов повторы являются способом выражения более интенсивного действия или действия, перемежающегося с другими действиями (*melihat* «смотреть», *me-lihat²* «просматривать, рассматривать»). У прилагательных повтор — это способ обозначения усиления или ослабленности качества. Например: *putih* «белый», *putih²* «беловатый». Повтор в сочетании с аффиксацией выражает у прилагательных и наречий значение превосходной степени. Например: *keras* «сильный»; *sekeras²nja* «самый сильный; изо всех сил».

Широко распространены повторы прилагательных во вьетнамском языке *lớn* «большой» — *lớn lớn* «довольно большой», *đỏ* «красный» — *đỏ đỏ* «красноватый» и др.

Большинство повторов подчинено правилу гармонии высоких и низких тонов и правилу чередования смычных носовых соглас-

⁶⁴ В приведенных примерах видно, что повторы в японском языке сопровождаются фонетическими изменениями — озвончение согласного второго компонента

ных. Как показывают примеры, повтором прилагательных передается значение ослабленного качества.

Повторы существительных встречаются редко, ими передается так называемое разделительное значение. Например: ngày «день» — ngày ngày «ежедневно», «каждый день», người «человек» — người người «каждый человек» (звуковых изменений при повторе существительных не происходит).

Очень распространены во вьетнамском языке повторы глаголов, также не сопровождаемые звуковыми изменениями. Повторы передают значение многократности действия. Например, gật «кивать» — gật gật «многократно кивать», lượng «кружить, летать» — lượnglượng «все время кружить». Во вьетнамском языке имеет место повтор вопросительных местоимений.

Указанные выше повторы носят название полных повторов, так как в них слово повторяется целиком.

Во вьетнамском языке имеются также частичные повторы. Под частичными повторами понимается явление присоединения к односложному слову звукового комплекса, не имеющего собственного значения, но обязательно содержащего в своем составе начальный согласный основного слова. Такого рода частичные повторы представлены у различных классов слов: у существительных, прилагательных и глаголов. Например, существительные: bạn bè «друг» (bạn «друг»); прилагательные: xanh xao «бледный» (xanh «зеленый», «голубой», «бледный»); глаголы: bắt bớ «хватать» (bắt «хватать»).

В китайском языке существуют два вида повторов как способов выражения деривационных лексико-грамматических значений: 1) повтор корневых морфем, т. е. слогов, который сопровождается иногда изменением тона второй морфемы; 2) повтор слов.

В результате повтора слогов образуется одно целое слово: удвоенные слоги существительных, в основном названия родства. Удвоение морфем употребляется и как способ выражения образа действия. При повторе слова (даже односложного) образуются два отдельных слова. Этим повтор слов отличается от удвоения слогов.

Повторы у существительных придают им значение «каждый» или «все».

Повторы глагола могут придавать действию значение длительности и некоторые другие оттенки⁶⁵.

⁶⁵ Вопрос о глагольных повторах в китайском языке является спорным. Существование глагольных повторов доказывает проф. Ван Ляо-и. Существование глагольных повторов отрицает проф. А. А. Драгунов, считая, что эти повторы мнимые, так как можно сказать kànkan «взглянуть» и kànle yí kàn досл. «посмотрел одно смотрение», т. е. здесь мы имеем дело с глагольно-объектными словосочетаниями. Однако доказательство проф. Драгунова не охватывает всех случаев удвоения глаголов. Например, нельзя доказать таким же образом, что xīxī-xīxī («отдохнуть») — глагольно-объектная конструкция, так как нельзя сказать xīxīle yí xīxī.

Если рассмотренные нами четыре грамматических способа передают как реляционные, так и деривационные грамматические значения, то словосложение — способ передачи только деривационного грамматического значения. При помощи словосложения образуются новые слова. Словосложение сходно с аффиксацией, потому что сочетаются морфемы, но при словосложении сочетаются только корневые (лексические) морфемы. Например, *пароход*, *самосвал* (с интерфиксом *о*), *каналстрой*, *колхоз* и другие типы; нем. *Lichtbild* п. «фотография, снимок»; англ. *headway* «продвижение, успех»; х. пуштнāмā м. «родословная»; в. *máy bay* «самолет»; и. *lalu lintas* «транспорт»; я. ямадзакура «горная вершина», сакурабана «цветок вишни».

Словосложение корневых морфем играет не только морфологическую, но и синтаксическую роль. Нередко образование сложных слов — один из способов выражения атрибутивных отношений или способ выражения сочинительной связи между словами. При наличии сочинительной связи может быть образовано сложное слово с собирательным значением: х. *mā-bāp* «родители» («мать и отец»), *non tēl* «пища, пропитание» («соль и масло»), *ud'ēg-v'ya-vasāy* м. «промышленность и торговля»; в. *quān áo* «одежда» («брюки и куртка»), *trāu bò* «скот» («буйвол и корова»).

Словообразовательные и синтаксические функции сложных слов разграничить трудно.

Сложное слово — это такое сочетание корневых морфем, при котором каждая корневая морфема может встречаться в языках также и в самостоятельном употреблении. То, что является сложным словом для определенного исторического периода развития языка, может не восприниматься как сложное слово в другой исторический период. Это происходит от того, что сложные слова в своем историческом развитии нередко приводят к возникновению грамматических морфем: один из составных элементов сложного слова утрачивает самостоятельное лексическое значение и постепенно, в процессе исторического развития языка, формируется в суффикс или префикс (например, в хинди суффикс *-arth* <с. *artha* м. «дело», «цель», префиксы *су-*, *дух-* (душ) <с. *su* «хороший», *duh* «плохой» и т. п.). В ряде языков имеются сложные слова более позднего происхождения, в которых первый элемент может быть грамматически оформлен, например в английском, немецком языках (ср. нем. *Kindergarten* «детский сад», *Vergißmeinnicht* «незабудка», *Taschenbuch* «записная книжка» и др.).

Сложное слово выражает значения, прямо или метафорически связанные с теми значениями, которые выражаются составляющими данное сложное слово корневыми морфемами. Для сложного слова характерно единство смысла, единство значения.

Отношения по значению между корневыми морфемами, входящими в состав сложного слова, очень разнообразны и индивидуальны в различных языках, поэтому вопрос о типах сложного слова, а также вопрос о своеобразии структуры сложного слова — это такие вопросы, которые надо рассматривать в рамках конкретных языков.

Словосложение очень развито в ряде индоевропейских языков: из западноевропейских языков в таких, как английский, немецкий, из восточных — в таких, как индийские (особенно древнеиндийские) и иранские языки.

Впервые сложные слова были описаны древнеиндийскими лингвистами, которые устанавливали на основе бинарного членения любого сложного слова шесть основных типов словосложения, представленных в санскрите:

1. tatpuruṣa («его человек») — первый элемент — существительное или местоимение: vedavid «знаток Вед», rājāputra «царский сын»;

2. karmadhāraya (значение термина неясно) — первый элемент — прилагательное или наречие: mahāgājā «великий раджа», sukṛta «хорошо сделанный» и т. п.;

3. dvigu («две коровы») — первый элемент — числительное: sapṭarsi «семь мудрецов», trivarga «три (высших) варги» и т. п.;

4. bahuvrīhi («имеющий много рису») — сложное посессивное определение (обычно одушевленного предмета), образованное на основе предыдущих типов слов, особенно часто karmadhāraya: mahātmā «великодушный», tricakṣus «трехглазый» и др.;

5. dvandva («два и два») — словосложение, адекватное синтаксической конструкции с сочинительной связью: pāṇipāda с. «руки и ноги», mītravaruṇau м. «Митра и Варуна» и др. (в эпическом санскрите — многосоставные);

6. avayāibhava («ставшее неизменяемым») — сложное наречие типа anugangam «вдоль Ганга» или yathāvidhi «по правилам, как следует».

В современных индийских языках встречаются те же типы сложных слов, причем древнеиндийские словообразовательные модели широко используются для образования новых слов общественно-политической и научной лексики хинди: śānti-pramī м. «сторонник мира», śānti-sammelan м. «конференция сторонников мира» или anvāṣaṇ-saṁstha ж. «научно-исследовательское учреждение», āyāt-niryāt м. «экспорт и импорт» и т. п.

Древние индоиранские типы сложных слов реже прослеживаются в современном персидском языке, где выделяют сложение:

1) двух существительных: šotor-morǵ «страус» (шотор «верблюд», morǵ «птица», т. е. «птица-верблюд»); 2) существительного и прилагательного: xub-surāt «красивый» (хуб «хороший», surāt «лицо», т. е. «хороший лицом»); 3) существительного и

числительного в посессивном определении: чāһарчешм «четырёх-глазый» (чāһар «четыре», чешм «глаз»); 4) прилагательного с глагольной основой: хошамād «лесть» (хош «приятный», амād — основа прошедшего времени глагола амādān «приходить»); 5) сложение двух глагольных основ: рāфтoамād «хождение взад и вперед, движение туда и сюда» (рāфт<рāфтān «идти», o — интерфикс, амād<амādān «приходить»).

В персидском, как и в хинди, иногда встречаются сложения более чем из двух основ: х. пāн-биджлй-гхар «гидроэлектростанция» (пāн «вода», биджлй «электричество», гхар «дом») или п. тāхтэпаккон «тряпка для стирания с доски» (тāхтэ «доска», пак «чистый», кон<кāрдāн «делать»).

Достаточно полно описанные и исторически исследованные сложные слова германских языков⁶⁶ продолжают привлекать современных языковедов, как зарубежных, так и советских⁶⁷. Сложные слова продолжают исследоваться с точки зрения их генезиса как наиболее распространенный способ словообразования (особенно в немецком языке), со стороны их отличия от словосочетания (в английском языке).

В основу понимания природы сложных слов в германских и индоиранских языках положен принцип системности языка, принцип взаимосвязанности и взаимообусловленности языковых явлений.

Сложные слова как способ выражения деривационных грамматических значений широко используются в дравидских языках, в малайско-полинезийских языках (например, в современном индонезийском).

Особую картину представляет сложение слов в китайско-тибетских, во вьетнамском и в японском языках.

Роль корневой морфемы (слога) в китайском и вьетнамском языках очень велика, и поэтому сочетание корневых морфем играет в грамматике этих языков большую роль.

Сложные слога образуются на базе сочетаний односложных (одноморфемных) слов. Например, сложение двух антонимов (duōshāo «сколько», из duō «много» и shāo «мало»); «агглютинирующее» сложение при образовании результативных глаголов (náchū «выносить», из nā «взять» и chū «выходить»); «фузионное» сложение для образования новых терминов (huochē «поезд», из huō «огонь» и chē «телега») и др.

⁶⁶ Начиная с классической работы: Grimm J. Deutsche Grammatik (Göttingen, 1822—1826 и последующие издания), известных общих работ младограмматиков (Brugmann K. und Delbrück B., Paul H.) и более специальных работ (Osthoff H.), а далее такие исследования, как Jacobi H. Kompositum und Nebensatz. Bonn, 1897, или позже: Rozwadowski J. Wortbildung und Wortbedeutung. Heidelberg, 1904; из более новых работ: Carr Ch. T. Nominal Compounds in Germanic. London, 1939 и ряд других исследований.

⁶⁷ См., например, работы 30—50-х годов А. А. Десницкой, М. Д. Степановой, О. С. Ахмановой. Очень интересна трактовка сложных слов в работах по английскому языку А. И. Смирницкого [165а] и В. Н. Ярцевой [210; 211].

Сложные слова японского языка включают в себя как слова японского, так и китайского типа.

Сложные слова японского типа состоят из основ, и значение слова в целом раскрывается из значения основ: *simaguni* «островная страна» (*simā* «остров», *kuni* «страна»); *midoriiro* «зеленый» (*midori* «зелень», *iro* «цвет»).

Сложные слова китайского типа называются корнесложными и состоят из фонетически преобразованных, иногда переосмысленных японцами китайских корней, которые, как правило, самостоятельно в японском языке не употребляются: *daigaku* «университет» (*daī* «большой», *gaku* «наука»), *benkyō* «заниматься» (*ben* «стараться, быть прилежным», *kyō* «сильный»).

Нередко сложные слова сочетают в себе и японский и китайский словообразовательные типы. Например: *bunkakaikan* «дом культуры»: 1) *bunka* «культура», *kaikan* «дом» — японский тип сложения; 2) *bun* «литература»; «письменность»; *ka* «превращаться»; *kaikan* «заседание»; «общество»; *kan* «здание, дом» — китайский тип сложения.

Супплетивизм

К способам выражения грамматического значения, распространенным лишь в ограниченном количестве языков, относится супплетивизм (от лат. *supplēre* «сплетать», «пополнять»).

Супплетивизм — это образование грамматических форм одного и того же слова от разных корней или от разных основ. Например, *братъ* (несов. в.) — *взять* (сов.в.) образованы от разных корней, *садиться* (несов. в.) — *сестъ* (сов. в.) образованы от разных основ.

Супплетивизм как способ выражения видовых различий глагола существует в русском языке наряду с аффиксацией.

Супплетивизм как единственный способ выражения грамматических значений характерен для парадигм склонения личных местоимений в индоевропейских языках:

я — меня, она — ей, мы — нас

с. *aham — mām, sā — tāsyaī, vayam — asmān, naś*

нем. *ich — mich, sie — ihr, wir — uns*

англ. *I — me, she — her, we — us*

фр. *je — me, moi, и т. д.*

В индоевропейских языках способ супплетивизма используется также при образовании степеней сравнения прилагательных со значением «хороший» и «плохой»: р. *хорошо — лучше*; нем. *gut — besser*; англ. *good — better*; фр. *bon — meilleur*.

Супплетивизмом является случай образования форм единственного и множественного числа существительных от разных корней или основ: *человек — люди, ребенок — дети* и др.

Изучение истории языков позволяет вскрыть несколько путей образования супплетивных форм. Так, иногда синонимические

пары корней, утрачивая противопоставление некоторых форм, образуют новую парадигму. Например, в древнеиндийском языке было два глагола со значением «смотреть» — *daṛṣ* и *raṣ*; в дальнейшем формы системы настоящего времени стали образовываться от основы настоящего времени глагола *raṣ*, а остальные формы — от глагола *daṛṣ*. В результате в системе форм словоизменения глагола со значением «смотреть» образовались супплетивные формы *daṛṣ* — *raṣu* (IV класс).

Синтетизм и аналитизм

Все рассмотренные грамматические способы представляют собой выражение грамматического значения внутри слова, в рамках самого слова. Такие способы носят название синтетических грамматических способов. Тут в одном слове синтезируется и лексическое и грамматическое значение. Языки, в которых такие грамматические способы преобладают, называются синтетическими языками, или языками с синтетическим строем.

Аналитические способы выражения грамматического значения — это такие способы, которые выражают грамматическое значение вне слова.

§ 8. Аналитические способы выражения грамматических значений

К аналитическим способам относится выражение грамматического значения при помощи служебных слов, порядка слов и интонации. Языки, использующие преимущественно аналитические грамматические способы, обладают аналитическим строем.

Сл о с о б с л у ж е б н ы х с л о в

Как указывалось выше, служебные слова передают отношения между знаменательными словами, выражают их грамматические значения.

К служебным словам относятся артикли, предлоги и послелоги, вспомогательные глаголы, слова степени, «пустые» слова и некоторые другие, а также союзы и частицы.

Артикль

Артикль — служебное слово, встречающееся далеко не во всех языках. В тех языках, в которых имеется артикль, широта его грамматических функций неодинакова. Какими же могут быть грамматические функции артикля? Рассмотрим их в порядке частоты их встречаемости в языках. Прежде всего, артикль выступает как признак имени существительного. Присоединение артикля к неизменяемым словам и даже к целым словосочетаниям превращает их в имена существительные. Субстантивация путем присо-

единения артикля наблюдается в германских, романских языках и некоторых других: нем. essen «есть» — das Essen «еда»; англ. to play «играть» — the play «игра»; фр. diner «обедать» — le diner «обед» и др.

Далее, грамматической функцией артикля является выражение грамматической категории определенности — неопределенности. Соответственно этому существуют определенный и неопределенный артикли (нем. der — ein, die — eine; англ. the — a; фр. le — un, la — une), а также нулевой артикль (нем. ein Tisch «какой-то стол» — Tische «какие-то столы»).

В некоторых языках, например в немецком и французском, артикль является способом выражения категории рода: der Deutsche «немец» — die Deutsche «немка».

Артикль выражает в этих языках также и категорию числа. В немецком языке артикль выражает число наряду с изменением формы существительного (der Knabe «мальчик» — die Knaben «мальчики») или (реже) как единственный способ выражения числа, без изменения формы существительного (нем. das Fenster «окно» — die Fenster «окна»). Во французском языке артикль всегда является единственным способом выражения числа.

Наконец, артикль немецкого языка обладает еще одной грамматической функцией: он является способом выражения отношений между словами в предложении, т. е. обладает функцией выражения категории падежа:

Им	der Tisch	«стол»,	die Lampe «лампа»,
Р.	des Tisches	«стола»,	der Lampe «лампы»,
Д.	dem Tisch(e)	«столу»,	der Lampe «лампе»,
В.	den Tisch	«стол»,	die Lampe «лампу».

Как способ выражения граммы падежа артикль по функции сопоставим со словоизменительными аффиксами (см. приведенный выше пример).

Предлоги и послелоги

Предлоги и послелоги обладают одинаковыми грамматическими функциями: они выражают отношения между словами в речевой цепи, уточняя значение граммем падежей. Таким образом, предлоги и послелоги выражают пространственные, временные, целевые, причинные отношения, отношения принадлежности и некоторые другие.

В древних индоиранских языках предлоги и послелоги не были дифференцированы. Как служебные слова с определенной грамматической функцией они могли первоначально стоять по отношению к имени существительному и в препозиции и в постпозиции.

Например, в санскрите prati bhadrāya «к счастью» и aṣṭamam prati «к обители» (одно и то же служебное слово prati «к, при, относительно, против» выступает как предлог или как послелог).

Позже в индийских языках формируется система послелогов: она включает в себя простые, сложные и составные послелоги.

В современном персидском языке наряду с развившейся системой предлогов один послелог [ра]: *мāн бэ то гофтāм* — «Я тебе сказал», *мāн дār барэ-йэ то гофтāм* — «Я сказал о тебе» (предлоги); *то ра дидāм* — «Я увидел тебя» (послелог).

В большинстве языков, располагающих аналитическими способами выражения грамматических значений, наблюдаются системы предлогов: в английском, французском, немецком языках, в меньшей степени — в русском языке.

Система предлогов широко развита в индонезийском языке, например, как способ выражения граммем падежей; такой же функцией обладают простые, производные и составные предлоги в языке хауса.

Вспомогательные глаголы

Вспомогательные глаголы — служебные слова, обладающие в отличие от прочих служебных слов формами словоизменения, т. е. членимые на морфемы. При помощи вспомогательных глаголов в языках образуются сложные (аналитические) глагольные формы. В таких формах основной глагол — носитель лексического значения — употребляется в какой-либо неизменяемой общей форме (инфинитив, причастие), а совокупность грамматических значений (лицо, число, время) выражается формами вспомогательных глаголов:

<i>я буду</i>	} <i>писать</i>	<i>мы будем</i>	} <i>писать</i>
<i>ты будешь</i>		<i>вы будете</i>	
<i>он будет</i>		<i>они будут</i>	

Развитая система аналитических глагольных форм наблюдается в английском, французском и немецком языках.

В качестве вспомогательных глаголов выступают глаголы с общим значением «быть» (*to be, sein, être*), «иметь» (*to have, haben, avoir*), «делать» (*faire*), «становиться» (*werden*).

В русском языке кроме приведенной выше аналитической формы будущего времени глаголов несовершенного вида употребляются еще аналитические глагольные формы как способ выражения некоторых смысловых оттенков категории вида. При этом выступают вспомогательные глаголы *начать* и *кончить*: *Он начал говорить (он заговорил)*; *Он кончил на сегодня работать (он на сегодня отработал)*.

Как вспомогательные выступают глаголы движения и модальные глаголы в таких, например, предложениях, как *Они пошли гулять*; *Я должен сказать, что...* и т. п.

Вспомогательные глаголы широко используются как грамматический способ выражения категории лица, числа, времени, залога и наклонения в современных индоиранских языках. В персид-

ском языке вспомогательные глаголы принимают участие в образовании почти всех (кроме трех) глагольных временных форм, сослагательного наклонения и страдательного залога. В хинди многочисленны аналитические глагольные формы, образованные сочетанием причастий со вспомогательным глаголом хонā «быть» в различных формах времени и наклонения, а формы страдательного залога образуются со вспомогательным глаголом джānā.

Своеобразна система вспомогательных глаголов в японском языке. Многообразны функции вспомогательных глаголов в китайском языке (характер участия вспомогательных глаголов в сказуемом определяет различные типы предложений китайского языка).

«Слова степени»

Четко выраженной функцией в языках обладают служебные слова, называемые «словами степени». Они выступают как способ образования степеней сравнения качественных прилагательных и наречий в языках различных семей (например, в индоевропейских языках и тибето-бирманских или малайско-полинезийских). По происхождению «слова степени» — это наречия степени («очень, более») или местоименные образования («самая интересная книга»). Как пример можно привести многочисленные слова степени в хинди: бахут «очень», барā «очень», кāфй «достаточно», адхик «более», зъādā «более», билкул «совершенно» и ряд других.

«Пустые слова»

В ряде языков служебными словами являются так называемые «пустые слова». Они сопровождают знаменательные слова, беря на себя выражение их грамматических значений.

Таковы счетные слова в индонезийском языке, употребляемые для выражения грамматической категории числа (употребляются обычно с числительными): orang «человек», ekor «хвост», buah «плод», bidju «зерно», botang «ствол» и др. Например: Dua orang guru «два учителя».

«Пустые слова» турецкого языка, а также китайского встречаются как слова — показатели пола. Например, к существительному, называющему человека по его занятиям, присоединяются слова пǐ «женщина» или nán «мужчина»: nántóngxué «ученик», pǐtóngxué «ученица». Для названия детенышей животных используют слова ér «сын» или xiǎo «маленький»: gōu «собака», gōuér «щенок», niú «корова», xiǎoniú «телка».

Видо-временные слова

Служебные видо-временные слова, наблюдаемые, например, в индонезийском языке, передают грамматические значения вида

и времени глагола: и. *Dia sedang membatja* «он читает», *Dia sudah membatja* «он уже прочитал», *Dia akan membatja* «он прочтет», «он будет читать».

Союзы и частицы

Союзы — служебные слова, выражающие грамматические отношения между словами в предложении и между предложениями.

Союзы представлены во всех известных языках примерно одними и теми же группами в соответствии со значением отношений, ими выражаемых⁶⁸.

1. Сочинительные союзы выражают отношение между словами в предложении и между предложениями, входящими в состав сложносочиненного предложения. Они объединяют три группы союзов: 1) присоединительные; 2) противительные; 3) разделительные.

2. Подчинительные союзы выражают отношения между предложениями, входящими в состав сложноподчиненного предложения, и составляют пять групп: 1) временные союзы; 2) союзы цели; 3) причины; 4) условные союзы; 5) союзы следствия.

3. Пояснительные союзы (такие, как «то есть», «а именно», «как-то»).

К служебным словам относятся частицы. Они передают различные модальные значения, а также и некоторые другие оттенки грамматических значений (вопрос, отрицание, восклицание, неопределенность и др.).

Союзы и частицы являются способом выражения грамматических значений на уровне словосочетания и предложения, т. е. синтаксическими грамматическими способами.

Специфику системы союзов или частиц того или иного языка в полном объеме, так же как и два последующих грамматических способа, следовало бы рассматривать на конкретном иллюстративном материале после ознакомления с вопросами синтаксиса.

Интонация и способ порядка слов

Способ интонации, характеризую фразу в целом, тоже является средством выражения грамматических значений на уровне синтаксиса. Об интонации как способе дифференциации типов предложений см. в гл. III «Синтаксис».

Роль порядка слов для выражения отношений между словами в речевой цепи в значительной степени связана с употреблением в языке грамматического способа аффиксации. В предложениях *Я читаю книгу* или *Бабушка любит внука* возможны любые пере-

⁶⁸ Мы избегаем перечисления союзов, так как нередко один и тот же союз в том или ином языке может выступать в нескольких функциях (см., например, русский союз *а* как противительный и как присоединительный — Толковый словарь русского языка/Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1. С. 1—2).

становки слов без изменения их грамматического значения (изменение порядка слов в подобных предложениях играет только стилистическую или логическую роль). Это обусловлено наличием аффиксов, однозначно передающих грамматические значения слов в данных предложениях. Рассмотрим другой пример: *Дом загораживает флигель* или *Якорь задевает цепь*. В этих предложениях существительные неодушевленные мужского рода (*дом, якорь, флигель*), а также существительные женского рода на мягкую или шипящую гласную (*цепь*; могло бы быть и существительное среднего рода типа *окно, путешествие* и т. п.) воспринимаются как подлежащее или дополнение в зависимости от положения до или после сказуемого. Сравним: *Флигель загораживает дом; Цепь задевает якорь*.

В ряде языков фиксированным является место определения по отношению к определяемому, например: и. *katag kedu* «вторая комната», а *kedua katag* «обе комнаты».

Чем большую роль в языке играет аффиксация для выражения отношений между словами в предложении, тем меньшую грамматическую роль играет порядок слов. Так, большой свободой в порядке слов отличались древние индоевропейские языки с богатой системой форм словоизменения (древнеиндийский, древнегреческий, латинский).

Понятно, что те современные языки, в которых аффиксация играет второстепенную роль, для выражения грамматических значений широко используют способ порядка слов. Так, в английском, французском, немецком языках порядок слов является важным грамматическим способом.

Порядок слов играет большую роль в выражении грамматических значений в индонезийском языке. Ограничимся только одним примером: определение всегда следует за определяемым словом. При изменении порядка слов меняется смысл высказывания, например, *guru kita* «наш учитель», но: *kita guru* «мы — учителя».

Важную роль играет порядок слов в таких языках, как китайский или вьетнамский, для которых аффиксация не является способом выражения реляционных грамматических значений.

§ 9. Из вопросов типологии

Типы слов в соответствии с их структурой

Как показало рассмотрение вопросов «внешней морфологии», во всех языках, несмотря на большие или меньшие различия их грамматического строя, можно установить общие типы слов (частей речи) в соответствии с их структурой.

Во-первых, корневые, или простые, слова — *ход, лес, стол, дом*⁶⁹ и т. п. В русском языке подобного рода слов немного.

⁶⁹ Здесь и далее ввиду обобщающего характера излагаемой темы ограни-

Корневые слова очень многочисленны в целом ряде языков. В китайском и вьетнамском языках корневые слова составляют основную часть лексики.

Вторая структурная группа слов — слова производные. Они включают в себя кроме корневой морфемы еще морфему с деривационным значением (*лесок, столик, столовая, ходики, под-ход* и т. п.) и с реляционным (*окно, окну, рукой, дома* и т. п.). Такого рода производных слов очень много в русском языке, в индийских языках. С точки зрения порядка расположения морфем в таких словах обычно говорят о языках суффигирующих (в изобилии имеющих слова, снабженные суффиксами) и префигирующих (в которых в производных словах преобладают префиксы). Примером суффигирующих языков являются тюркские языки.

Третий структурный тип — слова сложные: *паровоз, канал-строй, вездеход* и т. п. В русском языке их немного. Очень много их в китайском, вьетнамском, индонезийском, в индоиранских языках, в германских языках.

Наконец, четвертый структурный тип слов — слова сложно-производные. Они состоят из двух корневых морфем, подобно предыдущему типу, и из словообразовательной морфемы: *знамено-сец, языкознание, кораблестроение*.

В любом языке можно наблюдать общие структурные типы слов, но удельный вес того или иного типа слов будет различен в каждом отдельно взятом языке, что и составляет своеобразие языка с точки зрения структуры слов.

Понятие языкового типа

На основе различия структурных типов слов создана морфологическая классификация языков мира. Морфологическая классификация языков была намечена еще в первой половине XIX в.

Согласно этой классификации, выделяют языки корневые, или корнеизолирующие (иногда их неудачно называют также аморфными, т. е. не имеющими формы). Для корневых, или корнеизолирующих, языков характерны такие структурные типы слов, как *лес, дом*, и сочетания типа *каналстрой*, т. е. слова корневые и сложные. Эти слова-морфемы в своем сочетании образуют множество различных вариантов слов. Сочетания слов корнеизолирующего характера преобладают в китайском языке, во вьетнамском языке. Аффиксация в корнеизолирующих языках играет определенную роль только в сфере словообразования.

Если говорить о словах типа *окно, рукой, дома*, то они дают представление о языках флективных, или, как теперь чаще говорят, о языках фузийных. При фузии в словах как бы сплавляются выражения лексического и грамматического значения. Во флек-

чимся примерами из русского языка, примеры же из других языков имеются в соответствующих частях двух предыдущих параграфов.

тивных языках органическая спаянность слов сказывается, во-первых, в наличии словоизменятельных аффиксов (внешняя флексия), во-вторых, в наличии внутренней флексии.

Третья группа слов — слова типа *домик* или *лесок* — дает представление о третьем морфологическом типе языков, которые получили название языков агглютинирующих, или агглютинативных. У приведенных слов деривационный суффикс *-ик* всегда имеет уменьшительное значение. Примером языков агглютинирующих могут служить тюркские языки, в которых агглютинация выступает наиболее часто и четко.

При знакомстве с фузией и агглютинацией возникает вопрос, в чем отличие аффиксации фузийной от аффиксации агглютинирующей.

В фузийных языках, во-первых, аффиксы присоединяются к корневой (лексической) морфеме, которая обычно самостоятельно, без аффиксов не употребляется: *вод-а*, *рук-ой*, *быстр-ого* и т. п.

Во-вторых, соединение аффикса и корня столь тесное, что в ряде случаев сопровождается звуковыми изменениями: 1) в составе корня (*ветер* — *ветра*, *стукать* — *стучать*, *друг* — *друзья* и т. п.); 2) на границе морфем (*брат-ский* — [бра́цкѣй]).

В-третьих, аффиксы в фузийных языках многозначны. В таких словах, например, как *стена*, *вода* и т. п., аффикс *-а* одновременно выражает грамматический род, падеж и число.

В-четвертых, аффиксы фузийных языков нестандартны, т. е. один и тот же аффикс может выражать различные грамматические значения (например, *стена*, *дома*, *старшина* — аффикс *-а* выражает различный род, различное число). С другой стороны, одно и то же грамматическое значение может передаваться различными аффиксами, например, граммема «дательный падеж» в словах *дому* или *пути* передается разными аффиксами (*-у*, *-и*).

В агглютинирующих языках аффиксы присоединяются к корневой морфеме, функционирующей в языке как самостоятельное слово: т. е. «дом», ат «лошадь», а в русском — *лес-ок*, *дом-ик* (т. е. агглютинация в сфере словообразования).

Аффиксы механически «приклеиваются» к корню, при этом звуковых изменений в корне не происходит, большинство же аффиксов, по крайней мере в турецком языке, подвергается звуковым изменениям: ассимиляция согласному корня (ат «лошадь» — ат-да «на лошади» > атта) и ассимиляция гласному корню, «гармония гласных» (ат мн. ч. атлар «лошади», ев «дом» — евлер «дома»).

Аффиксы в агглютинирующих языках однозначны, т. е. количество аффиксов соответствует количеству выражаемых грамматических значений. Так, *-lar/-ler* передают только значение «множественное число», *-da* — только значение местного падежа. Поэтому ат ед. ч. атта «на лошади» — атлар мн. ч., атларда «на лошадях».

Отсюда следует, что аффиксы агглютинирующих языков стандартны, т. е. каждый аффикс передает одно и то же грамматиче-

ское значение, или, иначе, определенное грамматическое значение всегда закреплено за одним и тем же аффиксом (см. приведенный выше пример⁷⁰).

При типологической классификации языков устанавливается четвертый тип языков — инкорпорирующий, или полисинтетический. Для структуры слова в языках этого типа характерна незавершенность; только в составе целого предложения слово обретает форму. Грамматическое значение слова выявляется через структуру целого предложения. Инкорпорирование наблюдается в индейских, палеоазиатских языках и исследовано еще недостаточно полно по сравнению с первыми тремя типами.

Традиционная морфологическая классификация, т. е. выделение корнеизолирующего, агглютинирующего и флективного типов языков, основывалась на характеристике языка по одному какому-либо структурному признаку слов, тогда как реально различные структурные типы слов в языках сосуществуют.

В чистом виде флективных, агглютинирующих или корнеизолирующих языков нет, но какой-либо из рассмотренных нами структурных типов слов в том или ином языке преобладает. Именно в этом смысле мы говорим, что русский или арабский языки — языки флективные, турецкий или японский языки — агглютинирующие, а китайский — корнеизолирующий.

О направлениях типологических исследований

«Типология является одним из самых древних и вместе с тем наименее разработанных разделов языкознания» [289, 19]. Основателем типологии принято считать В. Гумбольдта.

Типологическое описание языков было предложено в начале XIX в., причем первые типологические классификации были морфологическими, т. е. базировались на структурных особенностях слов.

Успехи сравнительно-исторического языкознания начала и середины XIX в. в разработке генеалогической классификации языков⁷¹ отразились и на интерпретации типологической классификации: установленные морфологические типы языков начали восприниматься как стадия эволюционного развития.

В связи с попытками установить связи между типом языка и факторами экстралингвистического порядка (например, психологией народа, степенью развития культуры, идеологией) складывается оценочный принцип подхода к типологической характеристике языков. Однако «сходства и различия языковых явлений в большинстве случаев не удалось поставить в связь с явлениями иного порядка» [289, 24—25].

⁷⁰ Немногие аффиксы современного турецкого языка противоречат этому. Так, многообразно значение и функции аффикса -lik.

⁷¹ Подробнее об этом см. [84, 47—53].

Совершенствование и уточнение традиционной морфологической классификации языков принадлежат американскому ученому Э. Сепиру [284, гл. IV]. Сепир предлагает, отходя от традиционной морфологической классификации, многоступенчатую классификацию на основе выражения в каждом языке разного типа понятий — корневых, деривационных, смешанно-реляционных (соединение в слове лексического значения и значения отношений) и чисто реляционных (выражение значения отношений вне слова). Далее языки распределяются по «технике синтеза» и по «степени синтеза». По технике синтеза устанавливаются изолирующие языки (соединение элементов в слове свободное, например, как в китайском языке), агглютинирующие (с более прочной связью элементов слов), фузийные (с очень прочной связью, с внешней флексией) и, наконец, символические (языки с внутренней флексией).

По степени синтеза различаются аналитические (например, английский, французский), синтетические (например, древние индоевропейские языки) и полисинтетические (например, некоторые языки американских индейцев). Использование разнообразных классификационных признаков привело к увеличению классификационных групп, к уточнению понятий традиционной морфологической классификации, к более гибкому описанию типа языка.

Сепир «первым из типологов призвал рассматривать языковой материал не как набор элементов, а как систему» [114, 531].

Количественные принципы подхода к характеристике морфологического типа языка были предложены Дж. Гринбергом [243] как дополнения к методу классификации Сепира. Классификация Дж. Гринберга основывается на пяти признаках («параметрах»), получающих количественное уточнение в каждом конкретном случае. Для этого вводятся десять типологических индексов. Например, индекс суффиксации S/W (где S — количество суффиксов, W — количество слов) показывает степень характерности суффиксации в обследуемом языке. Индекс деривационной суффиксации вычисляется из отношения соответствующих грамматических морфем (D) к числу слов (W) взятого текста, т. е. D/W .

Разработка принципов типологического описания языков ведется и в настоящее время.

Типологическое исследование языков — одно из ведущих направлений современного теоретического языкознания⁷² не только в связи с интенсивной разработкой в последние годы структурной типологии, но и потому, что типологические исследования сосредоточивают в себе комплекс проблем, принципиально важных для современного состояния науки о языке и имеющих в конечном счете большое методологическое значение.

⁷² О различных трактовках типологии см.: Скаличка В. О современном состоянии типологии [289], а также в сб.: Новое в лингвистике, вып. III. М., 1963 и другие статьи раздела I «Типологическое изучение языков»; по общим вопросам типологии см.: Базелл Ч. Е. Лингвистическая типология [220], а также в сб.: Принципы типологического анализа языков различного строя М., 1972 — статьи II раздела «Типологический анализ на грамматическом уровне».

Одной из таких проблем является проблема выявления общих (универсальных) свойств человеческого языка.

§ 10. Языковые универсалии

К постановке вопроса

«Самый вопрос о наличии универсальных феноменов в разных языках не мог бы возникнуть, если бы языки не характеризовались столь разительными типологическими расхождениями» [39, 12].

Любая классификация, т. е. распределение на классы, группы и т. п. по каким-либо отличительным признакам, предполагает также установление большей или меньшей степени близости классифицируемых объектов, установление общих, присущих им признаков, т. е. указание на определенное сходство между ними.

Сложившиеся в рамках науки XIX — начала XX в. сравнительно-историческое языкознание и ареальная лингвистика каждая со своих общетеоретических позиций классифицировали языки и соответственно объясняли языковое сходство. Сравнительно-историческое языкознание давало генетическое объяснение: языковое сходство связано с общностью происхождения языков. Ареальная лингвистика объясняла сходство языков их контактами.

Сходство языков, констатируемое в рамках типологической (морфологической) их классификации, не связано с фактором времени, как при генетическом объяснении, или с фактором пространства, как при ареальном объяснении языкового сходства. Типологическое сходство связано с изоморфизмом языков. «Переключение с одного языкового кода на другой возможно и практикуется в действительности именно потому, что языки изоморфны: в основе их структуры лежат одни и те же общие принципы» [256, 95].

Общие принципы, лежащие в основе всех языков как самобытных знаковых систем, выполняющих одни и те же функции в человеческом обществе, получили название языковых универсалий, причем толкование этих общих принципов в истории развития науки о языке не было единообразным.

Из истории исследования универсалий

«Практически почти во все эпохи лингвисты руководствовались представлениями об универсальности определенных явлений в языках» [184, 5].

Обращение к исследованию универсалий можно обнаружить еще в античном языкознании (например, учение о членах предложения). Средневековая *grammatika univrsalis* (XIII в.) складывается на основе признания всеобщими принципов грамматики классических (в первую очередь латинского) языков.

Позже универсальная грамматика Арно и Лансло, «Грамматика Пор-Руаяля» (XVIII в.), исходила из универсальности семантических категорий, лежащих в основе конкретного языка.

«В теории универсальной грамматики была правильно подчеркнута возможность извлечь (или отвлечь) план содержания из многообразия языков мира, но на то, как формируется это содержание благодаря специфическим особенностям различных сторон (или «уровней») языковой структуры, не было обращено внимания» [215, 8].

Идея общего, типичного в языках присутствует во многих трудах по языкознанию XIX в., начиная с В. Гумбольдта, писавшего о необходимости тщательного исследования языкового многообразия, «в котором находят свое отражение способы решения общей для бесчисленных народов задачи образования языков...» [252, 68].

Отождествление А. Шлейхером человеческого языка с живым организмом имело следствием признание определенного сходства языков в их исторических изменениях. «Все индоевропейские языки, а также неиндоевропейские, переживают сходный путь изменения не только в общих линиях, но и в частностях» — писал А. Шлейхер [286, 26], вводя в лингвистику понятие исторической, или диахронической, универсалии⁷³.

В последующие годы ученые обращают внимание на общие существующие в языках закономерности связи определенных явлений. Так, Ж. Вандриес [294, 83] отмечает взаимозависимость между количеством аффиксов и наличием чередования гласных в языках; в работах сиологов устанавливается связь между ограниченным количеством типов слогов в корнеизолирующих языках и наличием этимологических тонов как дополнительного средства различения слогов (см. об этом на с. 67).

В языкознании середины XX в. идея языковых универсалий получает свое признание и конкретное воплощение в работе Н. С. Трубецкого [292], а также в ряде работ и выступлений Р. О. Якобсона [256; 257]. Вопросы универсалий разрабатываются в трудах структуральной ориентации [244; 251; 293], в которых значительное место отводится методам выявления языковых универсалий как в плане диахронии, так и главным образом в плане синхронии, характеристике логической структуры универсалий и целому ряду других более специальных вопросов.

В советском языкознании структуральный подход к разработке универсалий нашел свое наиболее четкое и законченное выражение в работах Б. А. Успенского [183; 184]. Предложенный им свод универсалий [183, 186—222] находит признание и практическое применение в лингвистической практике [39, 11], однако методологические и методические предпосылки работы Б. А. Ус-

⁷³ В работах А. Шлейхера, Г. Курциуса, М. Граммона, А. Доза, А. Мейе, Ж. Вандриеса, Р. Готьё, Ф. Е. Корша, М. М. Покровского, О. Есперсена и других можно найти большое количество примеров, иллюстрирующих различные диахронические универсалии, отмечает Б. А. Серебrenников [157, 7].

пенского подвергаются критике за «априорное стремление верифицировать истинность любого явления, истинность любого лингвистического суждения путем применения так называемого логического метаязыка» [157, 11]. При этом, видимо, правильно отмечается, что возможности открытия новых универсалий в плане синхронной структуры языков не особенно велики [157, 14].

Виды универсалий

На основе установления в истории изучения языков общих принципов, заложенных в их структуре, можно говорить о нескольких основных видах универсалий.

Сам термин «универсалия»⁷⁴ предполагает наличие какого-либо языкового явления, свойственного всем языкам или по крайней мере их большинству. Так, например, во всех языках есть гласные и согласные, во всех языках есть местоимения и т. п. Это так называемые «неограниченные», «полные» или абсолютные универсалии. Они существуют в форме простого утверждения («Во всех языках имеется...» или «В большинстве языков существует...»). Абсолютные универсалии характеризуют любой язык человека, в отличие, например, от языка животных [251, 53—59]. Абсолютные универсальные свойства любого человеческого языка «сами по себе еще не создают никакой типологии, поскольку само понятие всеобщей универсальности исключает понятие типовой вариативности» [157, 16].

Другой вид универсалий — импликационные универсалии. Основанием для их установления является признание связи и взаимообусловленности языковых явлений. Например, если язык корнеизолирующий, то в нем нет морфологически оформленных частей речи. Подобные универсалии выделяются на основе причинной связи и существуют в форме импликаций («Если в языке имеется х, то имеется и у...» или «Если в языке имеется х, то не может иметься у...»).

Диакронические универсалии — это «такие общие законы или тенденции, которые осуществляются с высокой степенью вероятности для разных языков или для одного языка в процессе его существования во времени (ср., например, тенденцию к симметрии фонологических систем)» [244, 35].

Семантические универсалии связаны с выражением общего внеязыкового содержания в формах языка. Примерами таких универсалий является выражение в языке субстанции, процессуальности, объекта действия и т. п. Одна и та же семантическая универсалия лишена единообразия ее языкового выражения в различных языках.

Семантические, содержательные и т. п. универсалии в современном теоретическом языкознании восходят в большей или мень-

⁷⁴ Лат. universus — весь; общий.

шей степени к «понятийным категориям»⁷⁵, которые могут быть выявлены в различных языках только путем изучения типологических импликационных универсалий.

В целях уточнения понятия «универсалия» Б. А. Серебренников [157] предлагает разграничивать универсальные явления и лингвистические универсалии. Универсальные явления представляют общие свойства языков, зафиксированные в абсолютных универсалиях и, с определенными ограничениями, в семантических понятийных универсалиях.

К лингвистическим универсалиям могут быть отнесены импликационные, диахронические и другие типы универсалий, связанные с наличием в языках мира изоморфных черт и единообразных процессов, приводящих к одинаковым результатам. Лингвистические универсалии имеют в своей основе единообразный языковой, а не понятийный признак.

Лингвистические универсалии ввиду лежащего в их основе изоморфизма никогда не будут «неограниченными», абсолютными.

«Лингвистические универсалии, выражающие самые различные типы языкового единообразия, являются сугубо типологическими понятиями. Поэтому их изучение имеет большое теоретическое значение» [157, 16].

⁷⁵ По вопросу о семантических («понятийных») универсалиях при несколько различном их понимании см.: Гухман М. М. Универсалии и типологические исследования [182]; Бондарко А. В. Универсальные и неуниверсальные функции в грамматике [там же]; Кацнельсон С. Д. Об универсальных категориях в грамматике [там же].

ГРАММАТИКА: СИНТАКСИС

Введение

Грамматические значения и основные способы их выражения, а также типологическая классификация языков и связанная с ней проблема установления общих для ряда языков явлений были рассмотрены в их морфологических проявлениях. При этом в центре рассмотрения постоянно оказывалось слово. «Слово является наименьшей языковой единицей, которая обладает значением, актуализируемым как в синтагматическом, так и в парадигматическом ряду, в то время как значение морфемы актуализируется только в парадигматическом ряду. Далее, слово является наименьшей языковой единицей, способной выразить понятие в линейном синтагматическом ряду. Наконец, слово является наименьшей языковой единицей, способной быть носителем предикативности¹ (однословные предложения). Эти свойства слова как языковой единицы позволяют считать, что оно обладает свойствами языкового знака в большей мере, чем другие языковые единицы. В силу этого слово представляет собой основную языковую единицу, с которой непосредственно связано существование и функционирование других языковых единиц (фонемы, морфемы, модели словосочетания и предложения)» [118, 76—77].

Вопросы существования и функционирования фонем и морфем в слове составили содержание предыдущих разделов.

В III главе мы переходим к рассмотрению слов в их последовательности в составе словосочетаний и предложений, т. е. к рассмотрению вопросов синтаксиса².

¹ О предикативности см. ниже, с. 161.

² Специфика изложения вопросов синтаксиса в курсе по основам языковедения состоит в следующем: во-первых, так называемый «традиционный» синтаксис в его крайне нормативных проявлениях активно преподносится в процессе обучения в школе, и, таким образом, представления о синтаксисе, имеющиеся у слушателей курса, далеко отходят от исходных положений современного научного синтаксиса. Во-вторых, научный синтаксис переживает период интенсивных поисков. Нельзя не согласиться поэтому с тем, что «темпы выдвижения новых теорий в этой области лингвистики значительно опережают возможности их проверки на достаточно обширном языковом материале» [132, 5].

В таких условиях исследование и обобщение достижений синтаксической теории для наших целей оказались задачей исключительной сложности. При на-

§ 1. О предмете синтаксиса

Основой синтаксиса в истории науки о языке была теория предложения. Известно много определений предложения. Предложение рассматривалось с разных точек зрения, и, собственно, определение предложения в какой-то мере различает направления в области лингвистики. По тому, как определяют предложение, нередко можно судить о направленности всей грамматической теории той или иной лингвистической школы.

Логическое направление в теории синтаксиса

Древние греки, создатели теории синтаксиса, представляют логическое направление в синтаксисе.

В основе логического направления лежит отождествление грамматического строя языка и логического строя мышления при ведущей роли мышления. Сторонники логического направления отождествляли предложение с логическим суждением и, исходя из этого, определяли предложение как мысль, выраженную словами. Это так называемое традиционное определение предложения. Оно является универсальным для всех языков мира и основывается на том, что в языках логическая форма суждения, форма мысли слита с грамматической формой.

Следовательно, в предложении можно видеть отражение логического мышления. Логический субъект отождествлялся с грамматическим субъектом, с подлежащим. Логический предикат отождествляется с грамматическим предикатом, со сказуемым.

Вопрос о членении предложения так же показателен для развития синтаксической теории, как и вопрос об определении предложения. При членении предложения мы выделяем обычно подлежащее, сказуемое, дополнение, определение и обстоятельство. Такой традиционный принцип членения предложения был унаследован от древнегреческих языковедов.

Обычная школьная характеристика членов предложения ос-

писании III главы в основу была положена концепция автора, близкая той, которая проводится отечественными языковедами в исследованиях по синтаксису русского языка.

Методом исследования синтаксической системы языка, наиболее соответствующим специфике объекта и нашим задачам в настоящей работе, является описательный (дескриптивный) метод с целым набором исследовательских приемов. В соответствии с этим рассмотрение вопросов синтаксиса целесообразно строить на основе анализа конкретного материала какого-либо одного языка. В учебном теоретическом курсе естественно предпочесть для этих целей современный русский язык. В работе частично использованы примеры из книги И. И. Ковтуновой «Порядок слов в русском литературном языке XVIII — первой трети XIX в.» [78], из первого раздела (посвященного словорасположению в современном русском языке), и из работ Н. Ю. Шведовой [194; 195; 197].

новывается на логическом понимании предложения и его структуры.

Логическое направление в области синтаксиса достигло особого развития в период расцвета рационалистической философии (конец XVIII в.) и господствовало в науке о языке до второй половины XIX в.

Психологическое понимание предложения

В 60-х годах XIX в. логическое понимание предложения было подвергнуто критике. С критикой «логицистов» выступили сторонники психологического направления в языкознании. К середине XIX в. были достигнуты значительные успехи в области психологии, и это не могло не отразиться на исследовании языков. Языки начали рассматриваться как известное отражение процессов, протекающих в человеческой психике. Языковедами психологического направления, первыми выступившими с критикой логического синтаксиса, были на Западе немецкий ученый Г. Штейнталь, у нас — А. А. Потебня. Потебня доказал в своих работах, что между логикой и грамматикой нет тождества. Логические формы мышления неизменны, стабильны, а грамматика языков исторически меняется. Кроме того, логических категорий несравненно меньше, чем грамматических. Все это не позволяет отождествлять грамматику и логику.

Критикуя логическое направление в области синтаксиса, психологи исходили из двух основных соображений: во-первых, содержание предложения, говорили они, не всегда представляет логически оформленную мысль. Например, различного рода побудительные, эмоционально окрашенные предложения не тождественны логическому суждению. Во-вторых, предложение с точки зрения грамматической может быть правильным, а с логической точки зрения — нет. Между правильностью мысли и правильностью речи нет постоянного соответствия. Следовательно, считали психологи, предложение — это психический акт соединения определенных представлений в сознании говорящего, т. е. психологическое суждение.

Язык, как они говорили, выражает не логику мысли, а психический процесс коммуникации.

Логический подход к членению предложения тоже был подвергнут критике. Г. Пауль писал по этому поводу «Каждый член предложения, в какой бы грамматической форме он ни выступал, с психологической точки зрения может быть или подлежащим, или сказуемым, или связующим членом, или частью одного из этих членов» [277, 339]. В связи с этим стали различать психологическое подлежащее и психологическое сказуемое, которые устанавливаются не по формальной роли в предложении, а по времени появления их в сознании говорящего. Рассмотрим предложение *Летит*

птица³. Каким образом в сознании говорящего сформировывается это предложение? Говорящий видит какую-то летящую точку, летящий предмет, всматривается, и первое, что возникло в сознании говорящего, — представление о полете, выражается словами *Летит птица*. Можно было бы выразить то же представление и прямым порядком слов, но психологически главное выделить логическим ударением: *Птица летит*. И в этом и в другом случае независимо от порядка слов при понимании данного предложения как психологического суждения член предложения *летит* будет психологическим подлежащим, а член предложения *птица* — психологическим сказуемым, всегда выделяемым логическим ударением, иногда также изменением обычного порядка слов. При всем различии логического и психологического подходов к определению предложения и к принципам его членения эти синтаксические теории обнаруживают и нечто общее. «Общим для определения предложения как выражения логического суждения и для определения предложения как психологического суждения является отсутствие собственно-языковых признаков» [92, 69].

Формально-грамматический подход к предложению

В конце XIX — начале XX в. против логического направления в синтаксисе и против психологического понимания предложения выступили представители формального языкознания. Они предлагали рассматривать предложение с точки зрения его строения и критиковали как логицистов, так и сторонников психологического направления за игнорирование ими собственно-грамматических моментов при рассмотрении предложения. Языковеды формального направления обратили внимание на то, как в действительности построено предложение. Они установили, что с точки зрения морфологии в разных языках принцип построения предложения различен. Например, то, что мы говорим о строении предложения русского или других флективных языков, неприменимо к строению предложения палеоазиатских языков.

Такой подход к исследованию предложений был основан на знании большого фактического материала. Языковеды формального направления показали, что при формально-лингвистическом подходе к предложению нельзя отождествлять предложения в различных языках. В связи с этим для языковедов конца XIX — начала XX в. стало характерным выделение группы слов или словосочетания как особого вида синтаксических единиц. Понятие словосочетания (*Wortgruppe*) было введено немецким языковедом Д. Рисом [282], а у нас разрабатывалось Ф. Ф. Фортунатовым [186]. Исследование словосочетаний помогло вскрыть типологические особенности языков и выявить специфику строения предложения конкретного языка.

³ Пример Ф. Ф. Фортунатова.

В современном теоретическом языкознании складываются три точки зрения на предмет синтаксиса.

Во-первых, синтаксис рассматривается как учение о предложении и его частях⁴, членах предложения. Из современных работ такая точка зрения развивается, например, в книге Г. Г. Почепцова [132], в которой положения традиционного синтаксиса и новые приемы и методы исследования строения предложения объединяются в теорию конструктивного синтаксиса. При этом словосочетание не признается объектом исследования синтаксиса [132, 11—13].

Синтаксис определяется, во-вторых, как учение о словосочетании⁵. Последователи Ф. Ф. Фортунатова В. К. Поржезинский, М. Н. Петерсон, а также А. М. Пешковский [121] не усматривали качественного различия между словосочетанием и предложением. Так, М. Н. Петерсон трактовал предложение как разновидность словосочетания, как словосочетание, соотносимое с суждением. Сравнительно недавно идея синтаксиса словосочетаний развивалась профессором А. Б. Шапиро [190].

В настоящее время синтаксис словосочетаний кладется в основу описания синтаксической системы малоизученных языков.

Наибольшее признание в современном языкознании находит третья точка зрения, согласно которой предметом синтаксиса являются и словосочетание и предложение. Эта точка зрения находит свое наиболее полное выражение в синтаксическом учении академика В. В. Виноградова [41], в работах Н. Ю. Шведовой [194; 195; 196], В. А. Белошапковой [25], из работ по германистике — в исследованиях В. Н. Ярцевой [209; 211; 215], О. С. Ахмановой [15; 16]. При этом, однако, в понятие «словосочетание» вкладывается разное содержание. Так, В. В. Виноградов пишет: «Словосочетание... несет ту же номинативную функцию, что и слово. Оно так же, как и слово, может иметь целую систему форм» [40, 7—8]. Соотнося словосочетание со словом, В. В. Виноградов подходит к словосочетанию прежде всего как к лексическому явлению. Исследование словосочетаний в этом аспекте дало возможность В. В. Виноградову установить классификацию фразеологизмов русского языка⁶. В. Н. Ярцева, в отличие от В. В. Виноградова,

⁴ Эта точка зрения в определенной степени восходит к взглядам А. Дельбрюка в его работе «Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen» [236].

⁵ См.: Петерсон М. Н. Очерк синтаксиса русского языка [120] и Русский язык. М.—Л., 1925. Однако в своих последних выступлениях по теории синтаксиса М. Н. Петерсон снова обращается к проблемам предложения (см. об этом: Виноградов В. В. Синтаксическая система проф. М. Н. Петерсона в ее развитии [44]; Кочергина В. А. Михаил Николаевич Петерсон // Филологические науки. 1970. № 6).

⁶ См.: Виноградов В. В. Основные понятия русской фразеологии // Труды юбилейной сессии ЛГУ, секция филол. наук. Л., 1946. Краткое изложение

не считает обоснованным соотносить словосочетание со словом и не признает поэтому фразеологизмы словосочетаниями. Для В. Н. Ярцевой словосочетание — сугубо синтаксическое явление, которое «выделяется на базе предложения» [209] и характеризуется своими формально-грамматическими признаками.

О некоторых проблемах современного синтаксиса

Отсутствие в истории науки о языке единства в установлении предмета синтаксиса и в определении синтаксических единиц языка свидетельствует о том, что основной объект синтаксиса — предложение — представляет собой сложную языковую единицу, подходить к пониманию которой можно с разных точек зрения.

Множественность синтаксических подходов прошлого продолжена определенным образом и современным языкознанием. Так, структурный синтаксис начал разрабатываться в рамках структуральной теории языка (дескриптивная лингвистика) и обогатил синтаксические работы рядом новых исследовательских приемов: оппозиционный анализ, анализ по непосредственно составляющим, прием трансформации.

Семантический («глубинный») синтаксис исходит из универсальности синтаксических функций, объясняемых всеобщностью структуры человеческой деятельности, и противопоставляет поверхностным языковым структурам «глубинные структуры». Увлечение «глубинными структурами» разделяется далеко не всеми языковедами (см., например [50, 169])⁷.

Как мы увидим в дальнейшем, современный научный синтаксис предполагает уяснение ряда теоретико-лингвистических и философских проблем, важных в методологическом отношении.

Снова встает вопрос о соотношении языка и мышления, предложения и суждения, причем ввиду сложности этих явлений и многоаспектности взаимоотношений между ними встает ряд новых проблем. В частности, по-новому начинают ставить вопрос об уровнях языка в его синтаксических проявлениях⁸.

Вопросы парадигматических и синтагматических отношений на уровне морфологии и синтаксиса как новый аспект граммати-

классификации В. В. Виноградова см. в кн.: Кочергина В. А. Введение в языкознание [84, 450—452].

⁷ При изложении основ языкознания не рассматриваются в полном объеме вопросы истории развития синтаксической теории. О развитии синтаксических теорий см. в кн.: Ахманова О. С. и Микаэлян Г. Б. Современные синтаксические теории [17] и в кн.: Общее языкознание. Внутренняя структура языка [114]. Критический анализ трех типов синтаксической теории — традиционный синтаксис, структурный синтаксис, синтаксис «генеративный» — и обоснования концепции «глубинных структур» содержит статья Л. С. Бархударова «Проблема предложения в трактовке различных грамматических направлений» [23]; с критикой концепции «глубинных структур» выступает В. М. Солнцев [169].

⁸ Выделяется особый логико-грамматический уровень предложения, см.: Панфилов В. З. Взаимоотношение языка и мышления [118].

ческих исследований позволяют углубить представление о синтаксической системе языка и уточнить ряд понятий синтаксиса⁹.

Большое значение приобретает овладение современными приемами синтаксического исследования.

В области синтаксической теории много спорных и нерешенных еще вопросов. Поэтому при первом знакомстве с ней целесообразно ограничиться рассмотрением лишь некоторых, но, видимо, основополагающих вопросов¹⁰.

§ 2. Вопросы словосочетания

Вводные замечания

Слова в речевой цепи не представляют простую последовательность, а находятся в определенных отношениях друг к другу. Каждое слово связано не сразу со всеми словами предложения, а непосредственно с каким-либо одним самостоятельным словом. Это является основной идеей при выделении словосочетаний.

Словосочетание — это группа слов в предложении, непосредственно связанных между собой.

Словосочетание представляет собой смысловое и грамматическое единство не менее чем двух знаменательных слов и в целом подобно слову выполняет номинативную (назывную) функцию в языке¹¹. В семантико-грамматических признаках сочетающихся знаменательных слов коренятся наиболее существенные различия даже между близкородственными языками.

⁹ См.: Головин Б. Н. К вопросу о парадигматике и синтагматике на уровнях морфологии и синтаксиса [52] (интересен взгляд автора на словосочетания как на явления морфологической синтагматики). О путях исследования синтаксической парадигматики см.: Распопов И. П. Несколько замечаний о синтаксической парадигматике [138], а также обзорную статью: Костинский Ю. М. Вопросы синтаксической парадигматики//Вопросы языкознания. 1969. № 5. Представляет интерес ряд статей сборника «Синтагматика, парадигматика и их взаимоотношения на уровне синтаксиса» [159].

¹⁰ При рассмотрении их мы не претендуем на полноту. Это фрагменты, отражающие современные подходы к основным синтаксическим проблемам и сложившиеся у автора на основе исследования синтаксиса древнеиндийских языков и знакомства с современными синтаксическими теориями в целях изложения их в лекционных курсах по «Основам языкознания» и (частично) по «Общему языкознанию».

При рассмотрении сложного комплекса вопросов современной синтаксической теории желательно по соображениям эвристического порядка оставаться по возможности в рамках синтаксиса языка, что позволяет опираться на определенные исходные данные традиционного синтаксиса, сообщаемые в средней школе. Следующий затем выход за рамки синтаксиса языка (вопрос о предложении и высказывании) явится естественным следствием из проводимой в работе концепции предложения.

¹¹ Сочетание знаменательного слова со служебным образует иной вид словосочетаний, которые по их функции можно было бы назвать грамматическими, поскольку такие словосочетания служат уточнению грамматического значения знаменательного слова. В дальнейшем рассматриваются словосочетания, состоящие из знаменательных слов.

Семантико-грамматическая природа слов определяет характер их возможной связи.

Сочетание слов происходит на основе сочинительной (копулятивной) или подчинительной связи между ними.

Сочинительные словосочетания

В сочинительных словосочетаниях ввиду функционального единства их компонентов общие грамматические категории компонентов одинаковы, т. е. в таких словосочетаниях объединены слова, относящиеся к одной и той же части речи: *мать и отец; война и мир; высокий, но худой; быстро и хорошо* и т. п.

Система форм словообразования, т. е. парадигма, сочинительных словосочетаний образуется одинаковыми формами словоизменения составляющих их компонентов: *(нет) матери и отца — (о) матери и отца; (нет) высокого, но худого — (дать) высокому, но худому...*

Сочинительные словосочетания с точки зрения возможности их распространения являются «незамкнутыми» (Булаховский), «открытыми» (Щерба). Количество входящих в них компонентов не ограничено: «Возы были нагружены *сеном, соломой, мешками с мукой, горшками, кирпичом, дровами*» (А. С. Пушкин); «*О доблестях, о подвигах, о славе я забывал...*» (А. Блок).

Конструкции с сочинительными сочетаниями «образуют особый тип расширенных сочетаний многословного образования» [179, 157], четко противопоставляющихся словосочетаниям с подчинительной связью между компонентами.

Подчинительные словосочетания

Более многочисленны и разнообразны по своей структуре подчинительные словосочетания. Они образуются распространением слова в соответствии с его семантическими и грамматическими свойствами формой другого слова.

В отличие от сочинительных словосочетаний, словосочетания подчинительные являются замкнутыми, закрытыми. Количество входящих в них компонентов ограничено: основным структурным типом является двучленное словосочетание.

В подчинительных словосочетаниях одно из знаменательных слов является главным, стержневым словом, центром словосочетания¹². Оно-то и определяет структуру словосочетания в целом, а второе знаменательное слово выступает как компонент, зависящий от первого, *новый дом, дом отца, идти на станцию, очень большой* и т. д.

Система форм и связей внутри подчинительных словосочетаний зависит от грамматической природы главного компонента и от его

¹² Разграничивая в словосочетаниях смысловый центр и центр грамматический, В. Н. Ярцева признает, что, как правило, они совпадают [209, 450—451].

семантики. Поэтому парадигма подчинительных словосочетаний — это парадигма их главных компонентов (*дом отца — к дому отца — о доме отца*), которая дублируется в определенных типах словосочетаний зависимыми компонентами (*большой дом — большо му дому — от большо го дома*).

Сложилось несколько способов классификации подчинительных словосочетаний. В ряде случаев вопросы описания подчинительных словосочетаний требуют еще уточнения.

Словосочетания можно описывать в терминах морфологии — как сочетания определенных частей речи. В основу такой классификации кладется принадлежность главного компонента к определенной части речи и устанавливаются именные (*новая книга, человек дела*), адъективные (*очень высокий, бледный от усталости*), адverbиальные (*совсем близко, далеко от Москвы*) и глагольные (*читать письмо, писать красиво, уехать из города*) словосочетания.

Эту классификацию словосочетаний можно было бы назвать морфологической.

Словосочетания можно описывать и в терминах синтаксиса — как сочетания определенных членов предложения. Тогда в основу классификации кладется роль второго компонента как члена предложения и устанавливаются определительные (*новая книга*), объектные (*читать письмо, уехать из города*) и обстоятельственные (*очень высокий, совсем близко*) словосочетания.

Морфологический и синтаксический подходы к установлению типов словосочетаний определенным образом связаны. Важным фактором в них выступает лексическое значение сочетающихся слов. Что же остается неизменным при любой классификации?

О типах связи слов

Во всех рассмотренных группах словосочетаний стабильными остаются типы связи между компонентами, которые могут быть описаны по двум различительным признакам: 1) ограниченность/неограниченность развертывания; 2) ограниченность/неограниченность свертывания. На основе этих противопоставлений выделяются четыре типа связи¹³, которые принимаются нами за основу при анализе и классификации словосочетаний.

Атрибутивный тип связи, при котором развертывание неограничено, а свертывание возможно до «определенного (а не любого) компонента» [183, 90]. Атрибутивный тип связи объединяет слова со значением предмета, процесса, а также слова, ука-

¹³ Б. А. Успенский выделяет пять типов связи. Он пишет: «Последовательно также выделить и тип связи, при котором конструкция может быть свернута до любого ее члена (как при координационном), но развертывание ограничено (как при комплективном типе). Такой тип связи можно назвать аппозитивным. В самом деле, в конструкциях с приложением всегда можно опустить любой компонент; в то же время при помощи приложения конструкцию нельзя развернуть в неограниченно длинную» [183, 91].

зывающие на их признаки. Так, в русском языке любое сочетание существительного и прилагательного представляет вид атрибутивной связи, причем грамматическим приемом выражения атрибутивной связи выступает согласование. При согласовании грамматическое значение зависимого компонента словосочетания повторяет грамматическое значение главного компонента. «Однако формы рода, числа и падежа имен прилагательных выражают не внутренние оттенки качественных значений, а лишь указывают на синтаксическую связь прилагательных с именами существительными в процессе речи. Эти основные формы имен прилагательных являются формами синтаксических отношений, формами грамматического согласования» [40, 182]. Согласование характерно для языков с развитой системой форм словоизменения (например, для флективных языков). Атрибутивный тип связи будет связывать также и компоненты словосочетаний, названных выше адвербиальными или обстоятельственными. Грамматическим приемом выражения атрибутивной связи в этом случае выступает примыкание — простое соположение компонентов словосочетания. Это мы наблюдаем, например, в русском языке при сочетании с наречиями (*говорить громко, очень веселый* и т. п.). В ряде языков (в корнеизолирующих, например) примыкание выступает основным приемом выражения атрибутивного типа связи.

Комплетивный тип связи характеризуется невозможностью (или крайне ограниченной возможностью) развертывания и свертыванием до определенного компонента (как при атрибутивном типе)¹⁴. Это — связь компонентов словосочетаний с прямым или предложным управлением. При управлении грамматическое значение главного компонента обуславливает наличие определенного грамматического значения у зависимого компонента: *решать задачу (проблему); снимать книгу (с полки), копию (документа), шапку, обувь, пенку (с молока), комнату...; размышлять о случившемся; работать над книгой; писать письмо другу на Север...*

В случаях комплетивной связи особенно очевидна роль семантики слов в образовании словосочетаний. К проблеме сочетаемости слов одним из первых обратился акад. Л. В. Щерба [201]. Сочетаемость слов, связанная с их лексическими значениями, получила название синтаксической валентности [73, 63—64].

Третий тип связи — предикативная связь — характеризуется невозможностью свертывания и наблюдается только в предложении¹⁵. Предикативная связь как связь главных членов пред-

¹⁴ Ограниченность развертывания при комплетивном типе связи и неограниченность развертывания при атрибутивном типе связи поддаются логическому истолкованию как операция включения (символическая запись $X \subseteq Y$, см. [80, 89]) и операция пересечения множеств (символическая запись $A \cap B$, см. [80, 439]).

¹⁵ В учебной литературе до сих пор живет представление о «предикативных словосочетаниях» (сочетание сказуемого с подлежащим), являющихся как бы разновидностью подчинительных словосочетаний [51; 179]. Соединение подлежащего и сказуемого образует не «куски речи», не словосочетания как определенные формулы соединения двух знаменательных слов, а предикативную кон-

ложения выступает в каждом предложении со сказуемым¹⁶.

Четвертый тип связи — координационная (она же в других системах терминов — копулятивная или сочинительная связь). Это — связь функционально равноправных компонентов. При координационном типе связи конструкция может быть свернута до любого компонента; развертывание может быть неограниченно длинным [183, 90]. Примеры см. на с. 154. Координационная связь организует не только определенные словосочетания, но и сложносочиненные предложения¹⁷.

Специфика словосочетаний

Словосочетания «представляют собой единицы особого порядка — единицы в строении речи, известные куски (разрядка моя. — В. К.) речи, но не речь как таковую» [165, 50].

Как минимальный контекст они являются объектом изучения при исследовании и словарного состава языка, и его грамматического строя.

Словосочетания демонстрируют взаимозависимость и тесное взаимодействие в них как лексических, так и грамматических факторов¹⁸.

Исторически словосочетание может преобразоваться в устойчивую фразеологическую единицу (*она встала и затянула потуже свой пояс*) и фразеологическое единство (*затянуть пояс потуже*, т. е. «голодать») и, таким образом, полностью перейти в сферу лексики (*белый гриб, железная дорога, бить баклуши* и т. п.).

Однако в словосочетании может произойти и грамматикализация одного из компонентов словосочетания с перемещением в сферу морфологии (например, превращение словосочетания в аналитическую форму со вспомогательным глаголом, известное в ряде языков): *начал говорить, стал говорить, заговорил*.

В связи со спецификой природы словосочетаний изучение их шло определенный период времени по пути поиска, принципов от-

струкцию [94], которая, если ограничиться ее формально-грамматическим описанием, предстает как нераспространенное двусоставное предложение.

¹⁶ Но есть предложения, не обнаруживающие предикативной связи, обладающие, однако, предикативностью как характерной особенностью предложения. Поэтому В. З. Панфилов [118] предлагает различать предикативность и сказуемость (если предложение имеет *verbum finitum*). При таком понимании видов выражения предикации конструкция с предикативной связью всегда будет включаться в предложение, характеризующееся сказуемостью.

¹⁷ По этой причине координационная (сочинительная) связь нередко признается синтаксической связью, выступающей исключительно в рамках предложения, поэтому как словосочетания рассматриваются преимущественно подчинительные. Так, В. Н. Ярцева не склонна особо выделять сочинительные словосочетания, которые она подключает к подчинительным как их разновидность — расширенные словосочетания (*скучная, непонятная книга, нести корзину и пальто* [209, 450]).

¹⁸ Рассмотрение этого вопроса на материале английского языка см., например, в статье В. Н. Ярцевой «Взаимоотношение грамматики и лексики в системе языка», раздел III [215].

граничения словосочетания, с одной стороны, от слова¹⁹, с другой — от предложения.

Исследование грамматической природы словосочетаний (а именно оно интересует нас в настоящем разделе) — область, пограничная между морфологией и синтаксисом. Явление словосочетания может быть понято как морфологическая синтагматика. Ею поглотится так называемый синтаксис падежей — изучение значений какой-либо падежной формы в зависимости от употребления ее в различных словосочетаниях, в разных конструкциях²⁰.

С другой стороны, явление словосочетания может трактоваться и в сугубо синтаксическом плане — как один из возможных способов членения предложения²¹.

Выделяемые на базе предложения словосочетания могут быть сведены в каждом конкретном языке к конечному набору типов или формул, построенных в соответствии с «валентностью» слов и с морфологическими средствами данного языка.

Правила образования словосочетаний как правила расширения и развертывания частей предложения представляют собой «цикл правил», характеризующих (наряду с правилами построения предложения) определенный аспект синтаксической системы языка. Следует отметить, что «словосочетания являются факультативными компонентами иерархической цепи²², поскольку в простых случаях слова могут комбинироваться в предложения, не входя предварительно в состав словосочетаний» [167, 174—175].

Словосочетание и предложение представляют собой функционально разные единицы языка.

§ 3. Предложение

Вводные замечания

Второй и, пожалуй, основной единицей при изучении синтаксической системы языков выступает предложение.

¹⁹ Уяснению проблемы разграничения слова и словосочетания в отечественном языкознании во многом способствовали труды А. И. Смирницкого [165], В. В. Виноградова [43], В. Н. Ярцевой [209; 211 и др.], О. С. Ахмановой [15; 16], В. П. Сухотина [179].

²⁰ Как пример исследования такого рода: Кочергина В. А. Синтаксические конструкции с винительным падежом в эпическом санскрите // Вопросы индологии и индоевропейского языкознания. Institut Orientalistyczny, Skład Tur-kologii i Iranistyki. Warszawa, 1974. Теоретическое обоснование такого подхода к изучению синтаксиса падежей см.: Головин Б. Н. К вопросу о парадигматике и синтагматике на уровнях морфологии и синтаксиса [52].

²¹ Наряду с членением по членам предложения, членением на непосредственно составляющие и на синтаксические цепочки (о последнем см. [279]).

²² В данном случае иерархичность определяется «как отношение единиц разной слитности» и состоит «в том, что: а) менее сложные единицы входят в состав более сложных единиц как составные части и б) каждая менее сложная единица потенциально может выступать как предельно простой случай более сложной» (при отвлечении от качественного своеобразия каждой из единиц). [167, 173].

Понимание природы предложения как наиболее сложного языкового образования возможно только при уяснении ряда вопросов теории языка, философии, логики и психологии в их совокупности на современном уровне развития научных знаний. Нельзя не согласиться с тем, что «разногласия в определении предложения свидетельствуют как о трудности и сложности самого вопроса, так и о необходимости найти четкую методологическую основу для его решения» [199, 138]. Несмотря на существующие в настоящее время расхождения в вопросах синтаксической теории, оказывается возможным выделить и общее в современной теории предложения.

Через предложение осуществляется основная функция языка — коммуникативная.

Предложение является «главным средством формирования, выражения и сообщения мысли» [43, 254]. Поэтому одним из основополагающих вопросов синтаксиса является вопрос о соотношении предложения и суждения, а шире — языка и мышления²³. Мы видели, как в истории разработки синтаксических теорий отождествление мышления и языка, логического и грамматического при абсолютизации мышления (в логическом синтаксисе) или разъединение их и непризнание воздействия логического строя мышления на грамматический строй языка (в теориях психологистов) фактически снимали проблему взаимосвязи мышления и языка.

Одним из основных положений языкознания является признание тесной взаимосвязи между мышлением и языком.

Формы взаимосвязи и сложный механизм взаимодействия мышления и языка обусловлены двумя сторонами функционирования, двумя формами проявления и языка и мышления. «С одной стороны, и язык и мышление представляют собой порождение мозга человека как *homo sapiens*, с другой стороны, язык и мышление являются социальными продуктами, поскольку сам человек есть социальное явление» [113, 371]. Двойственная природа и языка и мышления, каждый из которых воплощает в себе единство социального и индивидуально-биологического, является их общей чертой²⁴. Понимание двойственной природы

²³ Вопрос об отношении языка и мышления включается в более широкую философскую проблему отношения сознания (мышления) и бытия («основной вопрос философии»). «Материалистическая концепция языка решает этот вопрос таким образом: поскольку сознание вторично по отношению к бытию и отражает объективную действительность, то, следовательно, и в языке через мышление также отражается мир вещей и явлений, познанных человеком» [113, 373].

²⁴ «В истории языкознания в той или иной форме всегда всегда отмечалась эта двойственность онтологии языка и мышления, которая в зависимости от представляемого направления интерпретировалась по-разному (ср. логический и психологический аспекты в так называемых «менталистских» теориях языка, виртуальную и актуальную сторону знака в разных вариантах у Э. Гуссерля, Ш. Балли и др., парадигматический и синтагматический аспекты языкового знака и, наконец, различные теории языка и речи» [113, 375].

языка, в частности, чрезвычайно существенно для осознания специфики предложения.

В языке и в мышлении «осуществляется познавательная и коммуникативная деятельность человека как члена общества» [87, 216]. В мышлении разграничивается две стороны: познание (чувственное познание и абстрактное мышление) и оформление знаний в качестве информации, а язык выступает как орудие познания (мышления) и как средство выражения мыслей и сообщения знаний другим людям «путем преобразования мыслительного содержания в коммуникативную информацию» [87, 216]. Соответственно этому и язык и мышление представляют собой, с одной стороны, явления статические, «в которых реализованы, закреплены достижения общественного познания» [113, 375], а с другой — динамические, проявляющиеся в мыслительном процессе и речевой деятельности²⁵. Объединение статических и динамических элементов в предложении также очень важно для понимания его специфики.

Признаки предложения

С точки зрения смысловой предложение характеризуется относительной завершенностью передаваемого им сообщения и обладает поэтому коммуникативной автономностью. Предложение представляет собой «закрытую систему», элементы которой структурно организованы определенными языковыми средствами.

Каждое предложение обладает предикативностью. Предикативность — это отношение содержания высказывания к действительности, устанавливаемое в момент речи²⁶.

О возможностях различных подходов к исследованию взаимодействия языка и мышления в соответствии с двойственной природой каждого из них см.: Рубинштейн С. А. Принципы и пути развития психологии [149] и Крушельницкая К. Г. Проблемы взаимосвязи языка и мышления. Раздел «Аспекты изучения проблемы» [113, 376].

²⁵ В современных синтаксических теориях общепсихологическая проблема соотношения общего и частного приобретает вид соотношения «язык—речь». Отношение к дихотомии «язык—речь» даже положено в основу классификации современных зарубежных лингвистических теорий в книге О. С. Ахмановой и Г. Б. Микаэлян [17].

О современном состоянии вопроса см.: Серебренников Б. А. Язык и речь [113, 83—90]; Мыркин В. Я. Некоторые вопросы понятия речи в корреляции: язык—речь [112]; Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование [167, 142—171]; специально в синтаксических исследованиях см., например: Белошапкова В. А. Грамматическая природа сложного предложения ([26, 139 и след.] о «статическом» и «динамическом» синтаксисе). О неправомерности отождествления дихотомии язык—речь с такими противопоставлениями, как форма — субстанция или система — текст, см. [167, 60—61].

²⁶ Существует мнение, что предикативность не может выдвигаться как видовой признак при определении предложения, так как предикативность есть свойство только предложения. Так, М. И. Стеблин-Каменский пишет: «Когда «предикативность» определяется как «общая категория, формирующая предложение» и в то же время как имеющая своим назначением «отнесение содержания предложения к действительности», то здесь просто подставляется то, что мы давно знаем о предложении, ...в определение того, что его формирует, т. е. в

Главным признаком, отличающим предложение от слов и словосочетаний, является наличие в нем именно предикативности. Слово или словосочетание может стать предложением, обретя этот признак: «*Мороз и солнце. День чудесный!*» (А. Пушкин). «*Деревня. Серые избышки*» (С. Есенин).

Предикативность выражается определенными языковыми средствами. Наиболее распространенным в языках средством передачи предикативности является глагольная форма, в которой находят выражение частные грамматические категории лица, времени и наклонения. Не случайно поэтому организующим центром предложения чаще всего выступает глагол: «*Восходит солнце. Иней тает. Прибрежные пески делаются темными от росы*» (К. Паустовский).

В предложениях, лишенных глагольной части, единственным средством выражения предикативности является интонация.

«В предложении выражается не только сообщение о действительности, но и отношение к ней говорящего» [43, 389], т. е. признаком предложения является также модальность²⁷. Языковыми средствами, выражающими модальность, могут выступать морфологическая грамматическая категория наклонения, модальные слова²⁸ и интонация (например, предложение *Приехали!* в зависимости от интонации может выражать и радость и сожаление как отношение говорящего к сообщаемому факту). Модальность²⁹.

определение «предикативности», или «предложенности» [173, 133, 135]. По существу та же мысль была высказана Э. Бенвенистом: «разных типов предикации не существует», ...«все типы предложений, которые можно было бы различить, сводятся к одному предложению с предикативностью» [223, 446, 448]. Но из этого следует только, что предикативность не является понятием категориальным. Отстаивая предикативность как один из основных признаков предложения. В. З. Панфилов пишет: «По отношению к понятию *предложение* родовым будет понятие *языковая единица*, которое по своему объему несомненно шире понятия *предложение*. Далее, по правилам определения понятий мы должны указать такой признак, который бы позволил отграничить понятие *предложение* от других языковых единиц и в качестве такового может выступать только такой признак, который будет свойствен только предложению и никаким другим языковым единицам. Этому требованию понятие предикативности несомненно удовлетворяет и поэтому, включая его в число видовых признаков предложения... (наряду с тем признаком, что предложение выражает относительно законченный акт мысли и характеризуется тем или иным видом коммуникативной интонации — интонацией сообщения, или вопроса, или побуждения и т. п.), мы отнюдь не совершаем логической ошибки, нарушая правила определения понятий» [118, 172].

²⁷ Употребляя термин «модальность», следует разграничивать: 1) модальность (=наклонение) как синтаксическую категорию, входящую в более общее понятие предикативности и являющуюся признаком любого предложения — так называемая «объективная модальность»; 2) модальность как отношение говорящего к сообщаемому — «субъективная модальность» и 3) лексическую модальность как значение волеизъявления, желания и др., свойственное определенным группам знаменательных слов.

²⁸ Об отношении модальных слов к частям речи, служебным словам и другие вопросы, а также многочисленные примеры см.: Виноградов В. В. Русский язык [40].

²⁹ Обстоятельное рассмотрение чрезвычайно сложного вопроса о соотношении предикативности и модальности, модальности и наклонения см. в книге В. З. Панфилова [118, 166—200].

тесно связана с предикативностью и поэтому может также рассматриваться как категория, включаемая в понятие предикативности.

Универсальным способом выражения смысловой завершенности, предикативности и модальности предложения выступает интонация в ее различных видах.

**Предложение как синтаксическая
и как смысловая структура.
Конструктивный синтаксис и
коммуникативный синтаксис**

Предложение — высшая единица грамматического строя, в которой реализуются все оттенки грамматических значений единиц более низших. Таким образом, предложение совмещает в себе различные ступени грамматической абстракции, которые тесно связаны и взаимодействуют в плане их лексического наполнения.

«Конкретное содержание предложений не может быть предметом грамматического рассмотрения. Грамматика изучает лишь структуру предложения, типические формы предложений...» [43, 389], т. е. имеет дело с конструктивным синтаксисом.

Однако современный синтаксис не ограничивает себя исключительно вопросами конструирования предложения из словоформ и словосочетаний.

«Для современной синтаксической науки характерно ясное сознание того, что за традиционным понятием предложения стоят два языковых явления, различать которые принципиально важно» [26, 138].

С одной стороны, предложение представляет собой синтаксическую структуру, обладающую грамматическими категориями лица, времени и наклонения и тесно связанную с ними категорией модальности, т. е. структуру, обладающую предикативностью. Грамматическое членение синтаксической структуры или конструкта не зависит от ситуации, от содержания сообщения, от интонации, в синтетических языках — от порядка слов, т. е. грамматическое членение объективно и статично. (Например, одной и той же синтаксической структурой обладают «Я [помню] чудное мгновенье» (А. С. Пушкин) и «Великий комбинатор [получил] большой заказ...» (И. Ильф, Е. Петров); или «В Витебск я приехал к вечеру» (И. Бунин) — Я приехал в Витебск к вечеру — Приехал я в Витебск к вечеру.)

С другой стороны, предложение как относительно законченное сообщение, как коммуникативная единица представляет собой смысловую структуру, отражающую определенную коммуникативную цель, которая возникает в процессе общения. Смысловая структура как коммуникативная единица зависит от ситуации, в которой формируется сообщение, и от отношения говорящего (автора) к содержанию сообщения.

В коммуникативном аспекте членение предложения подвижно, динамично, можно сказать, субъективно (но не безразлично, не нейтрально) к содержанию передаваемого сообщения. Оно проявляется главным образом в интонации, иногда в порядке слов. Поэтому когда предложения воспринимаются не на слух, а зрительно, в печатном виде, то отношение автора к содержанию сообщаемого непосредственно не передается. Читатель должен сам понять и передать смысловую структуру предложения, но понять ее можно по-разному. По мнению академика Л. В. Щербы, «всякий литературный текст есть до некоторой степени загадка, которая всегда имеет разгадку, но характер этой разгадки зависит от степени понимания текста, от его истолкования» [45, 503]. Это можно наблюдать у актеров, по-разному передающих один и тот же авторский текст.

Большие актеры, мастера художественного слова тщательно работают над произведением, чтобы проникнуть в авторский замысел и передать его в своем исполнении³⁰.

Возвращаясь к современным теориям предложения, необходимо отметить, что при всем их разнообразии для них характерны попытки последовательно разграничивать в устройстве предложения несколько ступеней³¹ грамматической абстракции, с чем непосредственно связан вопрос о синтаксических грамматических значениях и вопрос о грамматических категориях предложения.

§ 4. Синтаксические грамматические категории

И в мышлении и в языке отражаются факты объективной действительности.

В языке они выступают в виде двух типов языковых значений — лексического и грамматического, которые передают определенное объективное содержание и выражают в разной степени субъективное отношение к нему говорящего.

В лексических значениях отражаются познанные предметы и явления окружающего мира, в грамматических значениях — наиболее общие отношения между ними.

Формой отражения отношений являются грамматические категории³². В зависимости от типа отражаемого в языке реального отношения можно выделить грамматические категории слова и грамматические категории предложения³³.

³⁰ См.: Морозова Н. Г. О понимании текста//Изв. Акад. пед. наук. Отд. психологии. 1947. Вып. 7 — «Вопросы психологии понимания».

³¹ В других работах они называются «аспекты», «планы», «уровни», «подуровни» предложения. Мы предпочитаем употреблять наиболее простой и однозначный термин.

³² О принятом в книге определении грамматической категории см. гл. II, с. 86.

³³ В вопросе о грамматических категориях предложения мы опирались на классификацию грамматических значений, предложенную К. Г. Крушельницкой [87] и принятую коллективом авторов книги «Общее языкознание» [113], в которой К. Г. Крушельницкой написана глава V, включающая и предлагаемую классификацию грамматических значений.

Большинство рассмотренных во II главе частных грамматических категорий выражает объективные отношения между предметами и явлениями (количественные, пространственные и др.) и реализуется на уровне слов, выступая в словоформе как грамматическое значение, сопутствующее лексическому. Субъективное отношение говорящего в грамматических категориях слова не передается.

Отношение объективного содержания высказывания к действительности выражают такие грамматические категории, как категории лица, времени и наклонения. Они выражаются морфологическими способами — личными формами глагола и поэтому были рассмотрены нами ранее (см. с. 109—114). Однако реализуются эти грамматические категории только на уровне синтаксиса — в предикативных конструкциях и в глагольных предложениях.

Грамматические категории лица, времени и наклонения объединяются в понятие предикативности и выступают как частный способ ее выражения, как сказуемость (см. с. 157).

Отношение говорящего к высказываемому выражается двумя грамматическими категориями предложения: категорией коммуникативной установки и категорией коммуникативного задания³⁴. Членами оппозиции, образующими грамматические категории предложения, выступают не отдельные словоформы (как у грамматических категорий слова), а целые предложения и части предложения.

В грамматических категориях предложения преобладает (в отличие от грамматических категорий слов) более субъективное отношение говорящего к содержанию высказывания.

Категория коммуникативной установки³⁵ включает оппозицию «сообщение — вопрос — побуждение». Каждое предложение характеризуется категорией коммуникативной установки и всегда оформляется как сообщение, вопрос или побуждение, т. е., как мы уже знаем, включает лишь одну граммему данной грамматической категории.

Грамматические значения категории коммуникативной установки дифференцируются на основе степени осведомленности и слушающего и говорящего: *Сын пошел в школу* (предполагается, что говорящий знает, слушающий — нет); *Сын пошел в школу?* (предполагается, что слушающий знает, говорящий — нет).

В категории коммуникативного задания противопоставляется «данное» и «новое», «тема» и «рема». Грамматические значения

³⁴ Отношение говорящего к высказываемому выражается также морфологической грамматической категорией определенности — неопределенности, связанной с синтаксической грамматической категорией коммуникативного задания. Это интересно показано Г. М. Габучаном при исследовании употребления артикля арабского языка в свете теории Матезиуса об актуальном членении предложения (Теория артикля и проблемы арабского синтаксиса [47]).

³⁵ В работах по синтаксису «она рассматривается, как правило, не столько в системе грамматических значений, сколько в плане классификации предложений по цели высказывания» [87, 224].

этой категории дифференцируются только на основе представления об осведомленности слушающего: то, что слушающему известно («данное»), противопоставлено тому, что еще неизвестно («новое»): *сын пошел в школу; сын пошел в школу; сын пошел в школу; сын пошел в школу? сын пошел в школу? сын пошел в школу? иди в школу! иди в школу!*

Как видим, противопоставление «данного» «новому» может осуществляться во всех грамматических значениях категории коммуникативной установки, переплетаясь с ними.

Способы, выражающие грамматические категории коммуникативной установки и коммуникативного задания, одни и те же. В этом состоит сложность. Ими являются интонация, порядок слов, употребление модальных слов, частиц и оборотов. Оказывается невозможным рассматривать в отдельности способы выражения каждой из этих грамматических категорий, так как в речевой цепи способы их выражения переплетены и взаимообусловлены.

Категория коммуникативной установки связана с синтаксическим членением предложения как статической структуры, а категория коммуникативного задания реализуется через смысловое членение предложения как структуры динамической.

§ 5. Синтаксическое членение предложения в его конструктивном аспекте

«Любая последовательность словесных элементов, т. е. то, что может быть названо речевой цепью, имеет определенное членение, так как без расчлененности составляющих ее элементов не могла бы осуществляться и их связь» [215, 50].

Как синтаксическая структура, как конструкт, предложение распадается на члены предложения.

Учение о членах предложения возникло в логическом синтаксисе, но, как показывает развитие синтаксических теорий, «обращение, явное или скрытое, к понятию члена предложения — неперменное свойство любого описания структуры предложения» [132, 30—31].

Синтаксис как учение о строении предложения исследует различные ступени грамматической абстракции, совмещенные в предложении. Одной из ступеней грамматической абстракции является понятие членов предложения.

Учение о членах предложения

Знаменательные слова, включаясь в состав предложения и вступая, в зависимости от своего грамматического значения, в синтаксические отношения друг с другом, выполняют в предложении определенные функции — функции различных членов предложения: подлежащего, сказуемого, дополнения, определения, обстоятельства. Их значения — значение субъекта, действия, объек-

та, инструмента, адресата и др. — представляют собой понятия, в обобщенном виде отражающие компоненты ситуаций действительности и отношения между ними. «Эти значения, появляющиеся у слов как у членов предложения (компонентов системы), являются функциональными, поскольку связаны с приобретением словом определенной функции» [169, 19]. Знаменательное слово приобретает функциональные значения только как член предложения. Члены предложения, взятые изолированно друг от друга, утрачивают свои функциональные значения, сохраняя значения лексические и грамматические (обще- и частнограмматические)³⁶.

Член предложения — органическая составная часть предложения.

Члены предложения выделяются по отношению к предложению в целом и по отношению к другим его членам. Соответственно этому традиционный синтаксис различает главные и второстепенные члены предложения.

Главные члены предложения

Главные члены предложения — подлежащее и сказуемое — образуют предикативную основу предложения.

Подлежащее — грамматически независимый член предложения, выражаемый преимущественно именными разрядами слов (существительное, местоимение). Подлежащее стоит в языках, обладающих категорией падежа, в именительном или в прямом падеже³⁷ и связано со сказуемым согласованием в числе (всегда), в роде и лице (в определенных формах).

Сказуемое — член предложения, грамматически зависимый от подлежащего, но по отношению к предложению в целом сказуемое является его центром, основой, «конституирующим членом предложения» [273, 55]. Сказуемое представляет собой тот член предложения, который сохраняет основные признаки предложения (см. с. 160—161). Сказуемое — это минимальное предложение. Предложение может строиться без подлежащего (например, без-

³⁶ В. М. Солнцев [167, 207—210] различает в слове системообразующие и системоприобретенные (или функциональные) значения. Так, в предложении *Купленная книга лежит на столе* слово *книга* имеет три системообразующих значения: индивидуальное лексическое, классное (т. е. общеграмматическое) — существительное и подклассное — выражает неодушевленность. Системоприобретенными или функциональными будут в слове *книга* в данном предложении значения субъекта (как подлежащего активного предложения), объекта (по отношению к причастию *купленный*) и носителя признака (как у элемента определенного словосочетания). Об основных и сопутствующих функциональных значениях см. [169, 21 и далее].

³⁷ «В тех языках, где имеется многопадежная система, как в немецком, русском или тюркских языках, подлежащее стоит всегда в именительном падеже, в тех языках, где, как в английском, общий падеж противостоит притяжательному падежу и серии предложных конструкций, в функции подлежащего используется всегда общий падеж, наконец, в таких языках, как французский, где одна назывная форма имени противостоит серии предложных конструкций, за подлежащим закреплена назывная форма имени» [189, 26].

личные или неопределенно-личные), но предложение обязательно имеет сказуемое³⁸.

Сказуемое, выражаемое глагольными разрядами слов, может быть представлено несколькими структурными типами. Так, в русском языке, как известно, существуют три типа сказуемого: простое, составное (именное или глагольное) и сложное.

Подлежащее и сказуемое образуют двусоставное предложение, являющееся характерной синтаксической структурой: «*Ветер налетит, завоет снег...*» (А. Блок). «*Ночь тиха...*» *Это странно!* *Брат — учитель. Кто виноват? «Ба, знакомые все лица!»* (А. Грибоедов).

Двусоставность предложения находит себе опору в бинарной структуре суждения. «Одним из характерных признаков предложения в его отношении к суждению является то, что в преобладающем количестве случаев предложение распадается на два члена» [199, 140]. При всей сложности проблемы соотношения суждения и предложения³⁹ несомненно, что отношения субъекта и предиката, выделяемые в формальной логике, определенным образом связываются со структурой предложения. Из характерного для современной логики широкого понимания суждения⁴⁰ как высказывания чего-то (предикат) о чем-то (субъект) следует, что любое предложение адекватно суждению. Категории формальной логики — субъект и предикат — находят свое языковое выражение в бинарных свойствах предложения, в том числе и в двусоставности⁴¹.

Члены двусоставного предложения могут быть распространены: «*Тихие долины полны свежей мглой*». Здесь двусоставное предложение образовано группой подлежащего (*тихие долины*) и группой сказуемого (*полны свежей мглой*), причем подлежащее и сказуемое выступают как главные компоненты словосочетаний. Это, однако, уже не имеет отношения к структуре двусоставного предложения, а связано с иерархическим принципом построения предложения как синтаксической структуры и соответственно с иерархией синтаксического членения.

³⁸ Одночленные экзистенциальные предложения или именные (назывные) предложения выражают бытие в настоящем (*Дождь. Жара* и т. п.), а в прошедшем и будущем им соответствуют двусоставные предложения (*Была жара — Будет жара...*). Таким образом, в плане синтаксической парадигматики назывные или номинативные предложения представляют собой двусоставные предложения, в которых в настоящем времени сказуемое представлено нулевой формой глагола *быть*, т. е. сказуемое имеет нулевые грамматические признаки. Как удачно заметил В. И. Кодухов, «признание отрицательных грамматических признаков модели предложения так же необходимо, как признание утверждения о том, что у русского существительного *зуб* имеется шесть падежных форм (при этом всем хорошо известно, что формы именительного и винительного падежей омонимичны)» // Вопросы языкознания. 1970. № 1. С. 34.

³⁹ Из обширной литературы по этому вопросу см.: Проблемы соотношения языка и логики [113, 407—413], там же см. библиографию.

⁴⁰ См.: Копнин П. В. Природа суждения и формы выражения его в языке [81].

⁴¹ Аналогичную точку зрения с позиций «глубинного» (семантического) синтаксиса обосновывает Н. Д. Арутюнова [71, 42].

При описании строения предложения в синтаксических теориях прошлого иерархичность находила свое выражение в учении о второстепенных членах предложения.

Второстепенные члены предложения разграничиваются на основании различий в их значении: определение указывает на признак определяемого члена предложения, дополнение передает предметно-процессное отношение, обстоятельство выражает характеристику действия, условий и способа действия. Ввиду смыслового критерия разграничения каждый из второстепенных членов предложения может выражаться разными морфологическими средствами. Например, обстоятельство может выражаться наречием и косвенной падежной формой существительного (с предлогом или без предлога): *Мальчик идет медленно, домой, из школы...*

Согласно школьной грамматике, второстепенные члены предложения дифференцируются по вопросам. Так, обстоятельство отвечает на вопросы как? куда? откуда? когда? и т. п., определение — на вопросы какой? чей? который? сколько?, а дополнение — на вопросы косвенных падежей. Этот принцип разграничения неточен, так как вопросы можно ставить по-разному. Например, *Книга лежит на столе* (на чем? — дополнение, где? — обстоятельство) или *Это — письмо брата* (кого? — дополнение, какое? — определение). Разграничение второстепенных членов предложения пошло в дальнейшем по пути установления их связи с определенными морфологическими средствами выражения [192]. Так, обстоятельства стали считать наречия, определениями — прилагательные и неличные местоимения, а дополнениями — все случаи беспредложного и предложного употребления косвенных падежей существительного (как в приведенных выше примерах), т. е. члены предложения отождествлялись с частями речи⁴². Иногда в ряде работ ученые вообще отказывались от разграничения второстепенных членов предложения [121]. Дополнение к учению о второстепенных членах предложения сделали в последние десятилетия наши ученые.

Детерминирующие члены

В ряде недавних работ отмечалось что «некоторые падежные (предложно-падежные) формы и наречия в составе предложения могут выступать в периферийной по отношению к глаголу пози-

⁴² А. А. Шахматов писал, например, «слово в его отношении к предложению определяется как часть речи» [192, 420]. Однако в большинстве языков наблюдается отсутствие однозначного соответствия между морфологической формой и синтаксической функцией, т. е. их асимметрия. «В результате этого тип общекатегориального (лексического) значения перестает совпадать с типом синтаксического значения. Так, общее лексическое значение существительных (обозначение предметного понятия) устанавливается уже в отвлечении от выполняемых ими в предложении синтаксических функций (или, точнее, с опорой на их первичную синтаксическую функцию подлежащего)» [113, 281].

ции, определяя все предложения в целом» [194, 77]. Такие самостоятельные распространители предложения, не входящие в состав словосочетаний, получили название детерминирующих членов, или детерминантов⁴³. По своим формам и функциям они объединяются в два класса: обстоятельственные детерминанты и необстоятельственные детерминанты⁴⁴. Детерминирующие члены могут структурно совпадать с типом глагольного словосочетания с именным или наречным компонентом⁴⁵. Однако детерминирующие члены легко опознаются по целому ряду признаков — и семантических и формальных. Вот некоторые из них:

1) детерминанты встречаются в предложениях с глаголами отвлеченной семантики: *быть, происходить, состоять, допускать, являться, казаться, становиться, иметься* и т. п. Эти глаголы не требуют указания на конкретные условия проявления процессуального признака (так называемое «слабое» глагольное управление), связь глагола с существительным-детерминантом необязательна и ослаблена. Например, *«Для детей каждый взрослый кажется существом немного таинственным»* (К. Г. Паустовский); *«В детстве горячее солнце, гуще трава, обильнее дожди, темнее небо и смертельно интересен каждый человек»* (К. Г. Паустовский);

2) характерно присоединение детерминантов к предикативной основе безглагольного предложения. См. предыдущий пример, а также: *У меня нет другого выхода. С кадрами неблагоприятно. На уме у него только выгода;*

3) так называемые «вводные» слова и обороты представляют собой один из типов детерминирующих обстоятельств;

4) детерминирующие члены тяготеют к началу предложения и дистантны по отношению к глаголу. Реже они встречаются в середине или конце предложения, причем передвижение детерминирующих членов не связано с изменением семантической структуры предложения (с актуализацией, о чем речь будет ниже);

5) два детерминирующих обстоятельства места или обстоятельства места и времени образуют детерминирующую группу. Они контактны и начинают или завершают предложение: *«В стихах и неясном волнении прошла большая часть моей бедной и по существу довольно горькой молодости»* (К. Г. Паустовский).

⁴³ Н. Ю. Шведова, вводя эти термины, писала: «Термины эти очень несовершенны и, вероятно, будут заменены лучшими, более легкими и точными. Однако само введение не совпадающих с традиционной терминологией «второстепенных членов» новых обозначений для распространителей предложения, не входящих в состав словосочетания, представляется необходимым» [194, 80, примечание 15].

⁴⁴ О них подробнее см.: Шведова Н. Ю. К спорам о детерминантах [197].

⁴⁵ О приемах трансформации, доказывающих независимость детерминирующих членов и четко отграничивающих их от зависимых компонентов глагольных словосочетаний см. в статье Н. Ю. Шведовой «Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения» [194, 86—89].

Подлежащее, сказуемое и самостоятельные распространители являются членами предложения, определяющими его структуру, тогда как традиционно выделяемые второстепенные члены являются по существу не членами предложения, а зависимыми компонентами словосочетаний.

Рассмотрим в качестве образца синтаксического членения три предложения: *«Вскоре начался нетронутый лес. Леонтьев лег на землю около молодой сосны. Рядом с ним под черным осиновым листком прятался клейкий маслюк»* (К. Г. Паустовский).

Первое предложение членится на детерминирующее обстоятельство *вскоре*, сказуемое *начался* и группу подлежащего *нетронутый лес* (членение первой ступени). Группа подлежащего членится на *нетронутый* и *лес* (членение второй ступени). Второе предложение членится на подлежащее *Леонтьев* и группу сказуемого *лег на землю около молодой сосны* (членение первой ступени). Группа сказуемого состоит из двух словосочетаний *лег на землю* и (*лег*) *около молодой сосны* (членение второй ступени). Второе словосочетание членится дважды — *лег около сосны* и (*около*) *молодой сосны* (членение третьей ступени). Третье предложение членится на группу детерминирующих обстоятельств места *рядом с ним* и *под черным осиновым листком*, на сказуемое *прятался* и группу подлежащего *клейкий маслюк* (членение первой ступени). Второе детерминирующее обстоятельство представляет собой словосочетание, состоящее из двух зависимых однородных компонентов *черным осиновым* и главного компонента *листком*. Группа подлежащего членится на *клейкий* и *маслюк* (членение второй ступени).

К выделению членов предложения мы приходим при членении первой ступени. Если же мы обращаемся к членению второй (и далее, может быть, третьей) ступени, то рассматриваем расширенные (распространенные, развернутые) члены предложения, иначе говоря, группу подлежащего, группу сказуемого, т. е. имеем дело уже с различными типами словосочетаний.

Отношение между членами предложения и компонентами словосочетаний таково, что главный компонент словосочетания может являться одним из членов предложения.

Отношения между членами предложения не зависят от того, распространены члены предложения или нет.

Рассмотренные выше предложения можно было бы членить как синтаксические структуры и другими способами⁴⁶, но при любом членении (гсп. свертывании) предложения мы приходим к установлению таких основных его элементов, за которыми мы будем сохранять названия «подлежащее», «сказуемое», «детерминирующий член».

⁴⁶ См. сноску 21. При рассмотрении вопросов грамматики мы не касаемся методов лингвистического анализа, рассмотрение которых в курсе по введению в языковедение должно составлять особую часть (см.: Кочергина В. А. Введение в языковедение [84, 475—510]).

§ 6. Смысловое членение предложения

В коммуникативном аспекте, при выражении грамматической категории коммуникативного задания выступает смысловое членение предложения.

Из истории вопроса

Уже в работах ряда русских и западноевропейских языковедов конца XIX — начала XX в. отмечалось, что при анализе предложения должны учитываться смысловые моменты, ибо члены предложения при различных задачах высказывания могут «иметь различный смысловой вес» [86, 55]. Таким образом, любой член предложения может стать субъектом или предикатом высказывания. В истории языкознания это нашло свое выражение в разграничении «грамматических» субъекта и предиката (подлежащее и сказуемое) и «психологических» субъекта и предиката, идущее от работ психологического направления (см. с. 149—150). «Психологическое» членение предложения, не совпадающее с членением синтаксическим (формально-грамматическим), переносилось из языкознания в сферу логики или, чаще, становилось предметом внимания стилистики.

Теория актуального членения

В 20—30-е годы складывается теория актуального членения предложения⁴⁷. Основы этой теории заложил чешский языковед В. Матезиус. Он показал, что так называемое «психологическое» членение имеет лингвистическую природу. Как явление лингвистическое актуальное членение предложения было исследовано и описано В. Матезиусом в новых терминах, лишенных психологической окраски [26, 140]. В теориях об актуальном членении предложения нашло свое выражение отграничение смыслового членения предложения от синтаксического (формально-грамматического)⁴⁸.

⁴⁷ Об актуальном членении см.: Mathesius V. O tak zvaném aktuálním členení vetném [272]; Лаптева О. А. Чехословацкие работы последних лет по вопросам актуального членения предложения // Вопросы языкознания. 1963. № 4; она же. Расположение одиночного качественного прилагательного в составе атрибутивного словосочетания в русских текстах XI—XVII вв. Канд. дисс. М., 1963; она же. Нерешенные вопросы теории актуального членения [93]; Крушельницкая К. Г. К вопросу о смысловом членении предложения [86]; Распопов И. П. Актуальное членение предложения [136]; он же. Актуальное членение и коммуникативно-синтаксические типы повествовательных предложений в русском языке [137].

⁴⁸ «Что касается термина «актуальное членение», то его автор В. Матезиус мотивировал его тем, что «это членение зависит от актуального положения говорящего» [273, 93]. Основной недостаток этого термина заключается в том, что явление, которое им обозначается, не только актуально; оно имеет и свою потенциальную сторону; узуальные, нормированные способы «актуального членения» являются в то же время и средствами, а следовательно, и частями систе-

Согласно теории В. Матезиуса, элементами смыслового членения предложения являются: «а) исходная точка (основа) высказывания, то есть то, что является в данной ситуации известным или по крайней мере может быть легко понято и из чего исходит говорящий, и б) ядро высказывания, то есть то, что говорящий сообщает на основе высказывания» [272, 234]⁴⁹. Актуальное членение всегда бинарно: *«Леса | качнулись и глухо заговорили. Ветер | шел по вершинам и пригибал их к земле»* (К. Г. Паустовский) или *«Кончался | август. В лугах облепляла лицо | паутина, но летали те же бабочки, что и весной: | крапивницы и лимонницы»* (К. Г. Паустовский).

Сложности смыслового членения

Состоящая из предложений речевая цепь динамична; ее движение «представляет собой цепь последовательных переходов от частей высказывания, наименее насыщенных информацией, к частям высказывания, наиболее насыщенных информацией. В пределах каждого предложения движение это заключается в переходе от темы высказывания к тому, что об этой теме говорится, что является коммуникативной целью предложения, тем сообщением, ради которого предложение включается в речевую цепь» [78, 10].

Таким образом, внутри двух основных частей смыслового членения часто может быть установлено и более дробное многоступенчатое (обычно двухступенчатое) членение смысловых единиц⁵⁰, подготовленное предыдущим контекстом: *«Постепенно родители занялись моим образованием. К этому делу | они || подошли систематически и серьезно»* (С. Прокофьев) или *«Неизвестно какое имя дала ему мать при рождении, — ведь мать, даже и собака, всегда знает своих детей по имени. Для людей |он|| не имел имени»* (Ю. Казаков).

мы» [58, 13]. Поэтому вместо «актуальный» мы предпочитаем в настоящей работе говорить «смысловой», а термин «актуальный» употребляем, вслед за Фр. Данешем и К. Гаузенбласом [58], в значении «имеющий действительность высказывания».

⁴⁹ В других терминах это «основа» и «предиктирующая часть» (И. П. Распопов), «лексическое подлежащее» и «лексическое сказуемое» (А. И. Смирницкий), «смысловый субъект» и «смысловый предикат» (А. Б. Ильиш), а также «тема» и «рема» — термины, введенные Boost'ом [227] и принятые рядом исследователей.

⁵⁰ Здесь, как нам кажется, вопрос о смысловом членении предложения определенными своими сторонами соприкасается с членением на синтагмы, как оно вырисовывается в синтагматической теории акад. Л. В. Щербы. К пониманию синтагмы как единицы смыслового членения подошел и акад. В. В. Виноградов, исчерпывающим образом проанализировав содержание понятия «синтагма» в лингвистических теориях прошлого («Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка» [41]).

Из соображений эвристического порядка в учебном курсе мы избегаем термина «синтагма» ввиду неоднородности его содержания в лингвистической литературе и, в частности, ввиду неоправданного, с нашей точки зрения, употребления этого термина (в соответствии с теорией синтагм С. О. Карцевского) в учебнике А. А. Реформатского [140, 330—335].

Вопрос об иерархической организации высказывания, о двух-ступенчатости «данного» или «нового» еще недостаточно исследован⁵¹.

Предложение и высказывание

Разрабатывая теорию актуального членения, языковеды разграничивают высказывание и предложение⁵².

Высказывание противопоставляется предложению как статической синтаксической структуре, реализуемой по определенной формально-грамматической схеме. Высказывание индивидуально и ситуативно, оно передает динамические элементы предложения. В понятии «высказывание» отражается двойственная природа предложения (см. с. 159).

Предложение, характеризующееся определенным синтаксическим членением, в связной речи может приобретать членение, обусловленное контекстом и речевой ситуацией⁵³, т. е. смысловое членение.

Мы будем пользоваться понятием «высказывание» для обозначения предложения, обладающего смысловым членением и характеризующегося, следовательно, грамматической категорией коммуникативного задания. (Напомним, что не всякое предложение обладает этой грамматической категорией.)

Приспособление синтаксической структуры предложения для выражения грамматической категории коммуникативного задания будем называть актуализацией. Для всякого высказывания характерно наличие актуализации.

Способы актуализации

Актуализация достигается двумя способами: изменением порядка слов и логическим ударением.

Порядок слов выступает как один из способов выражения и грамматической категории коммуникативной установки (повест-

⁵¹ Для русского языка см., например, интересные наблюдения И. И. Ковтуновой [78]. Сложность смыслового членения состоит в том, что для выделения его единиц (компонентов) существует только один критерий — относительная степень информативной нагрузки. На основании этого критерия современные сторонники теории актуального членения предлагают выделять в качестве основной единицы смыслового членения не «тему» и «рему», а «коммуникативный (информативный) центр». «Не связанные между собой отношения бинарности и выделяемые не по качественному (содержательному), но по количественному признаку такие единицы могут быть представлены в высказывании в разном числе — от одного до *n*» [94, 41].

⁵² В чешских работах под высказыванием (*výpověď*) понимается «простейшее языковое проявление, связанное с определенной ситуацией», а под предложением (*věta*) — «обычная, типизированная грамматическая форма этого проявления» [238, 235].

⁵³ Или кратко — «конситуацией», термин предложен А. Миновичем в кн.: Miłowicz A. *Z zagadnień struktury zdania* (Wakaźniki językowe konsytuacji). Biuletyn PJY, IX. Kraków, 1949.

зование — вопрос — побуждение), и грамматической категории коммуникативного задания. В аспекте грамматического строения предложения порядок слов является «сопроводительным элементом синтаксических отношений» (Ф. Данеш). В этом смысле порядок слов рассматривается и как один из «грамматических» способов (см. с. 137—138). В высказывании порядок слов может являться средством выражения актуализации⁵⁴.

Поскольку при смысловом членении обычно выделяются не слова, а группы слов, входящие в состав «тем» или «рем», то при смысловом членении предложения «само по себе выражение «порядок слов» оказывается несколько условным» [78, 9]. В высказывании речь должна идти о положении групп слов или о порядке слов в словосочетаниях.

Порядок следования частей смыслового членения для русского языка является вполне определенным. Обратимся к примеру: *«Наконец-то! — сказала мама. — Лучше поздно, чем никогда. По платформе шел | отец. Он только что приехал рабочим поездом из Бежицы. На отце был черный, лоснившийся от старости пиджак. Отец | вошел в вагон»* (К. Г. Паустовский). Как показывает приведенный отрывок, а также примеры, данные на с. 165, при любом составе частей смыслового членения в случае «объективного» (Матезиус) порядка частей «тема» предшествует «реме». В случаях инверсии «рема» предшествует «теме». Это универсальный закон построения речи» [78, 12].

В словосочетаниях русского языка при формально-грамматическом членении предложения действуют определенные правила словорасположения, которые при смысловом членении претерпевают изменения в целях выделения компонентов высказывания с большей смысловой нагрузкой. Например, обычно в словосочетаниях с атрибутивной связью прилагательные предшествуют существительным: *поздний час, ранняя весна, новый район, необычайное приключение* и т. п. Актуализация первого компонента подобных словосочетаний в речевой цепи достигается вынесением его на последнее место: *«Весь пол от классной доски до парт и вся поверхность парт были покрыты белыми, желтыми, синевато-серыми камнями, под поверхностью которых, как под папиросной бумагой раскрашенный рисунок, чувствовались тона и краски | необычайные!»* (Вс. Иванов).

Универсальным способом выражения актуализации является логическое ударение. «Логическое ударение есть не что иное, как характерное видоизменение интонации предложения, выделяющее так называемое логическое сказуемое» [200], т. е. то слово или группу слов, которые несут наибольшую смысловую информацию.

Логическое ударение может актуализировать любой компонент предложения.

⁵⁴ О двух функциях порядка слов см.: Daneš Fr. K otázce pořádku slov v slovanských jazycích [232]; Адамец П. Порядок слов в русском языке [219]. Адамец пришел к выводу, что в русском языке случаи выражения порядком слов синтаксических связей немногочисленны (приводится их список).

В словосочетаниях, характеризующихся определенными правилами словорасположения, актуализация первого (главного) компонента словосочетания достигается в речевой цепи только логическим ударением. Например, известно, что в словосочетаниях с комплетивной связью при синтаксическом членении предложения главный компонент словосочетания (сказуемое) предшествует зависимому компоненту: *иду домой, прочитал книгу, смотрит на часы, пишет карандашом* и т. п.

В подобных словосочетаниях способом актуализации глагола в речевой цепи является только логическое ударение: *«Я старался находить черты хорошего всюду. И часто находил их,| конечно»* (К. Г. Паустовский) или *«Коровы| не любят собак: страх и ненависть к волкам-собакам стали у коров врожденными»* (Ю. Казаков).

Мы ограничиваемся сейчас лишь отдельными примерами из русского языка, демонстрирующими способы актуализации.

Смысловое членение предложения, полнее всего исследованное в славянских языках, еще ждет своего изучения на материале других языков, в частности языков зарубежной Азии и Африки.

Выделение элементов смыслового членения и изучение способов актуализации частей высказывания представляют не только теоретический интерес. Вопросы смыслового членения имеют непосредственное отношение к практике — к овладению разговорными навыками в процессе изучения иностранного языка.

При описании предложений конкретного языка представление о них как об определенных синтаксических структурах должно дополняться сведениями о сложном взаимодействии этих структур с гибкой смысловой организацией тех же предложений. Нельзя не отметить, однако, что «вопрос о взаимодействии синтаксического и актуального (т. е. смыслового. — В. К.) членения — один из самых сложных вопросов синтаксиса» [78, 22].

§ 7. Специфика предложения как единицы языка. Структурные типы предложений

Синтаксические грамматические значения реализуются в рамках определенных структурных типов предложения.

Предложение качественно отличается от тех языковых единиц, с которыми мы знакомились ранее. Фонемный состав конкретного языка известен. Состав морфем языка, если брать служебные морфемы, также установлен для каждого языка вполне определенно. При фонемном или морфемном анализе языка мы имеем дело с конечным числом конкретных языковых единиц. Если же говорить о предложении, то синтаксической единицей языка являются не конкретные предложения с определенным лексическим наполнением, а типы (формулы или модели) предложений. Предложения как единицы языка обладают способностью к воспроизводству не в своих частных лексических наполнениях, а как определенные

структурные схемы, по которым говорящий всякий раз заново строит свои высказывания.

«Для современного состояния синтаксической науки характерно стремление представить синтаксическую систему отдельного языка в виде конечного списка «формул», или «моделей» предложения, т. е. структурных схем, включающих необходимые организующие те или иные предложения формы слов или их сочетаний, и правил развертывания и расширения этих формул» [25, 8].

Установление конечного списка «формул» предложения наталкивается на определенную трудность.

В речевом потоке встречаются не только грамматически правильные, «идеальные» предложения (высказывания), но и масса высказываний, в большей или меньшей степени лишенных структурно-грамматических признаков. Как первые, так и вторые обладают функциональной общностью⁵⁵. Однако они различаются по степени грамматической оформленности. «На полюсе, противоположном «идеальному» предложению, находятся грамматически аморфные фразы. К их числу относятся диалогические реплики, выражающие эмоциональную, положительную или иную реакцию на полученное сообщение (ср. *Ладно! Подумаешь! Хватит! Подумать только! Хорош! Вот и главное! Еще бы! Вот так так!* и т. д.), а также высказывания, принадлежащие к сфере куртуазных отношений и социального этикета (приветствия, поощрения, пожелания, знаки благодарности, извинения). Очень далеки от грамматически организованных конструкций междометийные высказывания» [114, 320]. Обладая лишь интонационной характеристикой, эти образования в массе своей относятся к сфере разговорной речи, т. е. к устной форме языка. В письменной форме языка (например, в литературном произведении)¹ они могут встречаться в виде диалога или реплик, имитирующих разговорную речь.

Таким образом, по сферам бытования можно разграничить грамматически оформленные предложения, принадлежащие языковой системе в целом, и изолированные словоформы, устойчивые сочетания слов, эмоционально окрашенные междометийные высказывания, встречающиеся только в устной форме языка.

Промежуточное положение займут разнообразные (и еще недостаточно исследованные) типы так называемых «неполных» предложений.

Структурная схема или формула строится на морфологических характеристиках компонентов речевой цепи и, следовательно, может передавать тип только грамматически оформленного предложения⁵⁶.

⁵⁵ «Все они представляют собой отнесенные к действительности сообщения, выражающие некоторую реакцию на полученный стимул и сами способны служить речевым стимулом» [114, 321].

⁵⁶ Можно говорить и о структурной схеме диалога или о структурных схемах неполных предложений, ибо в языке «действуют нормы построения сложных синтаксических объединений и организации их частей» [196, 5—6]. Однако, имея

Придерживаясь чисто формальных оснований при установлении типов предложений, мы должны изъять при их описании дифференциации, связанные с выражением различных синтаксических грамматических значений. Таким образом, ряд предложений, выражающих грамматическую категорию коммуникативной установки (*Сын идет в школу — Сын идет в школу? — Пусть сын идет в школу*) и модификации этих предложений в высказываниях (приведенных на с. 165) в зависимости от выражения в них категории коммуникативного задания, дает представление об одном и том же типе предложения. Он может быть представлен в виде структурной схемы или формулы, в которой выражается морфологическая характеристика предикативной основы предложения. Если обозначить подлежащее через S, сказуемое — через P, существительное и глагол — соответственно через s и v, а падежи — заглавными буквами их латинских названий, то рассмотренный выше тип предложения будет иметь вид схемы SsN—P (v+s Akk.).

Эта схема берется за исходную форму при образовании парадигмы данного предложения, основанной на изменении комплекса грамматических значений его сказуемого⁵⁷, а именно: «*Сын идет в школу — Сын шел в школу — Сын пойдет в школу — Сын пошел бы в школу... и т. д.*»⁵⁸.

«Все те видоизменения предложения, которые, не меняя его структурной основы, представляют каждое в отдельности то или иное его частное синтаксическое значение, а в своей совокупности — весь комплекс его синтаксических значений» [197, 15], будем называть формами предложения.

Структурную схему предложения можно рассматривать как инвариант, если признать, что формы предложения, образующие его парадигму, выступают как варианты его исходной формы.

«Исходная форма открывает парадигму; она представляет структурную схему. Практически эта форма всегда является простейшим, наиболее употребительным и стилистически нейтральным членом парадигмы» [197, 25].

Следует различать также структурные схемы предложений и виды их регулярных реализаций⁵⁹. Например, для рассмотренной выше схемы SsN—Pv в русском языке Н. Ю. Шведова предлагает следующие случаи регулярных реализаций:

в виду цели настоящей работы, мы ограничиваем себя в дальнейшем рассмотрением только типов предложений, не затрагивая синтаксического объединения (или, как его нередко называют, «сложного синтаксического целого»).

⁵⁷ Мы принимаем основания для установления парадигмы простого предложения, сделанные Н. Ю. Шведовой [196], так как согласны с тем, что «в настоящее время, когда идут поиски парадигматического описания явлений синтаксиса, такое решение не может вызвать принципиальных возражений» [52, 84]. Поэтому мы никак не можем согласиться в данном вопросе с точкой зрения А. М. Мухина [111].

⁵⁸ О составе парадигмы простого предложения см. Н. Ю. Шведова [196, 9—10].

⁵⁹ О видах регулярных реализаций структурных схем простых предложений русского языка см. [197, 16 и далее]. Ими в значительной степени поглощаются определенные разряды так называемых «неполных» предложений.

1) предложения без подлежащего — «А, знаю, помню, слышал». «Шумим, братец, шумим»;

2) предложения без подлежащих с экспрессивными частицами и междометиями: *Вот так сказал! То-то радуется!*;

3) предложения со сравнительными союзами: *Ты словно заснул.*

При изложенном выше понимании структурной схемы предложения, ее вариантов и случаев регулярных реализаций описание типов предложений в каждом конкретном языке сводится к описанию достаточно ограниченного их числа.

Естественно, описание структурных схем предложения, их вариантов и реализаций какого-либо конкретного языка выходит за рамки курса по основам языкознания и должно являться предметом рассмотрения грамматики соответствующего языка.

В настоящей работе нас будут интересовать наиболее общие для языков структурные типы предложений. Они установлены лингвистической традицией давно, однако до сих пор исследованы с различной степенью полноты.

Прежде всего, разграничиваются простые и сложные предложения⁶⁰. Типы простых предложений характеризуются наличием одной предикативной основы, типы сложных предложений — наличием двух и более предикативных основ. Можно сказать, что простые предложения монопредикативны, а сложные — полипредикативны⁶¹.

§ 8. Простые предложения

Простые предложения в своем большинстве распадаются на два основных типа по составу членов предложения: предложения со сказуемым, или односоставные, и предложения с подлежащим и сказуемым, или двусоставные.

Структурную основу односоставных предложений составляет один член предложения, который может быть распространен, т. е. являться главным компонентом словосочетания.

На материале русского языка односоставные предложения представлены тремя типами, выделяемыми в зависимости от лексико-грамматической природы члена предложения:

1) именной тип⁶². *Рассвет. Тишина. Нас двое. Ни слова...*;

2) глагольный тип: он может быть дифференцирован на а) спрягаемо-глагольный: *Светает. Не ладится. Весело живет. Сле-*

⁶⁰ О спорных, неясных случаях разграничения простого и сложного предложения в русском языке см.: Белошапкова В. А. [25, 30—40].

⁶¹ От полипредикативных синтаксических образований следует отличать предложения разговорной формы языка, в которых сказуемым (предикативной основой) выступают различные синтаксические сращения — повторы глагола (*иду, иду*), соединения глаголов (*иди узнай, пойду спрошу*)... Н. Ю. Шведова считает эти предложения простыми, поскольку они имеют одну предикативную основу [195].

⁶² Односоставные именные предложения в своей парадигме выступают как двусоставные (см. сноску 38).

дует учесть. Не остается времени. Звонят. Есть о чем подумать... и б) инфинитивный типы: *Встать! Быть беде. Нечего ждать. Ссоры не миновать. Работать так работать...*;

3) наречный тип: *Грустно. Пора, пора! Не слышно шума... Довольно! Нет мест...*⁶³.

Односоставное предложение может включать детерминант: *Без учеников как без рук. В старости есть о чем подумать.*

Структурную основу двусоставных предложений образуют подлежащее и сказуемое. Это наиболее распространенный в языках вид предложений. Двусоставные предложения представлены в каждом языке несколькими структурными схемами в зависимости от грамматического оформления подлежащего и сказуемого и в зависимости от характера связи между ними.

По последнему признаку в русском языке, например, различаются двусоставные предложения с координируемыми и с некординируемыми членами.

Первые представлены схемами: 1) SsN—Pv (примеры рассмотрены выше); 2), SsN—Pn (где n — координируемая форма имени), например: *Брат — агроном. Ночь тиха. «Писательство — не ремесло и не занятие, писательство — призвание»* (К. Г. Паустовский).

Вторые представлены разнообразными схемами, в которых подлежащим (S) выступает имя или инфинитив, а сказуемым (P) являются наречия, предложные и беспредложные падежи имени, инфинитив, глагол в 3-м лице, например: *Сестра дома. Учиться интересно. Мы за мир. Курить воспрещается* и т. п.

Члены предложения могут быть распространены, и в двусоставном предложении могут включаться детерминанты: *«Старый помещицкий дом стоял в низине. По вечерам курился вокруг холодный туман...»* (К. Г. Паустовский).

Предикативная основа предложения, как нераспространенная, так и распространенная, в своих частях или в целом дает представление о всем многообразии структур (формул) простого предложения.

§ 9. Сложные предложения

Сложные предложения функционально подобны простым, т. е. выступают как целостные коммуникативные единицы. Однако структурно сложные предложения представляют собой своеобразное грамматическое явление и до сих пор исследованы еще недостаточно полно.

В истории изучения сложных предложений сложились два подхода к толкованию их сущности. Сложные предложения трактуются либо как соединения отдельных предложений (А. М. Пеш-

⁶³ Несколько иные классификационные основания и, следовательно, иные подгруппы односоставных предложений (при очень широком их толковании) предлагаются в статье Н. Ю. Шведовой «Типология односоставных предложений на основе характера их парадигм» [195].

ковский [121], А. А. Шахматов [192]), либо как единое целое, не членимое на отдельные предложения (В. А. Богородицкий [29], Н. С. Поспелов [128]⁶⁴). Каждая из этих точек зрения имеет определенные основания, так как типы сложных предложений качественно различны и структурно многообразны. Противопоставления, на основании которых можно было бы описывать структурные типы сложных предложений, характеризуются асимметричностью. «Асимметрическое соотношение основных структурных свойств сложного предложения очень осложняет классификацию сложных предложений. Отражая эту асимметричность, деление сложных предложений не может быть однолинейным» [25, 103]. Постоянно имея в виду условность однолинейного подхода к описанию типов сложных предложений, рассмотрим самые общие основания для их классификации и попытаемся последовательно установить их главные типы.

Понятие «минимальная конструкция»

Различные ступени членения, которые мы наблюдали при синтаксическом членении простого предложения (с. 170), пронизывают и сложное предложение. Возьмем пример: *«Как человек озаряет те места, где он живет! Семен умер, и с тех пор эти места потеряли так много своей прелести, что трудно собраться с духом, чтобы поехать туда, где на песчаном кладбищенском бугре над рекой, среди плакучих ветел, лежит, говорят, на его могиле зернистый серый жернов»* (К. Г. Паустовский). В этом отрывке первое сложное предложение представляет собой «минимальную конструкцию», так как состоит из минимального числа частей (главное и придаточное предложения). Во втором сложном предложении придаточное предложение, в свою очередь, построено по типу сложного и членимо на составляющие его компоненты. Таким образом, второе предложение в целом имеет несколько ступеней членения, в результате которого выделяются те же структурные типы, какие существуют в «минимальных конструкциях» сложных предложений. Ср. в приведенном тексте придаточные предложения с союзом *где*, выделяемые: 1) на первой ступени членения в первом предложении и 2) на последней ступени членения — во втором, в предложении усложненного типа. В результате нескольких ступеней членения предложение усложненного типа всегда сводимо к исходным минимальным конструкциям. «Поэтому основной задачей синтаксиса сложного предложения является изучение минимальных конструкций, поскольку именно в них выявляются структурные типы сложных предложений» [25, 60].

⁶⁴ См. также более ранние работы: Поспелов Н. С. Проблема сложного синтаксически целого в современном русском языке//Учен. зап. Моск. ун-та. Труды кафедры русского языка. 1948. Кн. 2. Вып. 137; он же. Сложное синтаксическое целое и основные особенности его структуры//Доклады и сообщения Института русского языка АН СССР. 1948. Вып. II.

Предложения открытой и закрытой структуры

Минимальные конструкции, которые могут состоять из двух и более частей, образуют сложное предложение открытой структуры:

*«И метался ветер быстрый
По бурьянам,
И снопами мчались искры
По туманам»... (А. Блок)*

Добавление частей к предложению открытой структуры не меняет его структурного типа и определяется «объемом информации, которую несет предложение» [26, 62]. Части сложных предложений открытой структуры однотипны, что проявляется в их одинаковом грамматическом строении, в наличии одинаковых грамматических значений в рамках категории коммуникативной установки, в употреблении определенных союзов (в русском языке — *и, а*). Четко оформленных сложных предложений открытой структуры немного, они ограничиваются перечислительным и разделительным типами.

Минимальные конструкции, которые могут состоять только из двух частей, образуют сложные предложения закрытой структуры: *«Как человек озаряет те места, где он живет!»*. *«Когда я открывал окна, в комнату залетали сухие дубовые листья»*. *«Я считаю, что все виды искусства помогают писателю в усовершенствовании мастерства»* (К. Г. Паустовский). Присоединение к предложению закрытой структуры других частей создает не расширение той же структуры, а комбинацию структур, т. е. предложение усложненного типа. Части сложных предложений закрытой структуры разнотипны, т. е. могут иметь разную модальность и разные грамматические значения категории коммуникативной установки, а также используют определенные группы союзов, о которых будет сказано ниже. Предложения закрытой структуры составляют в каждом языке подавляющее большинство сложных предложений и типы их очень разнообразны.

Бессоюзные и союзные предложения

При характеристике сложных предложений существенно противопоставить способы связи их частей⁶⁵, в соответствии с чем разграничиваются бессоюзный и союзный типы сложных предложений.

Бессоюзие в предложениях открытой структуры воспринимается как отсутствие четких критериев отграничения этих сложных предложений от простых: *«Я гашу лампу и ночь начинает мед-*

⁶⁵ Исследование сложных предложений со стороны средств связи их частей характерно для русской синтаксической теории, см. [140, 121].

ленно светлеть. Темнота пропитывается ответом снега. Морской залив во льду» (К. Г. Паустовский)⁶⁶.

По существу «бессоюзные сложные предложения содержат несколько предложений, объединенных интонационно» [114, 323].

В бессоюзных предложениях закрытой структуры разнотипность частей выражается различной временной и модальной характеристикой предикативных основ, включением в одну из частей предложения служебного слова, неполнотой одной из частей. Поэтому в бессоюзных предложениях закрытой структуры почти всегда возможно введение соответствующих союзов и тогда эти неполные предложения можно рассматривать как случаи реализации союзных предложений закрытой структуры⁶⁷: «Думал, в глазах это рябило, — а это показался первый цветок» (М. Пришвин) — «Думал, что...» «Я несчастлив: каждый день гости» (А. П. Чехов) — «Я несчастлив, потому что...» «Слой облаков был очень тонок — сквозь него просвечивало солнце» (К. Г. Паустовский) — «Слой облаков был очень тонок, так что (поэтому)...»; «Ставнем стукнет — он вздрогнет и побледнеет» (М. Ю. Лермонтов) — «Если ставнем стукнет,...»⁶⁸.

Союзные предложения открытой структуры содержат союзы, передающие однотипность таких предложений — повторяющиеся перед каждой частью союзы или замыкающие союзы (*и, а, а то*). Место союзов в предложениях открытой структуры строго фиксировано.

Функция союзов в предложениях закрытой структуры — выражать смысловые и синтаксические отношения между частями минимальных конструкций. Отношения передаются двумя типами союзов: нерасчлененными, находящимися в одной части предложения (см. примеры на с. 181), и расчлененными, части которых находятся в обеих частях предложения: «Если раньше могли быть забытыми мыслители, писатели и поэты, то теперь этого не может быть и не будет» (К. Г. Паустовский). По значению союзы выражают или смысловые отношения между явлениями, о которых говорится в предложении, или синтаксическую связь между частями сложного предложения⁶⁹. Смысловая дифференциация союзов дает формальное основание для разграничения явлений сочинения и подчинения.

⁶⁶ Такие конструкции чешскими синтаксистами обозначаются терминами *prohlava-enuciation, jazykový projev-discourse* (литературу о них см. [25, 12]).

⁶⁷ Следует отметить, что в современном языкознании все больший вес приобретает другая точка зрения на бессоюзные предложения закрытой структуры, согласно которой эти предложения признаются особым структурно-семантическим типом сложного предложения. Однако этот тип предложений еще требует изучения.

⁶⁸ Обширный иллюстративный материал по сложным предложениям приводится, например, в кн.: Гвоздев А. Н. Современный русский язык, ч. II — Синтаксис. М., 1968.

⁶⁹ В соответствии с этим В. А. Белошапкова предлагает (по аналогии с типами падежных значений) делить союзы в предложениях закрытой структуры на семантические (их большинство) и синтаксические (например, *и, что, чтобы, как будто*). «Эти термины, разумеется, условны» [25, 78—79].

Определение сочинения — подчинения через понятие независимость — зависимость частей минимальной конструкции сложного предложения не является строгим, так как противоречит принятому определению сложного предложения как структурного и смыслового целого. Следовательно, независимых частей в предложении быть не может. Исследуя сочинение и подчинение на основе их формальных различий (союзы), А. М. Пешковский [121] установил, что при подчинении показатель отношения (союз) находится только в одной из соединяемых частей, в придаточной; подчинительный союз составляет «органическую формальную принадлежность» [121] придаточного предложения. При сочинении союзы, располагаясь в каждом предложении (части) или между ними, «не сливаются внутренне ни с одним из них» [121].

Исследование явлений сочинения и подчинения в сфере союзных предложений позволило современным синтаксистам прийти к заключению, что за понятиями «сочинение» и «подчинение» стоит «интуитивное установление изоморфизма между отношениями частей в сложном предложении и отношениями между словоформами в простом предложении. Отношения в сложносочиненном предложении уподобляются отношениям между однородными членами, т. е. отношениям между словоформами в ряду, занимающем одно синтаксическое место в предложении; отношения в сложноподчиненном предложении уподобляются отношениям между неоднородными членами предложения, т. е. словоформами, каждая из которых имеет особое синтаксическое место в предложении. Именно это и делает понятия сочинения и подчинения, по удачному выражению А. М. Пешковского, «полусознанной или почти неосознанной основой синтаксиса» [25, 93].

Сложносочиненные предложения могут быть открытой и закрытой структуры.

По своей семантике предложения открытой структуры выходят за рамки сочинения. Сложносочиненные предложения закрытой структуры делятся по семантике на соединительные (с союзом *и*, который можно обозначить как синтаксический тип союза) и противостоящие ему все другие типы (сопоставительно-противительные, пояснительные, градационные). Связь между частями здесь осуществляют семантические союзы (например, в сопоставительно-противительных предложениях союзы типа *а то, не то, а не то, иначе, в противном случае*).

Сложноподчиненные предложения могут быть только предложениями закрытой структуры. Среди сложноподчиненных предложений различают два типа (в зависимости от характера отношений между главным и придаточным предложениями). Во-первых, сложные предложения, в которых придаточные предложения возникают как результат распространения одного из слов (членов) главного предложения в соответствии с лексико-грамматической

природой распространяемого слова. Это так называемые присловные придаточные предложения. Структура сложноподчиненных предложений с придаточными присловными «основана на правилах синтаксической сочетаемости, аналогичных тем, которые действуют в сфере словосочетаний и простых предложений» [25, 41]. Среди присловных предложений выделяют: 1) придаточные присубстантивного типа (*Мой дом — Дом, в котором я живу*); 2) придаточные изъяснительного типа, которые при глаголе главного предложения занимают место косвенного падежа (*Брат написал о своем приезде — Брат написал, что он приезжает*); 3) придаточные в качестве «субъектного определителя» (*Мне нравится его выступление — Мне нравится, как он выступает*).

Сложные предложения с придаточными присловными противостоят второму типу, включающему все прочие сложноподчиненные предложения, «правила построения которых не определяются закономерностями синтаксической сочетаемости слов» [25, 42—43].

В таких сложноподчиненных предложениях придаточное предложение соотнесено не с одним каким-либо словом главного, а с главным предложением в целом. Это сложноподчиненные предложения с придаточными времени, места, причины, цели, образа действия, условными, уступительными, следствия.

В определенной своей части эти придаточные предложения изоморфны детерминирующим членам простого предложения.

Различительные признаки сложных предложений

Сложное предложение имеет в своем составе две (или несколько) предикативные основы, построенные по типу простого предложения. Поэтому в схеме (модели) сложного предложения должна быть отражена специфика соединения предикативных основ, при характеристике которой существенно учитывать рассмотренные выше различительные признаки сложного предложения. При учете их структурная модель сложного предложения должна, в идеале, указывать на количество предикативных основ в составе сложного предложения данного типа (открытые — закрытые структуры), на характер синтаксического строения и лексического наполнения предикативных основ (например, сложные предложения с придаточными присловными — со всеми другими придаточными предложениями), на способы связи предикативных основ в составе сложного предложения (бессоюзные — союзные предложения, сложносочиненные — сложноподчиненные), на возможность перестановки компонентов сложного предложения (гибкие — негибкие структуры)⁷⁰.

⁷⁰ Выше мы не рассматривали при характеристике признаков сложного предложения этот признак как наиболее частный. О нем подробнее см. [25, 95—97].

Поиски инварианта синтаксических конструкций с присущим только ему определенным грамматическим значением ведут к вопросу о моделировании предложений. В настоящее время «проблема моделей и их синтаксического содержания («наполнения»), как и проблема дробления этих моделей на более частные разновидности и варианты, оказывается в центре теоретического синтаксиса» [35, 15].

Установление структурных типов предложений и их моделей может вестись разными способами в зависимости от исходных теоретических предпосылок⁷¹.

В отношении структурных типов предложений как синтаксических единиц языка нам близко направление тех работ, в которых «делаются попытки последовательно, шаг за шагом, разграничить устройство предложения по разным ступеням грамматической абстракции — путем выделения в предложении его отвлеченной грамматической схемы, его семантической структуры и тех элементов, которые появляются в нем по правилам расширения и развертывания схемы» [193, 129—130].

Каждый структурный тип предложения реализуется в бесконечном количестве отдельных речевых произведений с их конкретным лексическим наполнением и с определенными синтаксическими и грамматическими значениями.

§ 10. О синтаксической типологии

Рассматривая структурные типы предложения, мы до сих пор оставались в рамках синтаксиса отдельного языка (в данном случае русского).

Сравнительный синтаксис родственных языков уже сложнее. При исследовании его встает ряд новых вопросов, так как известно, что даже между близкородственными языками в сфере синтаксиса можно наблюдать разительные расхождения. Может быть, поэтому сравнительно-исторический метод не привел к таким успехам в исследовании синтаксиса, какие сопутствовали применению этого метода в области фонетики и морфологии. Тем большее внимание привлекает типологический синтаксис.

⁷¹ В настоящей работе мы имеем в виду модели поверхностной структуры предложения, отражающие грамматические отношения между словами. Модель (формула) предложения, отражающая логико-семантические отношения между предметами, была предложена рядом ученых, см., например, работы А. М. Мухина [111].

Моделирование поверхностных структур осуществлялось в традиционном синтаксисе через модель членов предложения, а в современных работах — через дистрибутивные модели, модели непосредственно составляющих и трансформационные модели. О последних см.: Ch. Hockett [249], N. Chomsky [229], K. L. Pike [278].

Дважды важнейшими типологическими признаками языков являются структура слова и структура предложения. Структура слова лежит в основе морфологической типологической классификации языков (см. гл. II). Структура предложения кладется в основу типологических исследований в области синтаксиса. Если морфологическая типология имеет давние традиции, то разработка синтаксической типологии только начинается.

Изложение вопросов синтаксической типологии в § 10 не претендует на полноту. Ниже мы остановимся лишь на трех вопросах

Принципы синтаксической типологии

Синтаксическая типология привлекла внимание лингвистов как за рубежом [220; 275], так и в нашей стране [106; 107; 148]. Впервые принципы синтаксической типологии разработал И. И. Мещанинов. «Синтаксическая группировка слов в предложении, — писал он, — крайне сложна и разнообразна. Она в каждом языке строго подчиняется его действующему строю. Это дает в сравнительных обзорах многообразие синтаксических схем, прибегающих к различным способам передачи синтаксических отношений между словами предложения» [107, 7—8]. И. И. Мещанинов считал общими для всех языков отношения субъекта и действия (предикативные отношения), действия к объекту действия (объективные отношения) и признака к предмету и действию (атрибутивные отношения). Каждый язык использует для выражения этих отношений свою, свойственную только этому языку систему грамматических приемов. Так, для передачи субъекта-подлежащего в языках разных систем используется разная падежная форма: в индоевропейских языках — именительный падеж, в тюркских — падеж, оформляющий также прямое дополнение и называемый, в отличие от имени, основным или неопределенным; в ряде языков субъект-подлежащее оформляется косвенными падежами, стоит в активном (эргативном) или в абсолютном падеже.

Если сравнивать свойственные разным языкам построения слова и предложения, то легко убедиться, что какой-либо признак, характерный для одного языка, наблюдается и в других языках. Каждый язык отличается целым комплексом присущих ему грамматических признаков, поэтому и типологическая характеристика языка должна проводиться по комплексу лексических (значение слова), морфологических (строение слова) и синтаксических (строение предложения) признаков.

Синтаксическая типология рассматривает «весь синтаксический комплекс, составляющий структуру предложения с его многочисленными вариантами, поддающимися синтаксической классификации» [106, 98]. Языки варьируются по грамматическим формам, применяемым для сочетания слов, и представляют системы синтаксического использования морфологии. В них выделяются конструкции, не использующие словоизменительные морфе-

мы (аморфные), использующие их (флексивные) и опирающиеся в построениях предложения на служебные слова и частицы (аналитические). В соответствии с этим И. И. Мещанинов устанавливал типы основных конструкций и их разновидности⁷².

В каждом языке выделяется ведущее направление в образовании синтаксических конструкций при наличии, большем или меньшем, конструкций других типов. Особое внимание обращается на оформление членов предложения.

В «аморфных конструкциях» слова не получают морфологических показателей частей речи или членов предложения. Члены предложения различаются своей синтаксической позицией в соответствии с их лексическим значением. Примером языка аморфных конструкций обычно называют китайский язык. Однако в современном китайском языке намечается выделение членов предложения особой суффиксацией, служебными частицами и словами [60]. Когда ведущее положение занимают и знаменательные слова, и частицы, аморфный строй сближается с аналитическим. Таков «синтактико-аналитический тип конструкций» (например, бирманский язык как разновидность конструкций аморфного типа).

Отдельные аморфные и аналитические построения могут включаться в структуру предложения в языках с развитым морфологическим строем. Они закрепляются за теми членами предложения, которые не могут быть выделены в данном конкретном языке средствами морфологии. Например, частица *бол* в монгольском языке как показатель подлежащего («синтактико-морфологический тип конструкции»), предлог и послелоги в персидском языке, уточняющие позиции второстепенных членов предложения, передающие объективные отношения («флексивно-аналитический тип конструкций»). «Аналитический тип конструкции» представлен в английском языке. «В синтаксическом плане аналитическая форма выступает как единая по своему построению, хотя каждая из ее частей может входить как форма слова в различный лексический состав» [106, 33].

В языках с морфологически оформленными членами предложения на основании сочетания синтаксической позиции подлежащего с его грамматической формой выделяется морфологическая конструкция с номинативным строем предложения и морфологическая конструкция с эргативным строем предложения.

Таковы типы синтаксических конструкций, к выделению которых И. И. Мещанинов пришел на основе анализа данных китайского, бирманского, монгольского, турецкого, персидского, английского, суахили, зулу и многих других разнотипных языков.

Принципы, положенные И. И. Мещаниновым в основу исследований синтаксической типологии, не утратили своего значения. Принцип системного подхода к явлениям морфологии и синтаксиса, образующим языковые корреляции, позволил И. И. Меща-

⁷² Систему классификации конструкций, предложенную И. И. Мещаниновым, мы излагаем в терминах, которыми пользовался автор.

нинову выявить параллельные комплексы морфологических и синтаксических явлений, соотносящихся с основными типами синтаксической структуры — эргативным и номинативным⁷³.

Эргативные конструкции предложения

Остановимся на рассмотрении своеобразия эргативных конструкций, которые давно привлекали интересы ученых и в настоящее время представляют собой предмет исследований одного из направлений синтаксической типологии, продолжающего линию работ И. И. Мещанинова.

При номинативном строе предложения подлежащее получает постоянное грамматическое оформление — именительный падеж (nominativus) как при переходных глаголах, так и при непереходных. Языками номинативного строя являются русский, западноевропейские языки, современный персидский, турецкий, современные монгольские, финно-угорские, тунгусо-маньчжурские и многие другие.

Эргативный строй предложения характеризуется тем, что постоянную грамматическую форму получает прямое дополнение, меняются же формы подлежащего и глагола. Эргативная конструкция наблюдается в языках, не связанных генетически и имеющих различное географическое распространение: картвельская группа кавказских языков (грузинский язык), австралийские языки и другие, а также современные индийские и некоторые иранские языки (например, пушту, курдский язык).

Рассмотрим примеры эргативных конструкций на материале языка хинди. Сфера функционирования эргативных конструкций в хинди ограничена предложениями, у которых в состав сказуемого входит причастие прошедшего времени (перфективное причастие) от переходных глаголов. Эргативная конструкция возникает, в частности, при образовании форм прошедшего времени от переходных глаголов.

Прошедшее совершенное время от непереходных глаголов образует субъективную конструкцию. Прошедшее время выражается простым причастием прошедшего времени, которое согласуется с подлежащим, изменяясь по родам и числам. Имя (субъект) оформляется прямым падежом. Например, ларк̄ā āyā «мальчик пришел» (м. р., ед. ч.), ларкийā пахунчй «девочки прибыли» (ж. р., мн. ч.). Прошедшее совершенное время от переходных глаголов демонстрирует эргативные конструкции. В них подлежащее вы-

⁷³ Первоначально И. И. Мещанинов выделял посессивный, аффективный, эргативный и номинативный строй. В последние годы на аналогичных принципах Г. А. Климов воссоздает систему языков активного строя, предшествовавшего, по его мнению, строю эргативному, и выдвигает гипотезу об эргативности как о фазе преобразования активного строя языка в номинативный (см.: Климов Г. А. Очерк общей теории эргативности [77], а также: он же. К характеристике языков активного строя // Вопросы языкознания. 1972. № 4 и Типология языков активного строя и реконструкция протоиндоевропейского // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1973. Вып. 5. Т. XXXII).

ступает в косвенном падеже с послелогом *нэ* (так называемый послелог деятеля), а прямым падежом оформлен объект (дополнение). Глагол согласуется с дополнением в роде и числе; такая конструкция называется объектной. Например, *мэрэ дост нэ эк читтхи ликхй* «Мой друг написал письмо» — сказуемое-глагол *ликх* согласуется с дополнением — существительным женского рода *читтхи*. Поставив дополнение *читтхи* во множественное число, получаем при том же подлежащем эргативную конструкцию следующего вида: *мэрэ дост нэ бахут читтхйā ликхй* «Мой друг написал много писем».

В случае отсутствия прямого дополнения или если дополнение выражено косвенным падежом с послелогом *ко* или объектным падежом местоимений, сказуемое, выражаемое переходным глаголом, выступает для всех лиц, родов и чисел в форме 3-го лица, единственного числа, мужского рода. Такую конструкцию называют нейтральной. Примеры: *унхō нэ лийā* «Они взяли»; *ларкй нэ апнэ бāп ко декхā* «Девочка увидела своего отца»; *мэрэ дост нэ муджко яхā бхеджхā* «Мой друг прислал меня сюда». Исторические памятники на индийских и некоторых иранских (особенно — на среднеиранских) языках позволяют воссоздать историю формирования и эволюции эргативной конструкции в формах прошедшего времени этих языков [123], в целом не являющихся языками эргативного строя. Поэтому эволюцию эргативной конструкции в них «можно охарактеризовать как тупиковую» [77, 225]. В языках, где эргативная конструкция пронизывает всю систему глагольных форм, причины и пути формирования эргативного типа предложений и эргативного строя⁷⁴ находили в науке о языке разные объяснения. До последнего времени исследование эргативности ограничивалось описанием эргативных конструкций через морфологическую характеристику членов предложения (морфологическое направление), и, таким образом, эргативная конструкция исследовалась в связи с лексическими и морфологическими особенностями языка. В работах последнего времени было обращено внимание на комплекс определенных грамматических и лексических явлений, реализующихся в языках эргативного строя (противопоставляемых комплексу разноуровневых явлений, характерных для языков строя номинативного), и отмечено, что в настоящее время проблема эргативности «составляет весьма перспективную область сравнительно-типологических исследований» [77, 3].

Освещение вопросов эргативности переводится в область контенсивной типологии⁷⁵, ориентированной на логическое содержание языковых форм. В связи с этим устанавливается определен-

⁷⁴ О целесообразности разграничения понятий «эргативная конструкция предложения», «эргативная структура (//типология) предложения» и «эргативный строй», предлагаемого Г. А. Климовым, см. [77, 4—7].

⁷⁵ От англ. *contensive* — «содержательный».

ный вид универсалий, который можно было бы назвать логико-грамматическим⁷⁶.

Об универсалиях в типологическом синтаксисе

К числу универсалий, применяемых при разработке типологического синтаксиса и определений типологического облика языка, относятся такие, которые выражают в составе предложения единые для всех современных людей законы и категории мышления. В. З. Панфилов, исходя из наличия двух структур суждения, выдвигает на основе формальной и математической логики два универсальных отношения, находящихся выражение в предложениях всех языков:

1) Субъектно-предикатное отношение, т. е. выделяемое в формальной логике отношение логического субъекта и логического предиката. Субъектно-предикатная структура суждения выражается формулой *S* есть *P* и всегда является двучленной (бинарной). «Так, например, субъектно-предикатную структуру суждения *Иван любит Петра*, если в выражающем его предложении ни один из его членов не получает логического ударения, образуют два члена — субъект, выраженный подлежащим *Иван*, и предикат, выраженный группой сказуемого, *любит Петра*... При логическом ударении на дополнении *Петра* оно будет выражать логический предикат, а логический субъект будет выражаться уже синтаксической группой *Иван любит*» [118а, 9]. Таким образом, субъектно-предикатное членение суждения может меняться.

2) Отношения актантов к действию. Актанты — участники действия (т. е. понятия субъекта, объекта, адресата, инструмента, места действия и пр.)⁷⁷. Отношения актантов к действию, выражаемые в предложении, передают структуру суждения, рассматриваемую в современной математической логике (логика предикатов) как один из видов пропозициональной функции⁷⁸.

Понятие предиката трактуется в математической логике несколько иначе, чем в традиционной логике. «Место предиката в

⁷⁶ Термин, введенный, видимо, И. И. Мещаниновым (ср.: «...с членами предложения... соединяются субъект и предикат, образующие логико-грамматические (понятийные) категории...» [106, 6]) и распространившийся благодаря трудам В. З. Панфилова.

⁷⁷ Эти термины были введены Теньером [291]. Интересно отметить, что они изоморфны падежам *kāra*ka, установленным древнеиндийской лингвистической традицией: *kartā* (деятель, логический субъект), *kar*ma (объект, прямое дополнение), *ka*raṇa (понятие инструмента, орудия), *śampradā*na (адресат, понятие дательного падежа), *arā*dāna (исходный пункт действия в пространстве или во времени, понятие отложительного падежа), *adhika*raṇa (понятие места). Родительный падеж не является падежом *kāra*ka, т. е. не обозначает роли участников действия, актантов, как сказали бы мы сейчас.

⁷⁸ От лат. *propositio* — «предложение, суждение, высказывание». Термин «пропозициональная функция» был введен Б. Расселом. О ней см. [80, 483], а также: Арутюнова Н. Д. Понятие пропозиции в логике и в лингвистике [14].

предложении и суждении можно описать посредством современного математического понятия «функций», т. е. сказать, что предикат есть функция, т. е. зависящая переменная величина, изменяющаяся по мере изменения другой величины, называемой «аргументом» [80, 229]. Таким образом, глагольное сказуемое будет выражать *n*-местный предикат, а аргументы будут выражаться подлежащим и дополнением, обозначающими субъект и объект действия. «Фиксируемая здесь структура суждения передается формулой $x(A)$ или $A(x, y, \dots)$, поскольку пропозициональная функция может иметь один или более аргументов, т. е. предикат в ее составе может быть одноместным или многоместным. Ср. предложения *Иван идет* и *Иван любит Петра*. В первом из них предикат (*идет*) является одноместным и имеет при себе только один аргумент (*Иван*), а во втором — предикат (*любит*), является двухместным и имеет при себе два аргумента (*Иван, Петра*). Структура того же суждения, рассматриваемого как пропозициональная функция, будет состоять уже из трех членов — двухместного предиката, выраженного глагольным сказуемым *любит*, и двух аргументов, выраженных соответственно подлежащим *Иван* и дополнением *Петра*» [118а, 9]. В суждении, предметом которого является одна и та же ситуация действительности, аргументы и *n*-местный предикат всегда будут выражены одними и теми же понятиями, т. е. в приведенном примере *любит* всегда будет выражать двухместный предикат, *Иван* и *Петра* всегда будут выражать аргументы.

Отношения актантов к действию лежат в основе трактовки залоговых [см. 188], каузативных (побудительных) отношений и отношений, выражаемых в эргативных и номинативных конструкциях предложения.

Однако при выявлении структурных типов предложений существенными оказываются так называемые поверхностные структуры⁷⁹, т. е. конкретные, непосредственно воспринимаемые нами способы языкового выражения. «Различие в специфике языковой передачи логического содержания и образует «душу» синтаксиса — и в том случае, когда подобное различие обнаруживается в пределах одного языка (разные типы предложений), и в том случае, когда речь идет о несходстве между разными языками (межъязыковые синтаксические расхождения)» [35, 7].

* *
*

Типологический синтаксис привлекал и продолжает привлекать к себе внимание лингвистов. Этому немало способствует расширение лингвистического кругозора в связи с интенсивными ис-

⁷⁹ Содержание понятий «глубинная структура» — «поверхностная структура» в связи с рассмотрением функциональных значений слов (членов предложения) раскрывается в статье В. М. Солнцева «Относительно концепции «глубинной структуры» [169].

следованиями в последние десятилетия языков зарубежной Азии и Африки. Успехи в области синтаксической типологии будут зависеть, видимо, от возможностей коллективной разработки с одинаковых позиций определенных вопросов теории на основе обширного материала языков разных типов.

1. Аванесов Р. И. Кратчайшая звуковая единица в составе слова в морфеме//Вопросы грамматического строя. Сб. статей. М., 1955.
2. Аванесов Р. И. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.
3. Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Очерк грамматики русского литературного языка. Ч. 1 — Фонетика и морфология. М., 1945.
4. Адмони В. Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка. М., 1955.
5. Адмони В. Г. Основы теории грамматики. М.; Л., 1964.
6. Адмони В. Г. Опыт классификации грамматических теорий в современном языкознании//Вопросы языкознания. 1971. № 5.
7. Айлярлов Ш. С. О некоторых вопросах фонетики современного турецкого литературного языка//Вопросы тюркской филологии. Сб. статей. М., 1966.
8. Аксенов А. Т. Опыт экспериментального и статистического исследования имен существительных общего рода в современном панджаби//Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейлона. Сб. статей. М., 1968.
9. Андронов М. С. Сравнительная грамматика дравидийских языков. М., 1978.
10. Ардентов Б. П. Введение в языковедение. Кишинев, 1967. 3-е изд.
11. Арутюнова Н. Д. О значимых единицах языка//Исследования по общей теории грамматики. Сб. статей. М., 1968.
12. Арутюнова Н. Д. О минимальной единице грамматической системы//Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. Сб. статей. М., 1969.
13. Арутюнова Н. Д. Глубинные структуры и неоднозначность предложения//Глубинные и поверхностные структуры в языке. Тезисы научной конференции МГПИИ. М., 1972.
14. Арутюнова Н. Д. Понятие пропозиции в логике и лингвистике//Изн. АН СССР. Серия литературы и языка. 1976. Т. 35, № 1.
15. Ахманова О. С. К вопросу о словосочетании в современном английском языке//Изн. АН СССР. ОЛЯ. 1950. Т. 9. Вып. 6.
16. Ахманова О. С. О роли служебных слов в словосочетании//Доклады и сообщения (Институт языкознания АН СССР). Сб. статей. Вып. 1. М., 1952.
17. Ахманова О. С., Микаэлян Г. Б. Современные синтаксические теории. М., 1963.
18. Ахманова О. С. Фонология, морфонология, морфология. М., 1966.
19. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
20. Баранников А. П. Флексия и анализ в новоиндийских языках//Учен. зап. ЛГУ. 1949. Вып. 1.
21. Баранникова Л. И. Введение в языкознание. Саратов, 1973.
22. Бархударов Л. С. К вопросу о поверхностных и глубинных структурах предложения//Вопросы языкознания. 1973. № 4.
23. Бархударов Л. С. Проблема предложения в трактовке различных грамматических направлений//Вопросы языкознания. 1976. № 3.
24. Баскаков Н. А. Историко-типологическая фонология тюркских языков. М., 1988.
25. Белошাপкова В. А. Сложное предложение в современном русском языке. М., 1967.
26. Белошاپкова В. А. Грамматическая природа сложного предложения//Проблемы современной лингвистики. Сб. статей. М., 1968.
27. Белошাপкова В. А. О понятии «формула предложения» на уровне синтаксиса сложного предложения//Единицы разных уровней грамматического строя и их взаимодействие. Сб. статей. М., 1969.

28. Бернштейн С. И. Основные понятия фонологии//Вопросы языкознания. 1962. № 5.
29. Богородицкий В. А. Очерки по языковедению и русскому языку. М., 1939.
30. Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию М., 1963. Т. I—II.
31. Бондарко А. А. Грамматическая категория и контекст. Л., 1971.
32. Брызгунова Е. А. Вводный фонетический разговорный курс русского языка. М., 1982. (Факсимильное издание — 1986 г.).
33. Будагов Р. А. Введение в науку о языке. М., 1958. 2-е изд.
34. Будагов Р. А. О предмете языкознания//Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1972. № 5.
35. Будагов Р. А. К теории синтаксических отношений//Вопросы языкознания. 1973. № 1
36. Булыгина Т. В. Грамматические оппозиции (к постановке вопроса)// Исследования по общей теории грамматики. Сб. статей. М., 1968.
37. Быкова С. А. Типы ударения в современном японском языке//Вестн. Моск. ун-та. Серия филология. 1990. № 4.
38. Вардуть И. Ф. Основы описательной лингвистики. М., 1977.
39. Виноградов В. А. Лингвистические аспекты обучения языку. Вып. 1 — Универсальное и ареальное при обучении произношению. М., 1972.
40. Виноградов В. В. Русский язык. М., 1972. 2-е изд.
41. Виноградов В. В. Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка// Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975.
42. Виноградов В. В. Идеалистические основы синтаксической системы проф. А. А. Пешковского, ее эклектизм и внутренние противоречия// Там же.
43. Виноградов В. В. Основные вопросы синтаксиса предложения// Там же.
44. Виноградов В. В. Синтаксическая система проф. М. Н. Петерсона в ее развитии//Там же.
45. Восточное языкознание. Грамматическое и актуальное членение предложения. М., 1984.
46. Волков М. Д. Вводный курс современного арабского литературного языка. Киев, 1987.
47. Габучан Г. М. Теория артикля и проблемы арабского синтаксиса. М., 1972.
48. Гак В. Г. Проблемы лексико-грамматической организации предложения (докторская диссертация). М., 1967.
49. Гак В. Г. К проблеме соотношения языка и действительности//Вопросы языкознания. 1971. № 5.
50. Глубинные и поверхностные структуры в языке//Тезисы научной конференции. МГПИ — Институт языкознания АН СССР. М., 1972.
51. Головин Б. Н. Введение в языкознание. М., 1973. 2-е изд.
52. Головин Б. Н. К вопросу о парадигматике и синтагматике на уровнях морфологии и синтаксиса//Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. Сб. статей. М., 1969.
- 52a. Головин И. В. Введение в синтаксис современного японского языка. М., 1979.
53. Головин И. В. Грамматика современного японского языка. М., 1986.
54. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
55. Гранде Б. М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. М., 1963.
56. Гухман М. М. Грамматическая категория и структура парадигм// Исследования по общей теории грамматики. М., 1968.
57. Гухман М. М. О роли моделирования и общих понятиях в лингвистическом анализе//Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. Сб. статей. М., 1970.
58. Данеш Ф. В., Гаузенблас К. Проблематика уровней с точки зрения структуры высказывания и системы языковых средств//Единицы раз-

- ных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. Сб. статей. М., 1969.
59. Дешериева Т. И. К проблеме соотношения глагольных категорий вида и времени//Вопросы языкознания. 1976. № 4.
60. Драгунов А. А. Исследования по грамматике современного китайского языка. М., 1952.
61. Елизаренкова Т. Я. Исследования по диахронической фонологии индоарийских языков. М., 1974.
62. Жирмунский В. М. О природе частей речи и их классификации//Вопросы теории частей речи. Сб. статей. Л., 1968.
63. Задоенко Т. П. Фонетическая природа словесного ударения в современном китайском языке//Материалы colloквиума по экспериментальной фонетике и психологии речи. Сб. статей. М., 1966.
64. Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М., 1967.
65. Захарьин Б. А. Кашмири: фонетика и фонология, текст и система//Народы Азии и Африки. 1968. № 3.
66. Захарьин Б. А. Теоретическая грамматика языков хинди и урду. М., 1989.
67. Зиндер Л. Р., Касевич В. Б. Фонема и ее место в системе языка и речевой деятельности//Вопросы языкознания. 1989 № 6.
68. Зиндер Л. Р. Рецензия на книгу А. А. Реформатского «Из истории отечественной фонологии»//Вопросы языкознания. 1972. № 1.
69. Иванов В. В. Историческая фонология русского языка. М., 1968.
70. Иванов А. И., Поливанов Е. Д. Грамматика современного китайского языка. М., 1930.
71. Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М., 1969.
72. Касевич В. Б. Элементы общей лингвистики. М., 1977.
73. Кацнельсон С. Д. Историко-грамматическое исследование. 1. Из истории атрибутивных отношений. М.; Л., 1949.
74. Кацнельсон С. Д. О теории лингвистических уровней//Вопросы общего языкознания. Сб. статей М., 1961.
75. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
76. Кацнельсон С. Д. Общее и типологическое языкознание. Л., 1986.
77. Климов Г. А. Очерк общей теории эргативности. М., 1973.
78. Ковтунова И. И. Порядок слов в русском литературном языке XVIII — первой трети XIX в. М., 1969.
79. Кодухов В. И. Введение в языкознание. М., 1979.
80. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. М., 1975. 2-е изд.
81. Копнин П. В. Природа суждения и формы выражения его в языке//Мышление и язык. Сб. статей. М., 1957.
82. Коростовцев М. А. О категории переходности и непереходности в египетском языке//Вестн. древней истории. 1968. № 4.
83. Кочергина В. А. О некоторых сложных словах санскрита//Языки Индии. Сб. статей. М., 1961.
84. Кочергина В. А. Введение в языкознание. Материалы к курсу для востоковедов. М., 1970.
85. Кочергина В. А. О курсе «Введение в языкознание» для востоковедов//Вестн. Моск. ун-та. Серия востоковедение. 1972. № 1.
86. Крушельницкая К. Г. К вопросу о смысловом членении предложения//Вопросы языкознания. 1956. № 5.
87. Крушельницкая К. Г. Грамматическое значение в плане взаимоотношения языка и мышления//Язык и мышление. Сб. статей. М., 1967.
88. Кубрякова Е. С. Об основных единицах лингвистического анализа и предмете морфологии//Морфологическая структура слова в языках различных типов. Сб. статей. М., 1963.
89. Кузнецов П. С. Морфологическая классификация языков. М., 1954.
90. Кузнецов П. С. О дифференциальных признаках фонем//Вопросы языкознания. 1958. № 1.
91. Кузнецов П. С. Об основных положениях фонологии//Вопросы языкознания. 1959. № 2.

92. Кузнецов П. С. О принципах изучения грамматики. М., 1961.
93. Лаптева О. А. Нерешенные вопросы теории актуального членения// Вопросы языкознания. 1972. № 2.
94. Лаптева О. А. Русский разговорный синтаксис. М., 1976.
- 94а. Лингвистическая типология. М., 1985.
95. Лебедев В. В. Отрицательные предложения и вопросы арабского синтаксиса. М., 1989.
96. Липеровский В. П. О денотативной значимости категории рода имен существительных языка хинди//Проблемы семантики. Сб. статей. М., 1974.
97. Липеровский В. П. Именные части речи языка хинди. М., 1978.
98. Липеровский В. П. Глагол языка хинди. М., 1984.
99. Маслов Ю. С. Введение в языкознание. М., 1975.
100. Матусевич Ю. С. Введение в общую фонетику. М., 1959. 3-е изд.
101. Мельников Г. П. Объемные геометрические модели в пространстве физических характеристик для анализа статических и динамических свойств фонологических систем. М., 1965.
102. Мельников Г. П. Системный анализ причин своеобразия семитского консонантизма. М., 1968.
103. Мельничук А. С. О знаковой природе предложения. Материалы к конференции «Язык как знаковая система особого рода». М., 1967.
104. Мельничук А. С. Взаимодействие грамматических единиц различных уровней в рамках предложения//Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. Сб. статей. М., 1969.
105. Мельничук А. С. Понятие системы и структуры языка//Вопросы языкознания. 1970. № 1.
106. Мещанинов И. И. Структура предложения. М.; Л., 1963.
107. Мещанинов И. И. Эргативная конструкция в языках различных типов. Л., 1967.
108. Морфологическая структура слова в языках различных типов. Сб. статей. М.; Л., 1963.
109. Морфологическая типология и проблема классификации языков. Сб. статей. М.; Л., 1965.
110. Мухин А. М. Функциональный анализ синтаксических элементов. М., 1964.
111. Мухин А. М. Структура предложений и их модели. М., 1968.
112. Муркин В. Я. Некоторые вопросы понятия речи в корреляции: язык — речь//Вопросы языкознания. 1970. № 1.
113. Общее языкознание (формы существования, функции, история языка). М., 1970.
114. Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972.
115. Общее языкознание. Методы лингвистических исследований. М., 1973.
116. Панов М. В. Русская фонетика. М., 1967.
117. Панфилов В. З. Грамматика и логика (Грамматическое и лексико-грамматическое членение простого предложения). М.; Л., 1963.
118. Панфилов В. З. Взаимоотношение языка и мышления. М., 1971.
- 118а. Панфилов В. З. Языковые универсалии и типология предложения// Вопросы языкознания. 1974. № 5.
119. Панфилов В. З. Типология грамматической категории числа и некоторые вопросы ее исторического развития//Вопросы языкознания. 1976. № 4.
120. Петерсон М. Н. Очерк синтаксиса русского языка. М., 1923.
121. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938.
122. Пешковский А. М. Интонация и грамматика//Пешковский А. М. Избранные труды. М., 1959.
123. Пирейко Л. А. Основные вопросы эргативности на материале индоевропейских языков. М., 1968.
124. Поливанов Е. Д. Лекции по введению в языкознание и общей фонетике. Берлин, 1923.
125. Поливанов Е. Д. Введение в языкознание для востоковедных вузов. Л., 1928.

126. Поляков К. И. Персидская фонетика: опыт системного исследования. М., 1988.
127. Пospelов Н. С. Сложное синтаксическое целое и основные особенности его структуры//Докл. и сообщ. Ин-та русск. яз. АН СССР. 1948. Вып. II.
128. Пospelов Н. С. О грамматической природе сложного предложения//Вопросы синтаксиса современного русского языка. Сб. статей. М., 1950.
129. Пospelов Н. С. О грамматической природе и принципах классификации бессоюзных сложных предложений//Там же.
130. Потeбня А. А. Мысль и язык. Одесса, 1922. Т. 1.
131. Потeбня А. А. Из записок по русской грамматике. М., 1958. Т. I—II.
132. Почепцов Г. Г. Конструктивный анализ структуры предложения. Киев, 1971.
133. Прокопович Н. Н. К вопросу об аспектах анализа предложения//Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Сб. статей. М.; Л., 1964.
134. Протогенов С. В. История учения о фонеме. Ташкент, 1970.
135. Раевский М. В. Верхненемецкое передвижение согласных в его причинно-следственных связях: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Л., 1969.
136. Распопов И. П. Актуальное членение предложения. Уфа, 1961.
137. Распопов И. П. Актуальное членение и коммуникативно-синтаксические типы повествовательных предложений в русском языке. М., 1964.
138. Распопов И. П. Несколько замечаний о синтаксической парадигматике//Вопросы языкознания. 1969. № 4.
139. Реферовская Е. А. Синтаксис современного французского языка. Л., 1969.
140. Реформатский А. А. Введение в языковедение. М., 1967.
141. Реформатский А. А. О соотношении фонетики и грамматики (морфологии)//Вопросы грамматического строя. Сб. статей. М., 1955.
142. Реформатский А. А. Агглютинация и фузия как две тенденции грамматического строения слова//Морфологическая типология и проблема классификации языков. Сб. статей. М.; Л., 1956.
143. Реформатский А. А. Дихотомическая классификация дифференциальных признаков и фонематическая модель языка//Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. Сб. статей. М., 1961.
144. Реформатский А. А. Иерархия фонологических единиц и явления сингармонизма//Исследования по фонологии. Сб. статей. М., 1966.
145. Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. М., 1970.
146. Рождественский Ю. В. Понятие формы слова в истории грамматики китайского языка. М., 1958.
147. Рождественский Ю. В. Лекции по общему языкознанию. М., 1990.
148. Рождественский Ю. В. Типология слова. М., 1969.
149. Рубинштейн С. А. Принципы и пути развития психологии. М., 1959.
150. Румянцев М. К. Тон и интонация китайского языка. М., 1968.
151. Румянцев М. К. Синтез китайских тонов//Вопросы языкознания. 1988. № 1.
152. Севортян Э. В. К проблеме частей речи в тюркских языках//Вопросы грамматического строя. Сб. статей. М., 1955.
153. Седелников Е. А. Структура простого предложения с точки зрения синтагматических и парадигматических отношений//Филол. науки. 1961. № 3.
154. Серебренников Б. А. К проблеме типов лексической и грамматической абстракции//Вопросы грамматического строя. Сб. статей. М., 1955.
155. Серебренников Б. А. О причинах устойчивости агглютинативного строя//Вопросы языкознания. 1963. № 1.
156. Серебренников Б. А. К вопросу о «морфологизме»//Аналитические конструкции в языках различных типов. Сб. статей. М.; Л., 1965.
157. Серебренников Б. А. О лингвистических универсалиях//Вопросы языкознания. 1972. № 2.
158. Сизова Н. А. Что такое синтаксис. М., 1966.

159. Синтаксика, парадигматика и их взаимоотношения на уровне синтаксиса (материалы научной конференции). Сб. статей. Рига, 1970.
160. Система и уровни языка. Сб. статей. М., 1969.
- 160а. Слово и словосочетание в структуре предложения. М., 1981.
- 160б. Слово в грамматике и словаре. М., 1984.
161. Слюсарева Н. А. Категориальная основа тема-рематической организации предложения//Вопросы языкознания. 1986. № 4.
162. Смирницкий А. И. Объективность существования языка. М., 1954.
163. Смирницкий А. И. К вопросу о слове//Труды Института языкознания АН СССР. 1954. Т. 4.
164. Смирницкий А. И. Лексическое и грамматическое в слове//Вопросы грамматического строя. Сб. статей. М., 1955.
165. Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка. М., 1957.
- 165а. Смирницкий А. И. Морфология английского языка. М., 1959.
166. Солнцев В. М. Проблема частей в китайском языке//Вопросы языкознания. 1956. № 5.
167. Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. М., 1971.
168. Солнцев В. М. О понятии уровня языковой системы//Вопросы языкознания. 1972. № 3.
169. Солнцев В. М. Относительно концепции «глубинной структуры»//Вопросы языкознания. 1976. № 5.
170. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Фонетика. М., 1984.
- 170а. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Морфология. М., 1988.
171. Старинин В. П. Структура семитского слова. Прерывистые морфемы. М., 1963.
172. Стеблин-Каменский М. И. Об основных признаках грамматического значения//Вестн. Ленингр. ун-та. 1954. № 6.
173. Стеблин-Каменский М. И. О предикативности//Вестн. Ленингр. ун-та. 1956. № 20.
174. Степанов Ю. С. Проблема классификации падежей//Вопросы языкознания. 1968. № 6.
175. Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. М., 1975. 2-е изд.
176. Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики. М., 1975.
177. Суник О. П. Общая теория частей речи. М.; Л., 1966.
178. Суник О. П. Вопросы общей теории частей речи//Вопросы теории частей речи. Сб. статей. Л., 1968.
179. Сухотин В. П. Проблема словосочетания в современном русском языке//Вопросы синтаксиса современного русского языка. Сб. статей. М., 1950.
180. Торсуев Г. П. Проблемы теоретической фонетики и фонологии. Л., 1969.
181. Типология грамматических категорий//Мещаниновские чтения. М., 1975.
- 181а. Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии. М., 1987.
182. Универсалии и их место в типологических исследованиях//Мещаниновские чтения. М.; Л., 1971.
183. Успенский Б. А. Структурная типология языков. М., 1965.
184. Успенский Б. А. Проблема универсалий в языкознании//Новое в лингвистике. М., 1970.
185. Ушаков Д. Н. Краткое введение в науку о языке. М., 1917. 3-е изд.
186. Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды. М., 1957. Т. II.
187. Холодович А. А. Проблемы грамматической теории. Л., 1979.
188. Холодович А. А. Залог//Категория залога. Материалы конференции. Л., 1970.
189. Части речи. Теория и типология. М., 1990.
190. Шапиро А. Б. О предмете синтаксиса//Тезисы докладов на совещании языковедов вузовских и академических учреждений по теоретическим вопросам синтаксиса. М., 1960.
191. Шарбатов Г. Ш. Современный арабский язык. М., 1961.
192. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941. 2-е изд.

193. Шведова Н. Ю. Рецензия на книгу: Исследования по общей теории грамматики//Вопросы языкознания. 1970. № 1.
 194. Шведова Н. Ю. Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения//Вопросы языкознания. 1964. № 6.
 195. Шведова Н. Ю. Типология односоставных предложений на основе характера их парадигм//Проблемы современной филологии. Сб. статей. М., 1965.
 196. Шведова Н. Ю. Существуют ли все-таки детерминанты как самостоятельные распространители предложения?//Вопросы языкознания. 1968. № 2.
 197. Шведова Н. Ю. К спорам о детерминантах (обстоятельственная и не-обстоятельственная детерминация простого предложения)//Филол. науки. 1973. № 5.
 198. Широков О. С. Введение в языкознание. М., 1985.
 199. Шор Р. О., Чесноков Н. С. Введение в языковедение. М., 1945.
 - 199а. Щека Ю. В. Гармонема и тактема как интонологические единицы и их особенности в турецкой разговорной речи//Вопросы языкознания. 1989. № 5.
 200. Щерба Л. В. Интонация//БСЭ. Т. 23. М., 1935.
 201. Щерба Л. В. О частях речи в русском языке//Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М., 1961.
 202. Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л., 1958. Т. 1.
 203. Щерба Л. В. Фонетика французского языка. Л., 1939. 2-е изд.
 204. Щербак А. М. О тюркском вокализме//Тюркологические исследования. Сб. статей. М.; Л., 1963.
 205. Щербак А. М. Тюркский консонантизм//Вопросы языкознания. 1964. № 5.
 206. Щербак А. М. О фонологической оппозиции гласных по признаку ратора в тюркских языках//Народы Азии и Африки. 1966. № 1.
 207. Юшманов Н. В. Строй арабского языка. Л., 1938. Т. 1.
 208. Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Сб. статей. Л., 1967.
 209. Ярцева В. Н. Предложение и словосочетание//Вопросы грамматического строя. Сб. статей. М., 1955.
 210. Ярцева В. Н. Историческая морфология английского языка. М.; Л., 1960.
 211. Ярцева В. Н. Исторический синтаксис английского языка. М.; Л., 1961.
 212. Ярцева В. Н. Проблема формы и содержания синтаксических единиц в трактовке дескриптивистов и «менталистов»//Вопросы истории языка в современной зарубежной лингвистике. Сб. статей. М., 1961.
 213. Ярцева В. Н. Проблема аналитического строя и формы анализа//Аналитические конструкции в языках различных типов. Сб. статей. М.; Л., 1965.
 214. Ярцева В. Н. О принципах определения морфологического типа языка//Морфологическая типология и проблема классификации языков. Сб. статей. М.; Л., 1965.
 215. Ярцева В. Н. Взаимоотношение грамматики и лексики в системе языка//Исследования по общей теории грамматики. Сб. статей. М., 1968.
 216. Ярцева В. Н. О взаимосвязи элементов языковой системы//Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. Сб. статей. М., 1969.
 217. Ярцева В. Н. Типология языков и проблема универсалий//Вопросы языкознания. 1976. № 2.
- * *
*
218. Адамец П. К вопросу о синтаксической парадигматике//Ceskoslovenska rústica. 1966. Т. XI, N 2.
 219. Адамец П. Порядок слов в русском языке. Praha, 1966.
 220. Bazell C. E. Linguistic Typology. An Inaugural Lecture Delivered on 26 February 1958 in the University of London, School of Oriental and African Studies, University of London, 1958 (русс. пер.: Базелл Ч. Е. Лингвистиче-

- ская типология//Принципы типологического анализа языков различного строя. Сб. статей. М., 1972).
221. Bazell C. E. On the problem of the morpheme//Readings in Linguistics. Chicago, 1966.
 222. Benveniste E. La classification des langues//Conférences de l'Institut de Linguistique de l'Université de Paris, XI. Années 1952—1953. Paris, 1954 (русск. пер.: Бенвенист Э. Классификация языков//Новое в лингвистике. М., 1963. Вып. III).
 223. Benveniste E. Le niveaux de l'analyse linguistique//Preprints of Papers for the Ninth International Congress of Linguists. Cambridge (Mass.), 1962 (русск. пер.: Бенвенист Э. Уровни лингвистического анализа//Новое в лингвистике. М., 1965. Вып. IV).
 224. Bloch B. Studies in colloquial Japanese, II. Syntax//Language 1946. V. 22. N 2.
 225. Bloch B. Studies in colloquial Japanese //Language, IV. Phonemics, 1950. V. 26. N 1.
 226. Bloomfield L. Language. New York, 1933 (русск. пер.: Блум-филд Л. Язык. М., 1968).
 227. Boost K. Neue Untersuchungen zum Wesen und zur Structur des deutschen Satzes. Berlin, 1955.
 228. Chafe Wallace L. Meaning and the Structure of Language. Chicago and London, 1971 (русск. пер.: Уоллес Л. Чейф. Значение и структура языка. М., 1975).
 229. Chomsky N. Syntactic Structures. S'-Gravenhage, 1957 (русск. пер. Хомский Н. Синтаксические структуры//Новое в лингвистике. М., 1962. Вып. II).
 230. Chomsky N. The logical basis of linguistic theory//Preprints of Papers for the 8-th International Congress of Linguists. Cambridge (Mass.), 1962.
 231. Coseriu E. Systema, norma y habla. Montevideo, 1952.
 232. Daneš Fr. K otázce pořádku slov v slovanských jazycích//Sas. 1959. N XX.
 233. Daneš Fr. Sentence intonation from a functional point of view//Word. 1960. V. 16, N 1.
 234. Daneš Fr. Syntaktický model a syntaktický vzorek//Československé přednácky pro V. Mezinárodní sjezd slavistu v Sofii, Praha, 1963.
 235. Daneš Fr. A three-level approach to syntax//Travaux linguistique du Prague. 1964. N 1.
 236. Delbrück A. Vergleichende Syntax der indogermanischen. Sprachen. T. I. Bd III. Strassburg, 1893.
 237. Delbrück B. Einleitung in das Studium der indogermanischen Sprachen. Leipzig, 1919.
 238. Dokulil M. a Daneš Fr. Kt zv. vysnamové a mluvnické stavbe vety//O veďackem prozání soudobých jazyku. Praha, 1958.
 239. Firth J. R. Alphabets and phonology in India and Burma//Bull. of the School of Oriental Studies. 1959. N III.
 240. Gardiner A. H. The distinction of «Speech» and «Language». Atti del III congresso internazionale dei linguisti. Firenze, 1935 (русск. пер. в книге: Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. М., 1960. Ч. II).
 241. Gardiner A. The theory of speech and language. Oxford, 1951.
 242. Glinz H. Die innere Form des Deutschen. Eine neue deutsche Grammatik (Bibliotheca Germanica. V. 4). Bern, 1952.
 243. Grennberg J. H. A quantitative approach to the morphological typology of language//International Journal of American Linguistics. 1960. V. XXVI. N 3 (русск. пер.: Гринберг Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков//Новое в лингвистике. М., 1963. Вып. III).
 244. Grennberg J. H., Osgood Ch., Jenkins J. J. Memorandum concerning Language Universals//Universals of Language. Cambridge, 1963 (русск. пер.: Гринберг Дж., Осгуд Ч., Дженкинс Дж. Меморандум о языковых универсалиях//Новое в лингвистике. М., 1970. Вып. V).
 245. Greenberg J. H. Language universals; with special reference to feature hierarchies. The Hague; Paris, 1966.

246. Hjelmslev L. *Langue et parole*//Cahiers Ferdinand de Saussure. 1942. N II (русск. пер. в кн.: Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. М., 1960. Ч. II).
247. Hjelmslev L. *Prolegomena to a theory of Language*. Baltimore. 1953 (русск. пер.: Ельмслев Л. Прологомены к теории языка//Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. I).
248. Hjelmslev L. *Animé et inanimé, personnel et nonpersonnel*//Travaux de l'institut de linguistique. 1956. V. 1. Paris (русск. пер.: Ельмслев Л. О категориях личности — неличности и одушевленности — неодушевленности//Принципы типологического анализа языков различного строя. Сб. статей. М., 1972).
249. Hockett Ch. F. *A course in modern linguistics*. New York, 1958.
250. Hockett Ch. F. *The Origin of Speech*//Scientific American. 1960. V. 203, N 3.
251. Hockett Ch. F. *The Problem of Universals in Language*//Universals of Language. Cambridge (Mass.), 1966 (русск. пер.: Хокетт Ч. Ф. Проблема языковых универсалий//Новое в лингвистике. Сб. статей. М., 1970. Вып. V).
252. Humboldt W. *Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts*. W. von Humboldt's gesammelte Werke, Bd 6. Berlin, 1848 (русск. пер. в кн.: Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. I. М., 1960).
253. Jakobson R. *Prinzipien der historischen Phonologie*//Travaux du Cercle linguistique de Prague. 1931. T. IV.
254. Jakobson R. *Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre*//Travaux du Cercle linguistique de Prague. 1936. V. 6.
255. Jakobson R., Fant C. G. M., Halle M. *Preliminaries to speech analysis. The distinctive features and their correlates*//Technical Report. 1955, N 13. P. 16—55 (русск. пер.: Якобсон Р., Фант Г. М. и Халле М. Введение в анализ речи//Новое в лингвистике. Сб. статей. М., 1962. Вып. II).
256. Jakobson R. *Typological studies and their contribution to historical comparative linguistics*//Proceedings of the Eighth international congress of linguists. Oslo, 1958 (русск. пер.: Якобсон Р. Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание//Новое в лингвистике. Сб. статей. М., 1963. Вып. III).
257. Jakobson R. *Selected writings*. V. 1 (Phonological studies). S'Gravenhage, 1962.
258. Jespersen O. *The Philosophy of Grammar*. London, 1951 (русск. пер.: Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958).
259. Karcevskij S. *Sur la phonologie de la phrase*//Travaux du Cercle linguistique de Prague. 1931, N 4.
260. Kuryłowicz J. *Les structures fondamentales de la langue: groupe et préposition*//Commentariorum Societatis Philosophicae Polonorum Studia. 1948. N III (русск. пер.: Курилович Е. Основные структуры языка: словосочетание и предложение//Очерки по лингвистике. М., 1962).
261. Kuryłowicz J. *Le problème du classement des cas*//Bulletin de la Société Polonaise de Linguistique. 1949. N 9. Wrocław; Kraków (русск. пер.: Курилович Е. Проблема классификации падежей//Очерки по лингвистике. Сб. статей. М., 1962).
262. Kuryłowicz J. *L'apophonie en indoeuropéen*. Wrocław, 1956.
263. Lotz J. *Notes en structural analysis in metrics*//Helicon. 1943. N 4.
264. Martinet A. *Phonologie as functional phonetics*. London, 1950.
265. Martinet A. *Economie des changements phonétique: traité de phonologie diachronique*. Paris, 1955 (русск. пер.: Мартинет А. Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960).
266. Martinet A. *Elements of a functional syntax*//Word. 1960. V. 16, N 1.
267. Martinet A. *Eléments de linguistique générale*. Paris, 1960 (русск. пер.: Мартинет А. Основы общей лингвистики//Новое в лингвистике. Сб. статей. М., 1963. Вып. III).

268. Martinet A. Structural Variation in Language//Preprints of Papers for the Ninth International Congress of Linguists. Cambridge 1962 (русск. пер.: Мартинет А. Структурные вариации в языке//Новое в лингвистике. Сб. статей. М., 1965. Вып. IV).
269. Martinet A. The foundations of a functional syntax//Monograph series on languages and linguistics. 1964. N 17. Georgetown.
270. Martinet A. La linguistique synchronique. Paris, 1968.
271. Maspero H. La langue chinoise. Paris, 1931.
272. Mathesius V. O tak zvaném aktualním clenem vetném//Čestina a obecny jazykozpyt. Praha, 1947 (русск. пер.: О так называемом актуальном членении предложения//Пражский лингвистический кружок. Сб. статей. М., 1967).
273. Mathesius V. Obsahovy rasbor soucasné anglictiny. Praha, 1961.
274. Meillet A. Introduction à l'étude comparative des langues indoeuropéennes. Deuxième édition corrigée et augmentée. Paris, 1908 (русск. пер.: Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1938).
275. Milewski T. Językoznawstwo. Warszawa, 1967.
276. Morgensterne G. The Phonology of Kashmiri // Archiv. Orientalni. 1941. T. XIX N 1.
277. Paul H. Prinzipien der Sprachgeschichte (2. Aufl.). Halle, 1886 (русск. пер.: Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960).
278. Pike K. L. Taxemes and immediate constituents//Language. 1943. V. 19, N 2.
279. Pike K. L. Language in Relation to a Unified Theory of the Structure of Human Behavior (2. ed.). The Hague; Paris, 1967.
280. Prozig W. Das Wunder der Sprache. Bern, 1950.
281. Ries J. Was ist Syntax? Marburg, 1894.
282. Ries J. Zur Wortgruppenlehre. Prag., 1928.
283. Ries J. Was ist ein Satz?//Beiträge zur Grundlegung der Syntax. 1931. H. II. Prag.
284. Sapir E. Language. New York, 1921 (русск. пер.: Сепир Э. Язык. М., 1934).
285. Saussure F. Cours de linguistique générale (1906—1911) publié par Ch. Bally et A. Sechehaye (русск. пер.: Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М., 1933).
286. Schleicher A. Sprachvergleichende Untersuchungen. I. Zur vergleichenden Sprachgeschichte. Bonn, 1848.
287. Schmidt F. Logic der Syntax. Berlin, 1962.
288. Seung-Bog Cho. A phonological study of Korean. With a historical analysis. Acta universitatis Upsaliensis Studia Uralica et Altaica Upsulensis. 2. Uppsala, 1967.
289. Skalička V. O současnému stavu typologie//Slovo a slovesnost. 1958. T. XIX. N 2 (русск. пер.: Скаличка В. О современном состоянии типологии//Новое в лингвистике. Сб. статей. М., 1963. Вып. III).
290. Sprang-Hanssen H. On the simplicity of description//Travaux du Cercle linguistique de Copenhague. 1949. N 5.
291. Tesnière L. Eléments de syntaxe structurale. Paris, 1959.
292. Trubetzkoy N. S. Grundzüge der Phonologie. 2. Auflage. Göttingen, 1958 (русск. пер.: Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., 1960).
293. «Universals of Language», Report of a conference held at Dobbs Ferry. New York, April 1961, 2d edition. Cambridge (Mass.), 1966 (русск. пер.: Хенигсвальд Г. Существуют ли универсалии языковых изменений//Новое в лингвистике. Сб. статей. М., 1970. Вып. V.)
294. Vendryes J. Le langage. Introduction linguistique à l'histoire Paris, Michel, 1950 (русск. пер.: Вандриес Ж. Язык. М., 1937).

Предисловие	3
ГЛАВА I. ФОНЕТИКА-ФОНОЛОГИЯ	10
Введение	10
§ 1. Акустический аспект изучения звуков	10
§ 2. Анатомо-физиологический аспект изучения фонетики	13
§ 3. Фонетическое описание звуков речи, их классификация	19
Согласные	20
Гласные	28
§ 4. Вопросы транскрипции	35
§ 5. Лингвистический, или функциональный, аспект	37
Из истории учения о фонеме	38
Что такое фонема?	40
Процесс выделения фонем в языке	41
Различительные и нейтральные признаки фонемы	41
Учение о позициях. Вариации и варианты фонем	42
Условия возникновения аллофонов и критерии их установ- ления	44
Вопрос о дистрибуции фонем	46
Понятие «система фонем»	47
§ 6. Изменение звуков	50
Позиционные изменения	50
Комбинаторные изменения	52
О звуковых изменениях в языках с системой этимологиче- ских тонов	56
§ 7. Диахроническая фонология	57
§ 8. Слог и фонетическое ударение	59
Теория слога	60
Принципы слогоделения	61
Слог в тональных языках	62
Структура слога	62
Понятия «суперсегментная фонема», просодема	63
Ударение как просодический различительный признак слога	64
Динамическое ударение	65
Музыкальное, или тональное, ударение	66
Количественное ударение	67
§ 9. Речевой такт и ударения в нем	68
§ 10. Фраза и интонация	68
Фраза	68
Интонация	69
Типы интонации	69
Фонологическая интерпретация интонации. Интонема	70
Вопрос об интонации в тональных языках	70
ГЛАВА II. ГРАММАТИКА: МОРФОЛОГИЯ	72
Введение. Что такое грамматика и каковы ее границы	72
§ 1. Единицы языка и отношения между ними	73
§ 2. Морфема	76
§ 3. Слово	81
§ 4. О некоторых исходных понятиях грамматики	82
§ 5. Части речи	87
Из истории учения о частях речи	87
Трудности в определении частей речи и современные задачи их исследования	88

О критериях установления частей речи	90
Универсальная система частей речи	93
§ 6. Словоизменятельные грамматические категории	95
Вводные замечания	95
Категория рода	96
Некоторые черты грамматических категорий	103
Категория числа	103
Категория падежа	105
Категория определенности — неопределенности	107
Категория отчуждаемой — неотчуждаемой собственности	108
Категория лица	109
Категория вида и категория времени	110
Категория наклонения	111
Категория залога	113
Категория породы	115
§ 7. Способы выражения грамматических значений («внешняя» морфология)	117
Аффиксация	117
Словообразовательная функция аффиксов	117
Словоизменятельная аффиксация (внешняя флексия)	120
Фузийная и агглютинативная аффиксация	122
Чередование (внутренняя флексия)	124
Ударение	125
Повторы	126
Словосложение	129
Супплетивизм	132
Синтетизм и аналитизм	133
§ 8. Аналитические способы выражения грамматических значений	133
Способ служебных слов	133
Артикль	133
Предлоги и послелоги	134
Вспомогательные глаголы	135
«Слова степени»	136
«Пустые слова»	136
Видо-временные слова	136
Союзы и частицы	137
Интонация и способ порядка слов	137
§ 9. Из вопросов типологии	138
Типы слов в соответствии с их структурой	138
Понятие языкового типа	139
О направлениях типологических исследований	141
§ 10. Языковые универсалии	143
К постановке вопроса	143
Из истории исследования универсалий	143
Виды универсалий	145

ГЛАВА III. ГРАММАТИКА: СИНТАКСИС 147

Введение	147
§ 1. О предмете синтаксиса	148
Логическое направление в теории синтаксиса	148
Психологическое понимание предложения	149
Формально-грамматический подход к предложению	150
О предмете синтаксиса в современном языкознании	151
О некоторых проблемах современного синтаксиса	152
§ 2. Вопросы словосочетания	153
Вводные замечания	153
Сочинительные словосочетания	154
Подчинительные словосочетания	154
О типах связи слов	155
Специфика словосочетаний	157
§ 3. Предложение	158

	Вводные замечания	
	Признаки предложения	
	Предложение как синтаксическая и как смысловая структура. Конструктивный синтаксис и коммуникативный синтаксис	
§ 4.	Синтаксические грамматические категории	
§ 5.	Синтаксическое членение предложения в его конструктивном аспекте	
	Учение о членах предложения	
	Главные члены предложения	
	Вопрос о второстепенных членах	
	Детерминирующие члены	
	Принципы синтаксического членения	
§ 6.	Смысловое членение предложения	
	Из истории вопроса	
	Теория актуального членения	
	Сложности смыслового членения	
	Предложение и высказывание	
	Способы актуализации	
§ 7.	Специфика предложения как единицы языка. Структурные типы предложения	
§ 8.	Простые предложения	
§ 9.	Сложные предложения	
	Понятие «минимальная конструкция»	
	Предложения открытой и закрытой структуры	
	Бессоюзные и союзные предложения	
	Сложносочиненные и сложноподчиненные предложения	
	Различительные признаки сложных предложений	
§ 10.	О синтаксической типологии	
	Принципы синтаксической типологии	
	Эргативные конструкции предложения	
	Об универсалиях в типологическом синтаксисе	

Л и т е р а т у р а

КОЧЕРГИНА Вера Александровна

ВВЕДЕНИЕ В ЯЗЫКОВЕДЕНИЕ

ОСНОВЫ ФОНЕТИКИ-ФОНОЛОГИИ. ГРАММАТИКА

Зав. редакцией М. Д. Потапова

Редактор В. Г. Щербакова

Художник Е. Самойлова

Технический редактор Н. И. Матюшина

Корректоры Л. А. Айдарбекова, В. И. Долина

Сдано в набор 21.06.91.	Подписано к печати 3.12.91.	Формат 60×90/16
Бумага тип. № 2.	Гарнитура литературная.	Высокая печать.
Усл. печ. л. 13,0	Уч.-изд. л. 14,77	Тираж 5000 экз.
Зак. № 106	Изд. № 1563	Цена 3 р. 10 к.

Ордена «Знак Почета» издательство Московского университета.
103009, Москва, ул. Герцена, 5/7.

Типография ордена «Знак Почета» издательства МГУ.
119899, Москва, Ленинские горы

Вниманию читателей!

В 1992 году
в Издательстве
Московского университета
выйдет новая книга:

Комлев Н. Г. СЛОВО В РЕЧИ: ДЕНОТАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ. — 16 л — 6 р.

В книге представлены новейшие сведения о содержании слова, о методах его описания и употребления в речевом обиходе. Показаны механизмы связи слов друг с другом и с объектами обозначения. Излагаются теоретические основания культуры речи — устной и письменной, указываются способы борьбы против бюрократизации языка. Материал иллюстрируется примерами, взятыми из средств массовой информации. Основные тезисы (денотативная грамматика) изложены в аксиоматической форме.

С новых позиций освещаются в книге проблемы связи языка и мысли, совершенствования речевого взаимодействия, языка как средства воспитания, а также вопросы лингводидактики, лексикографии, перевода, культуры речи.

Каждый, кто хочет достичь гармонии в контактах между людьми — в быту и на производстве, кто желает на научной основе повысить культуру речевого общения и уровень своей ригорической подготовки, найдет в книге нужную ему информацию.

Для филологов, учителей, переводчиков, журналистов, информатиков, всех любителей словестности.

3 р. 10 к.